В. ВУДВОРД

ВЗДОР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. ВУДВОРД

ВЗДОР

РОМАН

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
С. А. ПОЛЯКОВА и Л. И. НЕКРАСОВОЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЕВГЕНИЯ ЛАННА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1927 ☆ ЛЕНИНГРАД

Я ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ ПАМЯТИ

РЕМИ ДЕ-ГУРМОНА,

ИДЕИ КОТОРОГО, КРИСТАЛЬНО ЧИСТЫЕ И ТВЕРДЫЕ, КАК СТАЛЬ, ОЖИВАЯ, ВСТАЮТ С ЕГО СТРАНИЦ В ОБЛАЧЕНИИ КРАСОТЫ И СВЕТА.

В. В.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
КОСМИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР

1

У Дэмблов был космический вечер. Это не мой термин. Они сами так называли свои вечера.

Интересная чета Дэмблов проживает на Восточной Шестнадцатой улице, вблизи Стовезэнт-сквера, в старом кирпичном доме, в котором отдаются в наем отдельные квартиры. Снаружи дом окрашен в темный цвет; в вестибюль, выстланный кафельными плитками, ведет стеклянная дверь. Комнаты в доме большие, темные лестницы покрыты коврами, причем повсюду вас преследует затхлый запах. Дэмблы занимают второй этаж, ибо там комнаты больше и выше. Обширные комнаты им нужны потому, что их собрания нередко превращаются в народный форум, куда приглашаются поговорить всевозможные знаменитости.

На космических вечерах Дэмблов можно встретить странную публику. Однажды на их вечере в качестве почетного гостя присутствовал вождь каннибалов, разумеется, цивилизованный. В течение года там появлялись: мирные индусы, косматые люди, прожившие двадцать лет среди эскимосов, тонкие бледнолицые поэты и масса других гостей, весьма много обещающих, но еще себя не проявивших.

Близко я не знаком с Дэмблами. Да и никто другой с ними не знаком. Они появляются на поверхности жизни только для того, чтобы устраивать такие вечера, и когда очередной вечер заканчивается, они спокойно стушевываются до той поры, пока вновь не настанет время приподнять завесу над космосом.

Когда я вошел в комнату, табачный дым был настолько густым, что хоть топор вешай. М-с Дэмбл прошептала:

— У нас сегодня интересная публика.

Шум был оглушительный, все говорили сразу: «М-р М... М... М и м-с Б... Б... Б». Я не мог уловить фамилий.

В этом хаосе, в конце концов, можно было различить людей и обстановку, и я заметил, что говорил главным образом голубоглазый, с тяжелым подбородком человек, сидевший в тени около окна.

— В настоящее время мы проводим обезвздоривающие операции в широких размерах,—говорил этот человек.—Это—трудное дело, позвольте вам сказать, но до сих пор мы стояли вне какой бы то ни было конкуренции. Мы начали с маленького приблизительно два года назад и с тех пор значительно развили свою деятельность. «Не слишком разбрасываться, но и не суживать»—вот наш девиз.

— Обезвздоривать?—с явным английским акцентом спросила дама, сидевшая справа от меня.—Каков точный смысл этого слова? Я, конечно, должна была бы это знать и не спрашивать,—прибавила она нерешительно.

— Ну, почему же? Обезвздоривать—значит извлекать из всего вздор, очищать от вздора,—отвечал человек с тяжелым подбородком.—Вы слышали, конечно, о дефляции,—о тех мерах, которые применяются для уничтожения ненормального вздутия цен, заработной платы и т. д., словом, для изъятия фиктивных ценностей из торгового

оборота. Так вот: обезвздоривание—значит изъятие фиктивных духовных ценностей. Это—осознание действительности. Обезвздоривание—мое занятие. Я хочу сказать, что я профессиональный обезвздориватель.

— А все-таки я не понимаю, что это значит,—прошептала мне молодая дама,—но мне стыдно у него спросить... Что же такое вздор?

Представьте себе взрослого человека, который не знает по собственному опыту, что такое вздор! Торопливо и вполголоса я попытался ей объяснить. Я надеялся, что молодая дама меня поняла.

— Моя дорогая,—объяснял я ей,—вздор *, это—нелепица, пустяки, выдумка, ложь...

— Так это значит лицемерие, притворство, не так ли?—прошептала в ответ молодая дама.

— Не совсем так,—возразил я,—это—своего рода иллюзия. Лицемерие недостаточно сильно. Иллюзия—вот настоящее слово. Иллюзия—великая вещь в жизни. Миллионы людей живут, не имея ничего иного за душой.

Я вновь обратил свое внимание на необычайного специалиста. Он описывал свои методы.

— Как раз перед моим уходом на этот вечер я был экстренно вызван,—говорил, он,—но я не мог заняться этим случаем. Нужно немного и отдохнуть. Молодой актер. Это очень плохо, потому что обычно такие случаи имеют роковой исход. Мне передали по телефону, что этот молодой человек раздулся до огромных размеров и начал летать по комнате, как воздушный шар. К утру он, вероятно, лопнет.

— Я полагаю, у вас имеется какое-нибудь учреждение, бюро или вообще какое-нибудь оборудование, необходи-

* Неологизм: bunk (так называется роман Вудворда) — производное от buncombe, что значит: нонсенс, чепуха, гиль, обман, враки, хвастовство, вздор. Мы остановились на последнем синониме. *Прим. ред.*

мое при производстве ваших обезвздоривающих операций?—задал вопрос человек лет тридцати, с прекрасными волосами и веселым взглядом,—человек, в котором я узнал доцента физики, работающего в соседнем университете.

— О, нет, я работаю один,—отвечал джентльмен, сидевший в тени.—Сейчас, рассказывая о своей деятельности, я говорил о себе во множественном числе, но это не что иное как писательское «мы». Естественно, я пользуюсь время от времени, помощью других, но пока у меня нет организации. Вы сами видите—поле деятельности огромно. Для того, чтобы обезвздорить Соединенные Штаты, потребуется постоянная помощь не менее чем полумиллиона людей. Я не пытаюсь создавать крупной индустрии, это моя личная профессия.

— Какая удивительная вещь наука!—прошептала черноглазая дама с ярко накрашенными губами.—А как же вы производите ваши обезвздоривающие операции?

— О, на это трудно ответить, ибо метод варьируется согласно с природой каждого случая. Например, возьмем случай с писателем. В этом случае лечение состоит в том, что писателям читаются вслух день и ночь их собственные произведения резким и отчетливым голосом. Я пользуюсь для этого сиделками. После каждого абзаца сиделка останавливается и спрашивает пациента, что он хотел сказать в том отрывке, какой она только что прочла. Этим способом часто удавалось достигнуть благоприятного результата в течение суток. Все это очень любопытно. Это искусство делает успехи каждый день. Например, я сейчас разрабатываю план для обезвздоривания атмосферы. Я предполагаю это сделать в окрестностях одного из наших больших городов... Вокруг Нью-Йорка вполне возможно извлекать вздор из

атмосферы большими кусками—частичное извлечение, вы понимаете?

Во время этой беседы один из гостей, человек средних лет, в очках, с плешивой головой, похожей на пузатый купол русской церкви, расхаживал взад и вперед по комнате, еле сдерживая негодование. Вдруг он остановился и, прерывая разговор, выпалил:

— Одну минуту, сэр! Вам хорошо все это говорить, но, по моему мнению, ваш план—самая наглая вещь, какую я когда-либо слышал. И вы и ваши проекты—угроза общественной безопасности. При этом все, что вы затеяли, сделать невозможно. Знаете вы, что сказал Рошфуко? «Celui qui veut entreprendre les grandes choses doit auparavant éprouver ses forces». Это значит: «Кто хочет совершить нечто великое, тот должен сперва испытать свои силы». Я перевел более или менее свободно, но вы, конечно, меня поняли. Уничтожить вздор! Вы боретесь с самой мощной созидающей силой в мире! Как бы могла возникнуть великая война, если бы не существовало вздора? Разумеется, она никогда бы не вспыхнула, и история лишилась бы самых славных своих страниц. Читали вы Шопенгауэра? Или историю Бокля? Наверно, нет. Если бы вы прочли столько же, сколько прочел я, вы знали бы, сэр, что человечество нуждается во вздоре и преуспевает благодаря ему. Посмотрите, что совершили люди под влиянием вздора. Горилла—я не ссылаюсь на pithecantropos erectus, но на pithecantropos... м-м... просто на обыкновенного питекантропа,—горилла научилась ходить на двух ногах и пользоваться своими руками. Но она не носит платья, не читает передовиц, не ходит на распродажи. Горилла не знает всего этого вздора, и что же она создала? Решительно ничего. Каждый сколько-нибудь благоразумный человек должен остановиться перед этим фак-

том и поразмыслить. Вы играете с динамитом, сэр! С динамитом, говорю я!

Мой друг, Бобби Гамильтон, сидевший рядом со мной, наклонился ко мне, прикрывая рукой рот.

— Этот человек, который так выходит из себя,—прошептал он,—не кто иной как Клэппертон, прославленный автор передовиц из «Evening Standart».

— Во всяком случае,—продолжал Клэппертон,—ваша идея не нова. Если бы вы получили такое же хорошее образование, как я, вы бы знали, что давным-давно, еще в 1817 г., известный фон-Гельмут изобрел прекрасный способ извлечения вздора из людей и из нашей жизни, но по соображениям гуманитарным он никогда им не пользовался. Результат был бы слишком жесток. Не обращая на это внимания, без единой капли сожаления вы готовите нам страшную судьбу,—вы обрекаете людей на жизнь, лишенную вздора!

— Люди науки, вроде меня,—сказал серьезно человек с железной челюстью,—не могут считаться с такими соображениями. Мы обращаем наши лица к свету, цепляемся за нить правды, идущую с ткацкого станка жизни, а там—будь, что будет! Ну, а помимо этого, мистер Клэппертон, если вы даже и не можете со мной согласиться,—волноваться не стòит. Если бы я стал работать ежедневно по шестнадцати часов в сутки и работал бы всю жизнь, я не обезвздорил бы и одного Манхэттен Айлэнд, не говоря уже об остальном мире. Вы в безопасности.

Клэппертон сидел беспокойно на кончике стула и смотрел во все глаза на оратора.

— Некоторые случаи очень интересны,—продолжал специалист по обезвздориванию.—Недавно мы обезвздорили одного крупнейшего финансиста. Случай был не совсем обычный, и хирургическая операция была необ-

— Я не боюсь соревнования,—сказал я.—Мой роман готов заранее потерпеть финансовое банкротство; для меня важен художественный успех, а потому мне не придется вступать с кем-нибудь в соревнование.

— О! Прекрасно! Это правильное понимание дела,— заметил он.—Какова ваша профессия?

— Я—усталый делец,—выпалил я, как из пушки,—и я ничуть этого не стыжусь.

Когда я позже думал об этом разговоре, я боялся, что сделал это заявление тоном, пропитанным напыщенным эгоизмом.

— О, все это очень хорошо,—продолжал он вежливо.—Мне кажется, вы хотите сказать, что, будучи усталым дельцом, вы не понимаете ничего в литературе, но твердо знаете, чего хотите?

Я согласился с этим предположением.

— Усталые дельцы пишут иногда романы—несколько человек написало,—мечтательно произнес он,—но, как общее правило, эти романы оказываются в достаточной степени манерными. Написаны они неумело. Никогда не становитесь скучным; не забывайте вкладывать жизнь в ваше творчество. Во-вторых,—продолжал он,—идеи усталых дельцов почти всегда крайне консервативны, реакционны. Эти люди—прошу вас не думать, что я намекаю на отдельных личностей,—эти люди оказываются вне влияния глубоких скрытых течений современности, так что плоды их художественного творчества отзываются произведениями Дизраэли *. Вы должны избежать этого,—сказал он, тряся головой.

— Я последую вашим указаниям и избегну этого недостатка,—сказал я.—Когда я замечу за собой, что стано-

* Дизраэли Биконсфильд — знаменитый английский консерватор государственный деятель Англии XIX в. Автор многих посредственных романов. *Прим. ред.*

— Не разобрал его фамилии (я боялся, что выдаю свое волнение). Какой это Майкель Уэбб?

— Существует только один, насколько я знаю,—кричала она,—путешественник и философ. Он объехал вокруг света, пропадал десять или двенадцать лет. Он в каком-то родстве с очень известными Уэббами из Новой Англии.

Боже мой! Случалось ли вам когда-нибудь сталкиваться лицом к лицу с кем-нибудь, кого вы считали умершим, проживающим на островах Тихого океана или много лет назад отдавшим весь свой пыл торговле скобяными товарами?

— Да ведь это—мое лицо!—воскликнул я, обращаясь к м-с Дэмбл, с трудом переводя дыхание, спотыкаясь на каждом слове.—Мое потерянное лицо!

— Вы потеряли свое лицо?—нежно спросила м-с Дэмбл.—Он нашел его?..

Быть немножко помешанным—самая подходящая вещь для космического вечера, и я заметил, что м-с Дэмбл сразу стала смотреть на меня, как на интересную личность.

— Нет, нет, м-с Дэмбл,—объяснял я.—Действующее лицо из моей книги! Мой герой! Намереваясь написать книгу, я создал главного героя—он был назван мною Майкелем Уэббом—и отправил его прогуляться по белу свету с тем, чтобы он набрался там опыта... Но до сих пор он не возвращался назад.

— Прекрасно. А теперь он—знаменитость,—сказала она.—Я удивлена, что вы раньше с ним не встретились.

— Три года я пробыл в Мексике. Нет ли у вас случайно его адреса?

— Он очень известен,—продолжала она.—И очень интересен, не правда ли?.. Вы найдете его адрес в

ходима. Этот финансист был не особенно толст, и тем не менее при помощи операции мы удалили из него здоровенный кусок вздора,—кусок, весивший больше ста фунтов. Кусок был тверд, как медь. Я не понимаю, как этот джентльмен ухитрялся передвигаться, имея его при себе.

— Боже мой,—прошептал кто-то,—что же, он поправился после такой тяжелой операции?

— О, нет, он скончался! Но операция была великолепна. Я знал, что исход должен быть роковым, и предупреждал его компаньонов по делу, но они сказали, чтобы я все-таки оперировал. Это была прекрасная операция. Сейчас мы намерены обезвздорить одну из столичных газет. Я не знаю, каков будет результат, но, судя по предварительному диагнозу, полагаю, что едва ли от бедняжки что-нибудь останется, кроме объявлений о похоронах и известий об отходящих и приходящих пароходах.

Услышав это, Клэппертон надел шляпу, издал какое-то нечленораздельное гневное восклицание и ушел. Этот внезапный уход не произвел особенного впечатления. Споры в салоне Дэмблов часто приводили к тому, что гости с яростными криками выбегали на улицу.

2

Специалист по обезвздориванию распростился с хозяевами, когда еще не было десяти часов,—час ранний для космического вечера. Я предполагал остаться и послушать мнения о нем и о его идеях. Очутившись рядом с м-с Дэмбл, я у нее спросил, как зовут этого знатока по обезвздориванию.

— Да ведь это Майкель Уэбб!—отвечала она.—Я вам представила его, когда вы пришли.

Я застал его в его библиотеке за чтением писем. Его манеры были какие-то необычные; в нем было нечто от китайского мудреца. Хотя до той поры я никогда не встречал великих писателей, но слышал, что им уже так положено всегда быть необычными, не похожими на простых смертных. Теперь этот великий писатель больше уже не пишет о людях—мое первое свидание с ним было давно. Теперь его темой являются идеи. Он блестяще написал об «Интеллектуальной ориентации» и «Эмоциональной эстетике». В настоящее время он работает над «Социальной динамикой», которая выйдет в свет ближайшей весной. Эта книга говорит о проблемах, встающих изо дня в день перед рабочим. «Моей целью является,—объяснял он,—дать этим проблемам надлежащую оценку в экономических терминах».

Он предложил мне стул и, после того как я комфортабельно уселся, стал меня расспрашивать о моем прошлом.

— Вы писатель по профессии?—спросил он ласковым тоном.

— Нет, у меня нет никакого опыта в писательстве. Я думал, что вы будете настолько добры дать мне какие-нибудь указания.

Он был великодушен и обязателен, но его вид повергал меня в смущение.

— Это одна из самых тяжелых профессий в мире. Единственная профессия, где приходится вступать в активное соревнование с покойниками... Вы слыхали о моем соревновании с Теккереем? Нет? Так знайте,—у нас была настоящая борьба. Временами я думал, что уже уложил Теккерея, но он снова вскакивал и наносил удары. Эти покойники совершенно не знают, как себя вести. Затем еще—Герман Мельвиль. Уже давно умерший и забытый. он снова начинает жить.

телефонной книжке. Но подождите! Он у меня имеется здесь.

Она взяла с конторки маленькую в сафьяновом переплете адресную книжку и дала мне адрес и телефон Майкеля Уэбба.

— Теперь, когда вы опять нашли вашего героя, вы можете продолжать книгу, не правда ли?—мило сказала она.

Таким тоном говорят взрослые со сконфуженным ребенком.

— О, да. Я решил покончить с моей книгой раз навсегда.—Если поспешить, быть может, я еще догоню его на улице!

3

Ясно вспоминается мне тот день, когда я в первый раз увидел Майкеля Уэбба... В то время каждый, кому не лень, писал романы. Живущие в пригородах писали их во время ежедневных поездок в город. Водопроводчики, трамвайные кондуктора и четырнадцатилетние девочки наводняли своими творениями литературу. И вот однажды я сказал самому себе: почему бы и тебе не написать романа и не стать знаменитостью? Конечно, быть знаменитостью не доставляет никаких хлопот, тем более, что роман, который я хотел написать, был вполне безобидным.

Первым делом я купил книгу под заглавием: «Руководство к писанию повестей и романов, в двенадцати легких уроках». Я нашел, что уроки слишком для меня легки. На протяжении ста пятидесяти страниц было сказано: во-первых, выдумайте идею, во-вторых, напишите вашу книгу, в-третьих, сделайте ее интересной... Мне стало ясно, что я плохо поместил свои два доллара.

Потом я решил зайти к великому писателю и попросить у него совета.

влюсь слишком реакционным и консервативным, я вспомню наш разговор.

— Сейчас либеральный век,—продолжал он.—Некоторые из лучших книг за последнее время были написаны в защиту либерализма. Проза вроде Уольтера Пэтера * относится к их числу. Какой замысел вашего романа?

— У меня нет никакого замысла. Мне просто-напросто пришло в голову соединить вместе нескольких действующих лиц и посмотреть, что из этого получится. Я надеюсь, что эти лица будут что-нибудь делать по их собственному соглашению. Если я предоставлю им возможность достаточно долго друг с другом разговаривать, они уговорят друг друга затеять какую-нибудь кутерьму. Так бывает в жизни.

— Но художественное произведение не вполне похоже на жизнь,—сказал он.—Жизнь, это—бесконечный поток, в то время как художественное произведение имеет определенное начало и конец. Это нечто самодовлеющее, целый замкнутый в самом себе мир. Художественное произведение должно быть так же замкнутым, в том случае, если хочет войти в литературу. Предполагаю, что вы попытаетесь написать художественное произведение. Не правда ли?

— О да, художественность—это моя цель,—сказал я.—Я хочу стать настоящим писателем.

— В таком случае вы должны твердо запомнить,—продолжал великий писатель,—что художественное произведение должно иметь определенную тему, в нем должно быть вступление, какая-нибудь проблема, эмоциональный конфликт и развязка. Все вы можете окутать иллюзией реальности... И притом каждый должен

---

* Автор „Мария Эпикурейца“, „Ренессанса“ и „Воображаемых портретов“ — известный эстет, предтеча Уайльда. *Прим. ред.*

испытать страдания, прежде чем возьмется за перо. Страдали ли вы?

Я отвечал, что страдал достаточно.

— Это хорошо,—заметил он решительно.—В страданиях узнаешь жизнь.

— Позвольте вас поблагодарить за советы,—сказал я и собрался уходить, но он любезно возобновил разговор с вежливостью людей, которые уже почти выполнили задачу своей жизни.

— Давным-давно,—сказал он, предаваясь приятным воспоминаниям,—в те времена, когда я писал рассказы и романы, у меня был обычный прием, в успешности которого я блестяще убедился: я создавал моих главных героев и потом оставлял их с тем, чтобы они набрались плоти и крови, оставлял иногда на целые годы, прежде чем воспользоваться ими в своей книге.

Он мечтательно постукивал по краю стола красного дерева своими тонкими белыми пальцами.

— Флобер поступал так же,—прибавил он, и в тоне его звучало уважение.

— Вы хотите сказать, что, создав своих героев, я не должен пускать их в книгу раньше, чем они созреют,— сказал я.

— Да, если вы поступите иначе,—рассуждал он,—они останутся невыпеченными. Вы можете достигнуть реальности, только дав своим героям созреть, а ведь подлинное художественное произведение есть отражение реальности.

4

Великий писатель дал мне хороший совет. Чем больше я думал об этом, тем яснее сознавал правдивость всего того, что он мне говорил. Я знал, что для книги прежде всего мне нужен хороший, крепкий герой, и сразу создал Майкеля Уэбба.

— Майкель,—сказал я, кладя ему руки на плечо,—вы родились до срока, мой мальчик, но я пошлю вас шататься по белу свету, и вы дозреете. Я не хочу, чтобы вы оказались невылеченным.

Это был еще не вполне сформировавшийся, застенчивый юноша двадцати лет, с широкими ступнями ног и большими руками,—обычный вид большинства молодых людей этого возраста. Его пыльный измятый синий костюм казался слишком широким в одних местах и слишком узким в других.

— Хорошо,—сказал он покорно,—когда, вы думаете, я вам понадоблюсь?

— Сейчас сообразим! Теперь вам двадцать лет... Вы мне понадобитесь через четырнадцать лет,—вычислил я.—Да, совершенно верно! Вам будет тридцать четыре года, когда вы появитесь в книге, так что у вас остается еще четырнадцать лет. Разумеется, вы понимаете, что это—условные четырнадцать лет. Это всего три часа по часам—одна глава романа.

— Я понимаю,—заметил он так, будто действительно вполне понял, хотя я уверен, что он совершенно не понял.—Я понимаю—четырнадцать лет для меня. Только это меня и 'интересует. Мне нет никакого дела, сколько это будет по часам или в романе.

— Хорошо, рассчитывайте на четырнадцать лет и будьте здесь во-время. Будет ужасно, если роман затормозится из-за того, что вас нельзя будет найти.

— О, я буду здесь!—сказал он простодушно и тем веселым тоном, к которому прибегают юноши, когда на них возлагают тяжелую ответственность.—Что я должен сделать прежде всего? Вот 'сейчас?

У него был вид покинутого на произвол судьбы и сосредоточенного в себе человека. Его голова казалась слишком большой для слабого тела. Было что-то трога-

тельное в его расслабленной позе, в его бессильно опущенных, как будто бесконечно тяжелых руках. Даже его маленькая дешевая записная книжка и карандаш трогательно торчали из кармана жилета. Я почувствовал желание дать ему двадцать долларов, но поборол себя. Никогда нельзя сказать что-нибудь определенное относительно таких молодых людей. Вне всякого сомнения, у Рокфеллера был трогательный вид, когда он блуждал в своей юности в поисках за работой. Представьте себе, что вы дали ему тогда двадцать долларов? Как бы вы раскаивались потом всю свою жизнь!

— Что вы должны сделать прежде всего?—повторил я.—Сообразим! Что вы должны сделать?

У меня не было никакого представления о том, что он должен сделать, но мне нужно было хоть что-нибудь сказать, и я, очертя голову, рискнул:

— Я думаю, прежде всего вы должны обзавестись семьей.

— Вы хотите сказать—жениться?—спросил он.

— Нет, в этом нет необходимости. Я хочу сказать, что вы должны достать себе предков, родителей, родственников. Они должны у вас быть.

— Как же я ухитрюсь войти в семью? Мне уже двадцать лет,—сказал он в раздумьи.—Они узнают, что я...

— Нет, они этого не узнают,—прервал я его.—Только выберите хорошую семью и вотритесь в нее. У них получится иллюзия реальности, и они будут думать, что вы уже давным-давно были с ними... Я советую вам выбрать хорошую, богатую семью, раз уж на то пошло!

Я пожал ему руку и распрощался.

5

В дальнейшем я слышал очень мало о Майкеле, и, наконец, к моему огорчению, он совсем исчез с горизон-

та, хотя письма, правда, не очень регулярно, приходили от него еще три или четыре года.

Письма его были бессвязны; все они походили на следующее:

«Стокгольм, Швеция. Пробыл здесь шесть недель. Дела идут хорошо. Это очень красивый город. Время провожу великолепно. Здесь масса красивых девушек. Еду в Алжир»...

Ему нравилась лаконичность.

Когда он не забывал дать своего адреса, я всегда ему писал. В своих письмах я давал ему здравые, трезвые советы и приводил краткие изречения, которые брал из Альманаха Бедного Ричарда *. Я купил эту чудесную старую книгу специально для этой цели, ибо считал, что нет ничего другого более подходящего для переписки с молодым человеком.

В различные города, отстоящие друг от друга на тысячи миль—в Константинополь, Буэнос-Айрес, Париж и Бомбей,—я посылал ему обрывки мудрости; вот образцы:

Пошутишь—врага наживешь.

Поменьше ешь за ужином—меньше понадобится лекарств.

У самовлюбленного нет соперников.

Собственный опыт—дорогая школа, но глупый в другой ничему не научится.

Прошло уже три года после его отъезда, когда я встретился с одним моряком, который рассказал мне, что он видел молодого человека, по имени Майкель Уэбб, продававшего шоколад матросам на пристани в Вальпарайсо. Я узнал, что то был наш Майкель Уэбб, ибо я только что получил от него открытку, помеченную Вальпарайсо, в которой он писал:

---

* *Журнал, основанный Франклином. Прим. ред.*

«Это великолепный город. Салуны * открыты по воскресеньям. Дела идут хорошо».

Последнее полученное мною письмо было из Сингапура. Оно заключало в себе только следующие строки:

«Иметь свой путь, вопреки вашему языку и зубам рассудка,—мне слаще венгерского вина, и мое сердце бьется теперь в медовом сосуде,—теперь, когда я отрекаюсь от вас и от всего здравого смысла».

Я узнал в этих строках цитату из старой книги, которая, несомненно, никому не известна, кроме студентов, проходящих курс английской литературы. Я пришел к заключению, что Майкель, наконец, изменил свой образ жизни и отправился в Сингапур изучать английскую литературу, а теперь демонстрирует свою образованность. Я тут же ему ответил так: «Торговлю поведешь— состоянье наживешь», но он больше уже не писал.

И я больше о нем ничего не слыхал до той поры, пока не встретился с ним на космическом вечере у Дэмблов, где его принимали, как важную особу.

---

* Saloon — бар, трактир. *Прим. перев.*

ГЛАВА ВТОРАЯ

МАЙКЕЛЬ ОСПАРИВАЕТ ПСИХОЛОГИЮ РЕКЛАМЫ

1

Опыт, который я произвел с Майкелем Уэббом, не представлял собой чего-либо необычайного. В практике романистов это—обычное явление: их герои либо совсем исчезают, либо попадают туда, куда им совсем не нужно. Иногда эти странствующие герои так больше и не возвращаются и через некоторый промежуток времени поселяются в Чикаго, в Джэкунвиле или в каком-нибудь другом месте, обзаводятся громадными семьями и превращаются в самых скучных и пошлых людей. Быть может, вам приходилось слышать, как в публике шепчут про кого-нибудь, кто только что мимо вас прошел: «Какое характерное лицо! Прямо из романа!». В таких случаях все поворачивают в сторону этого джентльмена головы и улыбаются от удовольствия. Я никогда не понимал, что это значит, пока горько не разочаровался в Майкеле Уэббе.

Покинув салон Дэмблов, Майкель, погруженный в глубокую задумчивость, пошел вверх по Бродвею. Много спустя он рассказал мне и об этом и о своем забавном приключении на углу Бродвея и Сорок третьей улицы. Был час закрытия театров, когда Бродвей в районе Сороковых улиц превращается в какой-то поток людей

и автомобилей. Толпы народа проплывали перед его умственным взором, как плоские фигуры, нарисованные на холсте. Он смотрел на мир, как на панораму идей, и ум его обычно разлагал вещи и людей на их динамические силы.

Убеждение, что все человеческие ценности фальшивы, а жизнь имеет некоторое эзотерическое и неведомое— быть может, непознаваемое—значение,—это убеждение совершенно самопроизвольно возникло и укрепилось в его уме. Он так давно в это уверовал, что не помнил, думал ли когда-нибудь об этом иначе. В последние годы он начал подозревать, что эзотерическое значение было не чем иным, как чудовищной шуткой олимпийцев. Как абсолютная философия это убеждение смертоносно. Оно легко поражает человеческий дух, и после этого поражения все подвиги, как бы благородны и блестящи они ни были, подобны шутовским выкрутасам бродячей водевильной труппы.

В сущности, Майкель Уэбб твердо в этом не был убежден; это было предположение, своего рода предосторожность, которая спасла его от необходимости стать смешным в своих собственных глазах.

«Боги могут шутить над нами,—думал он,—но шутки не сделаешь из ничего; шутки—простые карикатуры на действительность». Он чувствовал, что за грубой, смешной бренностью вещей должно скрываться нечто весомое, нечто, так сказать, фактическое. Если бы он был в состоянии поглядеть за завесу, скрывающую страшный лик истины, подобно тому как исследующая рука проникает в темное помещение,—он бы ухватился за что-то, в непоколебимости и вечности чего он был бы уверен.

В то время как он шел вверх по залитому светом Бродвею, пробираясь среди толпы, его ум метался, как

животное, попавшее в западню. Он топтался у щелей, через которые просвечивали слабые лучи истины. Здесь виден был атом, с его электронами, несущимися вихрем в пустоте, а пустота эта была беспредельна и в то же время бесконечно мала. Там виден был струящийся эфир, при помощи которого человек говорил с человеком, находящимся на расстоянии тысячи миль. И тут же виден был сам человек, стремящийся, страстный, глупый и чувственный, храбро идущий в темноту.

Подобно миллиону людей, живших раньше его, Майкель Уэбб пытался взглянуть в лицо непознаваемому, но завеса с нарисованными на ней оскаленными харями двигалась при каждом его прикосновении. Он чувствовал тогда, как чувствовал часто и раньше, что все человечество разыгрывает какую-то грандиозную пародию и что философия, наука и история—не что иное как бессмысленный барабанный бой.

Ум инстинктивно отступает перед такими мыслями и содрогается. Так же содрогался и сам Майкель, остановившись и застыв, словно прикованный к земле, в то время как его окружила толпа, хлынувшая из театров.

На другой стороне улицы, на крыше здания, была помещена гигантская реклама о резине для жевания. Целые снопы яркого света лились с экрана, величиной с военный корабль. Эта реклама являлась одним из чудес современности, причем предполагалось, что она обладает необычайными, магическими свойствами — новыми свойствами, не старыми. Через короткие промежутки времени шесть тонких стилизованных фигур людей появлялись на бархатной черноте громадного пустого пространства. Эти фигуры исполняли какие-то атлетические упражнения своими огненными руками и ногами, в то время как название жевательной резины исчезало, а затем вновь появлялось, причем свет слепил глаза.

Майкель Уэбб видел эту движущуюся рекламу тысячу раз, но сейчас, когда нервы его были напряжены, он глазел на нее с удивлением маленького ребенка. Прислонившись к стене, он смотрел через головы людей и громко смеялся.

Какой-то молодой человек подошел и остановился рядом с ним.

— Я вижу, вы очень заинтересовались этим зрелищем?—сказал он, трогая Майкеля за руку и показывая на рекламу.—Я работаю в этой фирме и из чистого любопытства хотел бы знать ваше мнение относительно этой рекламы.

— У меня есть на этот счет мнение,—отвечал Майкель.—Зрелище хорошее, и оно не раздражает ума, как масса других зрелищ, но пока я не понимаю его космического значения.

— Космического значения?—переспросил молодой человек нерешительно.

— Да, что это значит? Какая здесь идея?—сказал Майкель.

— Таким путем мы рекламируем нашу жевательную резину, чтобы сбывать наш продукт. Что же иное это может значить, по вашему мнению?

Молодой человек посмотрел на Майкеля испытующим взглядом.

— О, да, я понимаю... Но... идея недостаточно ясна. Название вашей жевательной резины, правда, здесь имеется, но я не думаю, чтобы это могло помочь. Я хочу сказать,—помочь продаже продукта.

— Десятки тысяч людей видят это имя каждый вечер,—гордо заявил молодой человек,—вот вам ответ!

— Они могут принять это за предупреждение,—сказал Майкель нерешительно.—Тысячи людей видят знаки на домах, в которых имеются больные скарлатиной, но

они отнюдь не бегут туда, чтобы заразиться скарлатиной. Они держатся от этих домов подальше. Разве вы серьезно не можете предположить, что эта реклама удерживает массу людей от покупки вашей жевательной резины?

— Никоим образом! Неужели вы не понимаете психологии рекламы? У вас вид интеллигентного человека.

— Нет, не понимаю! Вы сейчас сказали, что подозреваете меня в том, будто я интеллигентный человек. Я не оставлю это безнаказанным и бросаю ваше подозрение обратно вам в лицо. Я иду дальше! Я обвиняю вас в том, что вы интеллигентный человек!

У молодого человека был вид несколько одураченный.

— В чем вы меня обвиняете?—спросил он и рассмеялся.—Ну, хорошо, я согласен с этим. Что же дальше?

— Раз вы интеллигентный человек, на вашей обязанности лежит объяснить мне психологию рекламы.

— Почему на моей обязанности?

— Потому что вы ее знаете, а я не знаю. Если у вас в кармане имеется тысяча долларов, а умирающий с голода попросит у вас десять центов, не правда ли, вы дадите ему эту монету? Если вы откажетесь объяснить мне психологию рекламы,—я пойду за вами по улице и стану публично обвинять вас в интеллектуальной скупости. Если я расскажу публике, что вы отказали мне объяснить психологию рекламы, будьте уверены,—она станет над вами издеваться.

Молодой человек, беспокойно переминаясь с ноги на ногу, взял Майкеля за рукав.

— Посмотрите туда,—сказал он.—Я могу кратко объяснить вам психологию этой рекламы.—Он указал на нее пальцем.—Наша цель—привлечь внимание публики этими смешными танцующими фигурами, световыми эффектами и т. д. и в то же время запечатлеть в зрителе

название нашего продукта. Каждый вспоминает его по ассоциации с этими фигурами, а эти же самые чудные танцующие люди находятся на наших коробках с резиною. Надеюсь, вы понимаете?.. Это—всем известный закон ассоциаций.

— Какой закон?—допрашивал Майкель.

— Закон ассоциаций! Это относится к психологии. Представление о нашем продукте ассоциируется с этими фигурами.

Майкель выпрямился и смотрел молодому человеку прямо в лицо.

— О, я чувствую, где здесь собака зарыта,—сказал он резко.—Стоит подумать над тем, что вы хотите навязать публике.

— Я вас не понимаю,—сказал молодой человек.

— Теперь я понимаю все ваши уловки. Да, вы пользуетесь законом ассоциации,—но только совсем не так, как вы говорите. Ваша реклама пытается убедить столь же непреложно, сколь непреложен закон ассоциации, что, если кто-нибудь будет покупать вашу резину и жевать,—жевать ее целые месяцы, то он потеряет в весе, станет тоненьким, разовьет мускулы и сможет делать стэнты *. Но ведь этого никогда не будет, не правда ли? И, значит, все ваши притязания на то, что реклама, будто бы, этого достигает,—напрасны.

— У нас вовсе нет таких притязаний,—вспыльчиво заявил молодой человек.

— Нет, они у вас есть!—возражал Майкель.—Я побью вас вашей собственной логикой. Вы не выполняете того, что обещаете вашей рекламой. Если вы желаете знать, что я думаю,—так вот: я думаю, что вы довольно хитрый малый! Люди по всей стране жуют в эту минуту, подобно

* Особого рода гимнастические упражнения. *Прим. перев.*

коровам, резину, надеясь похудеть, стать гимнастами и хорошими танцорами, как раз потому, что все видели эту рекламу.

— Уверяю вас, у нас вовсе нет таких притязаний!

— Так говорите вы, но ваша реклама этому противоречит. В этом и заключается ваша уловка... Так как никто от жевания вашей резины не худеет, вы им говорите, что реклама хочет сказать вовсе не то... Я напишу в газетах по этому поводу.

— Ну, идите своей дорогой, этакий придира!—сказал молодой человек и повернулся спиной к Майкелю.

Он тотчас же отошел, но остановился на углу и что-то сообщил полисмену. Они оба обернулись и посмотрели на Майкеля, и полисмен засмеялся. Тогда засмеялся и молодой человек.

3

В то время как разыгрывались эти события, я направлялся в свою холостую квартиру на Мэдисон-авеню, с адресом Майкеля Уэбба в кармане. Я был необычайно возбужден.

Знаменитый Майкель Уэбб!—Так сказала м-с Дембл.

Я решил вначале узнать, чем был знаменит Майкель Уэбб, затем отправиться к нему и, наконец, начать наш роман.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КАК ВАЖНО БЫТЬ ВТОРОСОРТНЫМ

1

Вспоминаю: однажды, будучи еще совсем мальчиком я прошел с отцом больше десяти миль для того, чтобы мельком взглянуть на члена правительства.

Был удушливый августовский день, а знаменитость была облечена в черный сюртук и цилиндр. Когда этот знаменитый человек проезжал по деревенским улицам, в ответ на приветствия толпы он снимал цилиндр и всякий раз, приподнимая его, утирал свою плешивую голову платком.

В те дни знаменитостью стать было нелегко. Теперь— совсем другое дело. Мир переполнен знаменитостями, рискуешь столкнуться с ними в толпе на каждом шагу.

«...Вы видите вон того человека?»—говорит Джонс, покуривая сигару и цедя слова сквозь зубы.

«Да, вижу»,—отвечаете вы.

«Так вот, это—спекулянт Стернфельд. Он только что заработал чистоганом миллион на Уолл-стрит».

«Что вы говорите?»

«О, да, сэр!,—продолжает Джонс.—Чистый, кругленький миллион!»

Так как ваша единственная авантюра на Уолл-стрит закончилась потерей восьмиста долларов благодаря ва-

шей страстной вере в то, что «Болдуин Локомотив» никогда не пойдет на понижение, вы пытаетесь дипломатически переменить разговор.

«Прекрасный мартовский день»,—замечаете вы бодро.

«Па, прекрасный денечек,—соглашается равнодушно Джонс и наклоняется к вам через стол, чтобы вы могли его лучше слышать.—Знаете, что сделал этот франт Стернфельд? Я вам расскажу, сэр. Он продал свои «Болдуин Локомотив» как раз перед тем, как они стали понижаться. Много было дураков, которые во что бы то ни стало хотели их купить. Они думали, что «Болдуин» никогда не перестанет повышаться. Стернфельд знал лучше: он дальновидный, умный игрок. Продал по самой высокой цене большую партию, которой у него не было на руках, а когда «Болдуин» пал,—великолепно заработал на разнице. Вы видите, каким он теперь стал. Там у входа стоит его Рольс-Ройс. Хапнул миллион!»

«Я вижу... а девушка, которая с ним разговаривает? Она тоже знаменита?»

«О, эта девушка! Да, она—тоже знаменитость.»—Джонс серьезно вынимает пятидесятицентовую монету из кармана и показывает вам.

«Вы замечаете сходство?»—говорит он.

«Вы хотите сказать, что цена ей пятьдесят центов? О, нет, вы к ней несправедливы! Цена ей, по крайней мере два доллара.»

«Нет!—говорит он.—Взгляните на эту женскую голову, что на серебряной монете. Правительство, как вы знаете, предложило премию за лучший профиль... Теперь взгляните. Видали ли вы когда-нибудь нос более изящный, чем этот?»

Джонс смотрит на вас торжествующе и кладет монету обратно в карман.

«Я с ней знаком,—хихикает он.—Очень хорошо зна-

ком. И Стернфельда я знаю... Я хочу сказать, что... здоровался с ним за руку.»

Вы платите по счету за завтрак и тащитесь домой по залитым светом улицам, с рекламами о Дугласе Фербэнксе в «Ужине за миллион долларов». Наконец, вы прибываете на вашу собственную квартиру, куда вам почтальон только что доставил «Ярмарку тщеславия». Сколько бы вы ни старались, вам невозможно ускользнуть от знаменитостей. Это одна из самых больших неприятностей в жизни.

И вот теперь Майкель Уэбб стал знаменитым! Посмотрим же, как он до этого дошел.

2

Известность Майкеля началась с выпуска им в свет увесистого научного труда под заглавием: «Как важно быть второсортным».

Книга появилась после двух лет упорной работы. В этот период он был окружен сорока двумя секретарями. Кроме секретарей он пользовался помощью прекрасно оборудованного штаба изобретателей теорий, докторов философии, ученых второго сорта, библиотекарей и машинисток.

Издателю было вручено более шестидесяти тысяч написанных на машинке страниц—приблизительно восемьдесят шесть томов; издатель—человек не особенно высокого полета—счел такое предприятие неосуществимым. Он заявил, что произведение слишком многословно, и вернул автору все шестьдесят тысяч страниц с требованием основательно книгу сократить.

Майкель Уэбб потратил три месяца на то, чтобы с синим карандашом в руках просмотреть эти тысячи страниц, и доложил издателю, что не мог найти ни одного

абзаца, который не был бы необходим, и ни одной бессмысленной фразы.

После этого издатель нанял целый штаб пессимистов, чтобы произвести требуемое сокращение. Эти пессимисты прочли весь труд, и мнение их свелось к тому, что в нем имеется только тридцать восемь страниц, представляющих собою какую-либо ценность. Спор Майкеля с пессимистами послужил темой для книги в четыреста страниц, которая была опубликована впоследствии, когда наш герой достиг славы.

В конце концов Майкель так удачно поддерживал в споре с пессимистами свою точку зрения, что пятьсот двадцать страниц его рукописи были спасены, и книга вышла в свет.

«Как важно быть второсортным» является в высшей степени значительным философским трактатом. Достойный труд!

Не каждый согласится с Майкелем Уэббом относительно его взглядов, но самое враждебные критики не отказывают ему в подлинном философском чутье. Книга даже противоречит самой себе и способствует процветанию литературной индустрии, доставляя работу многочисленным комментаторам! Когда она появилась, эти противоречия вызвали достаточно насмешек; но когда идея второсортности стала стремительно распространяться по всей стране, люди аналитического склада мышления начали серьезно изучать книгу. Они подвергали ее исследованию лучами высокой критики и доказали—я думаю, вполне основательно,—что эти явные противоречия были только поверхностными и нимало не влияли на существенное в книге.

Автор живо рисовал ход великой второсортной революции, которая уже давно началась и только недавно закончилась полным уничтожением всех туманных пер-

восортных идей и методов. Эта безмолвная и медленно развивавшаяся революция произвела глубокую перемену в цивилизации. Мир вступил теперь в век господства посредственности — самый славный век в истории человечества.

Что такое второсортность? Такой вопрос вертится на языке. Ответ очень прост.

Второсортность, это — тот же практический здравый смысл. Но Майкель Уэбб идет дальше в своем определении и раскрывает роль второсортности как весьма важного мотива в повседневных делах человеческих. Как все великие философы, он влагает в кристаллически ясные фразы аморфную мысль своего времени — идеи, которые бродили у всех уже давным-давно, но которых никто в ужасе перед традицией не решался высказывать. Он отожествляет нравственность с практическим здравым смыслом. Доказывая, что безнравственность непрактична и невыгодна, он вывертывает затем свои аргументы наизнанку, вроде человека, вывертывающего рукава своего пиджака, и тем показывает, что только практическое может быть моральным. Читатель поймет, что я лишь демонстрирую скелет его теории. Чрезвычайно схематично я излагаю то, о чем он говорит на пятистах страницах философского трактата, подкрепляя доказательства тщательными ссылками на захватанные пальцами библиотечные книги.

Я только даю контуры его теории. Он ее доказывает.

Здравый смысл является исключительной принадлежностью только второсортного ума. Первосортные люди во все века были лишены как здравого смысла, так и нравственного чутья. Первые христиане — он это подчеркивает — были первосортными людьми, но у них не было ни капли здравого смысла, и они исключительно по

своей вине оказались столь непопулярны, что народ отправлял их в зоологические сады для кормления львов.

Разве это было нравственно с их стороны?

Нет! Это было безнравственно,—заключает наш автор.—Судьба христианской религии находилась в их руках, но у них не было никакого чувства ответственности. Предположите, что львы сожрали бы их всех? В таком случае теперь не существовало бы христианской религии. Им в голову не пришло подумать об этом. К счастью, повидимому, не хватило львов.

Христофор Колумб относился к первосортным людям. Он должен был быть одним из них, потому что ни в каком второсортном уме не могла явиться фантастическая идея плыть за океан в погоне за миражем. Правда, он открыл новую часть света, но, в конце концов, что он из этого извлек? Ничего! Статуя на Колумбовском бульваре слишком слабое утешение для человека, который умер в бедности и пролежал в могиле четыреста лет.

Леонардо да-Винчи относился к числу первосортных людей (у него было пять разных профессий, в каждой из них он был специалистом) и не мог создать себе мало-мальски сносной жизни. Почитайте его биографию. Он постоянно просил денег у итальянских князей.

Профессор Альберт Эйнштейн является одним из выдающихся первосортных ученых нашего времени. Чего он добился? Ничего! Он живет на свое жалованье—бушель бумажных марок в месяц, что составляет тридцать пять долларов—не больше.

Скоро вы услышите,—пророчествует Майкель Уэбб,—о воззвании какого-нибудь комитета—собрать деньги в пользу Эйнштейна, великого первосортного ученого, чтобы заплатить по закладной за его старый домик.

Во все века первосортные умы пытались стать известными и распространить свои идеи по всему миру.

Их теории, писания, мазня, восстания, пророчества загромождают коридоры истории. Иногда им удается обратить на себя внимание систематическим нарушением жизненного уклада—обычно с пагубными последствиями для самих себя. Настоящая новая идея,—доказывает наш автор,—смертоносна, как динамит,—почти неизменно она сносит голову своему творцу.

Теперь, к счастью, благодаря окончательному торжеству второсортной революции человечество организовалось, и опасность, которая грозила со стороны первосортной мысли, отошла в область преданий.

Смятение в мире,—говорит Майкель Уэбб,—есть явление главным образом психологическое.

Могучие некогда идеи исчезают, но их пустая шелуха остается.

В настоящее время, хотя второсортность является действительно господствующей силой нового мира, у нас имеется всеобщий—пусть даже бесплодный—культ первосортного.

Колледжи, газеты, профессиональные оптимисты, лекторы, председатели банкетов все еще наводняют мир бессильными первосортными изречениями.

Тысячи молодых людей ежегодно оканчивают наши колледжи, отравленные духовным опиумом. Их наивная страстная вера в могущество первосортного сравнима разве только с верой заклинателя вуду * в чары костей и коровьей шерсти.

Даже воспоминание обо всех наших президентах—а все они второсортны—не производит никакого впечатления на наших молодых людей и девушек.

В результате получается потрясающее разочарование!

Но это не все. Иногда яд распространяется даже на

---

* Колдуны у негров. *Прим. перев.*

опытных деловых людей, и они становятся жертвами первосортных побуждений.

А авторы! Как жалки эти их первосортные книги. Заваль на полках книжных магазинов!

«Неужели наш народ навеки осужден пить из этого отравленного кубка?—пишет Майкель Уэбб с драматической выразительностью.—Неужели человечество вечно будет носить этот терновый венец?»

В настоящее время для второсортного ума гораздо легче выдвинуться, чем когда бы то ни было в истории,—говорит Майкель Уэбб в своей книге.—Особенно в Соединенных Штатах! Здесь, в Америке, в этой громадной жизнерадостной стране, есть место для каждого, каждый должен знать свое место и твердо держаться за него.

Почему же так мало людей добиваются успеха и власти? Почему? Потому что методы девяти человек из десяти—неправильны! В главе XV он дает свои неоценимые правила, необходимые каждому, кто хочет добиться успеха. Правила эти следует запомнить и повторять трижды в день—утром, в полдень и ночью,—повторять всем тем, кто желает подниматься по лестнице успеха. Если запомнить эти десять правил, тщательно повторять их, согласно указаниям, и неуклонно им следовать, то, по словам автора, успех обеспечен. Правила эти следующие:

1. *Будь уверен в самом себе—ты порядочный человек.*

2. *Будь уверен в своем ближнем—он порядочный человек.*

3. *Будь любезным—любезная речь побеждает.*

4. *Будь скрытным—болтливый язык опасен.*

5. Будь осторожным—не делай опытов.

6. Будь состоятельным—откладывай понемножку ежедневно.

7. Будь работником—у трутней не бывает меда.

8. Будь чистосердечным, прямым, щедрым.

9. Будь почтительным—мир существовал раньше, чем ты явился.

10. Будь американцем—властителем зеленого подножья бога.

Эти второсортные изречения, известные под именем «Десяти Уэббовских Будь», были напечатаны одним предприимчивым издателем на молочно-белом картоне, с бордюром из желтых пчел. К каждому экземпляру был прикреплен шнурок для того, чтобы карточку можно было повесить над конторкой. Было напечатано больше пятнадцати миллионов экземпляров, и издатель нажил на этом деле большое состояние.

3

Вначале книга потерпела определенную неудачу. За полгода было продано только восемьсот экземпляров. Журналы отнеслись к книге неблагосклонно, даже с насмешкой. В конторах газет книгой пользовались вместо груза для того, чтобы держать дверь открытой при ветре.

Но вот появилась чета Гаррити Томс. Собственно говоря, я не знаю, откуда они взялись. Они просто-напросто появились. Экземпляр «Как важно быть второсортным» был кем-то оставлен на скамеечке в поезде и таким путем попал им в руки. Они были профессиональными организаторами, и для них читать, это значило действовать. Они организовали первый «Клуб второ-

сортных» раньше даже, чем прочли всю книгу до конца. А затем они уже были слишком заняты, чтобы ее дочитать.

М-с Томс была величественная женщина, одетая в синее бархатное платье,—отголосок моды начала двадцатого века. Вы знаете, что я хочу сказать—простое плотно облегающее платье, со стоячим воротником, обшитым дешевыми кружевами. На груди она носила невероятную, похожую на бляху золотую брошку. Эта брошка и масса бриллиантовых колец на руке были единственными украшениями, которые она когда-либо на себя надевала.

— Таков уж мой вкус,—объясняла она.—Дома у меня целая шкатулка драгоценностей.

М-р Гаррити Томс был человек невысокого роста с пронзительными глазами, морщинистой кожей и рыжими бакенбардами. Его обычный вид говорил о затаенной меланхолии. Казалось, он был погружен в глубокие размышления. Он никогда не обращал на себя внимания до тех пор, пока не начинал говорить речь, но тогда каждый на четверть мили в окружности бросал свою работу и слушал его. Пока он не взбирался на трибуну, он был рохлей, встав на нее, он превращался в пулемет.

Идея «Клуба второсортных» распространялась с быстротой пожара в прериях. М-р и м-с Томс получали по доллару с каждого нового члена, так что им жилось недурно, когда приток членов был хорош.

— Я и мой супруг вложили кое-что в дело,—с энтузиазмом распространялась м-с Томс в одном газетном интервью, то и дело прибегая к курсиву.—О-о, какая радость и какое удовольствие служить этому делу! Мы всем сердцем и душой участвуем в движении! Каждая наша мысль—второсортна! Мы живем и дышим во второсортной атмосфере! Хотя мы никогда не раскаивались

в нашей жертве, но бывают, конечно, мгновения, когда мы чуть-чуть впадаем в уныние. Но не надолго. Всякий раз, как мы подумаем о том, что второсортность значит для человечества, мы вдохновляемся и готовы делать все, что только можем!

Библия всех участников движения—«Как важно быть второсортным»—была распродана в количестве двадцати тысяч экземпляров в течение четырех недель; затем было выпущено издание в пятьдесят тысяч экземпляров; а вскоре после того был получен заказ на новые сто тысяч. Рецензенты вновь начали пересматривать книгу. Двери хлопали от ветра, после того как удерживавший их груз был снят, очищен от пыли и передан в распоряжение директорам издательства.

Майкель Уэбб, как это было ни странно, держался в стороне от движения второсортных. Он вернул даже сумму, которую чета Гаррити Томс послала ему в качестве совершенно добровольного приношения, из расчета по десяти центов за каждого вновь вступившего члена.

Тогда появилось его сенсационное «Предостережение». Оно было опубликовано почти всеми газетами.

В этом историческом документе Майкель указывал второсортным, что, хотя движение имело потрясающий успех, на небе виднелось маленькое облачко. «Второсортный ум,—предупреждал он,—особенно подвержен губительным налетам вздора, совершенно так же, как некоторые типы людей уже по самому своему физическому сложению склонны к туберкулезу.» «Эпидемия вздора среди «Клубов второсортных,—писал он,—должна быть одной из самых ужасных катастроф истории...» Его предупреждение не дало никаких результатов. Все считали, что он бьет ложную тревогу.

Учение распространялось с быстротой электричества.

Целые общины записывались в члены, вплоть до последнего человека, или до тех пор, пока не иссякли значки и жетоны. Люди, которые даже и не были второсортными, увлеченные всеобщим энтузиазмом, становились действительными членами местных клубов. Тщательно следили, чтобы ни один первосортный не пролез в члены клуба.

4

В июне того же года в Вашингтоне собралось первое национальное собрание «Клубов второсортных»...

Была учреждена должность главы «второсортных», которая и была предложена Майкелю Уэббу. Он отклонил ее красноречивой телеграммой, в которой объявил, что он недостоин этой чести, ибо в клубах имеются люди более второсортные, чем он: на них-то и должно быть обращено внимание.

Поднялась избирательная борьба, причем были выставлены многочисленные кандидаты; каждый из них имел за собой горячих приверженцев.

Итак, взвивается занавес, и перед нами предстает зрелище политической борьбы, беспримерной в американской общественной жизни. Я намекаю на события, которые повели к избранию Тимоти Брэя главой «второсортных».

Вся деятельность Тимоти Брэя—она очень показательна—была посвящена борьбе с непристойностью в прессе. Он отличался высокой духовной красотой, физически же был не особенно красив. В десятилетнем возрасте он мужественно схватил несколько открыток с изображением девушек в купальных костюмах,—открыток, выставленных для продажи в сельской лавочке, и убежав с ними, отказывался их вернуть, даже тогда, когда был пойман с поличным. Его семья, пораженная

духовной красотой мальчика, заплатила за карточки, и инцидент был исчерпан. Это было начало его деятельности, и с той поры он шел все вперед и вперед. Его враги—маленькая кучка первосортных—называют его даже и до сих пор «литературным шпионом», но их сарказм не что иное как слабый писк побежденных.

В интересах истины я должен сказать, что Брэй заслуживает гораздо большей славы, чем та, какой он пользовался. Он—скромный человек и не склонен хвастаться своими собственными подвигами, а потому многое из того, что он думает—в особенности по вопросам литературной критики,—известно только его близким друзьям.

Я готов утверждать, что Тимоти Брэй действительно открыл четвертое измерение в литературе, но держал это втайне благодаря своей скромности. Быть может, он сейчас единственный человек во всем мире, который способен производить изыскания в области литературного четвертого измерения. Этим объясняется тот факт, что он уничтожил много книг, которые для невооруженного глаза казались совершенно безобидными; благодаря своим изысканиям в области четвертого измерения он доказал, что эти книги были действительно крайне неприличны.

Эта проблема в целом очень интересна, хотя до крайности запутана, и в настоящий момент я лишен возможности на ней останавливаться.

Когда моя литературная карьера упрочится, я намерен заняться жизнью и творчеством Тимоти Брэя; тогда я остановлюсь на его литературных взглядах столь подробно, что он займет подобающее ему место в Валгалле знаменитостей.

В этой сложной борьбе из-за места главы «второсортных» Брэй проникся наполеоновской идеей, что дей-

ствие производит куда больший эффект, чем простой разговор. Не забудьте, что положение его как кандидата было не из легких. С ним конкурировало несколько самых плутовских «второсортных» умов нашего времени. Эта оппозиция привела только к тому, чтобы выбить искру, воспламенившую гений Тимоти Брэя.

В это время в книжных магазинах продавалась книга, изданная под странным заглавием—«Джерген». В этой книге якобы излагалась подлинная биография некоего Джергена, который отправился путешествовать по чужим странам. В одном городе он остановился на ночлег и вступил в разговор с королевой. Во время этого разговора—Джерген показал себя в этом разговоре невыносимым хвастуном—он показал королеве свой меч, оказавший ему неоценимые услуги во время путешествий.

Чувствуя недостаток в боевом снаряжении для похода, Тимоти Брэй рассмотрел этот инцидент в плане четвертого измерения и пришел к заключению, что Джерген—губительный литературный яд. Тогда он взял книгу, уничтожил ее и предал проклятию *.

Деяния вроде этого выводят из равновесия толпу своим драматическим эффектом; с ними можно сравнить разве только наполеоновское: «Ma couronne vient du pont d' Arcole».

Когда Брэй вернулся вновь в собрание, он был встречен овацией. Те, кто там были, вспоминают с волнением шествие вокруг дома, где происходило собрание. Три тысячи делегатов топали ногами под звуки марша: «Брэй, Брэй, мы хотим Брэя». Золотые полосы света заходящего солнца падали на бледные возбужденные лица и на яркие цвета тысячи флагов. Тимоти Брэй, с лицом,

* Намек на запрещение книги Джемса Бренча Кэбеля (Cabell) „Yurgen", конфискованной в Соединенных Штатах по инициативе „Нью-Йоркского общества борьбы с пороком". *Прим. ред.*

орошенным слезами, стоял на платформе и простирал руки, благословляя толпу. Достойное завершение предприимчивой карьеры — стать главой «второсортных» в Соединенных Штатах.

5

Бомба, издалека брошенная Майкелем Уэббом, с грохотом разорвалась в собрании. Вскоре после этого Майкель спешно оповестил всю страну, что уничтожение «Джергена» было стопроцентным вздором, что сам Брэй насквозь пропитан вздором и что мистер и миссис Гаррити Томс так долго питались вздором, что стали невосприимчивыми к его яду, иначе они погибли бы от него уже давным-давно.

«Ну, а разве дурно, показывать меч королеве?—с жаром спрашивал он.—Я собственными глазами видел, как королева Англии выезжала из Букингэмского дворца в сопровождении эскорта конной гвардии, причем у каждого из всадников был меч.»

Смущение распространилось среди «второсортных». Организации их раскололись на две партии... Брэй в страстной речи обвинял Майкеля Уэбба в первосортности. Его красноречие одержало победу, и Майкель был исключен из организации. Но много членов еще верили в него и вышли из клуба, как один человек. Разложение «второсортных» началось с этого момента.

6

Вот каким образом Майкель Уэбб стал знаменитым.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОСТАВКА МЫСЛЕЙ НА ДЕНЬ ИЛИ НА НЕДЕЛЮ

1

Болезненный молодой человек весело постукивал на пишущей машинке в углу приемной Майкеля Уэбба, в то время как я развлекался «Популярным научным ежемесячником», который нашел на столе. Я пришел возобновить знакомство с Майкелем.

Молодой человек был без пиджака, и из его рта торчала папироска. Комната походила на приемную газетной редакции. Жиденькие половицы и крепкие деревянные перегородки явно были скопированы с приемной нью-йоркского «Американца». Одно мгновенье я ожидал, что вот-вот увижу измученного и жалкого человека с потухшей сигарой во рту и с кучей гранок в руках. Этот вкус к простоте проявлялся даже в самых маленьких деталях. В комнате были зеленые абажуры на электрических лампочках, шнуры которых висели под потолком простыми и непритязательными петлями.

Вскоре молодой человек встал и подал мне безвкусно отпечатанную на картоне карточку.

— Это—карточка нашей фирмы,—известил он, весь проникнутый гордостью, которой еще не коснулось недоверие.—Вы можете положить ее себе в карман и показывать при случае вашим друзьям.

Это было ужасное произведение полиграфического искусства. Притом карточка была слишком широка для того, чтобы ее можно было положить в карман, не сгибая. Наверху был портрет мальчика, играющего, надув щеки, на трубе. Внизу была подпись:

Майкель Уэбб. Поставка мыслей на день или на неделю.

Карточка явно преследовала цели рекламы, но общий тон ее был так груб, что даже цирюльник из Канзаса был бы сконфужен.

Не зная, что сказать—а юноша определенно ожидал от меня какого-нибудь замечания,—я машинально вертел ее в руке.

— Это шутка?—наконец, выдавил я из себя.

— Почему? Нет! Это не шутка,—отвечал он, по-видимому, несколько раздраженный.—Это—карточка нашей фирмы. Мы ее всем раздаем. Карточка фирмы! Вы знаете, что такое карточка фирмы? Она производит впечатление, не правда ли?

— Нет, не думаю, чтобы она производила впечатление.—Мне казалось, что я могу быть откровенным.—Она вульгарна и безвкусна.

— Но она производит впечатление,—настаивал он.—Я вижу, что она произвела на вас впечатление.

— Она произвела на меня самое отталкивающее впечатление. Разве вы не замечаете, как она безвкусна? Карточка вызывает отвращение. Вероятно, даже удерживает публику от прихода сюда.

Он держал карточку в вытянутой руке и смотрел на нее с восторгом.

— Совершенно верно,—говорил он.—Вы попали в точку. Она действительно удерживает многих от прихода к нам. Этой карточкой мы оповещаем о том, что снабжаем любого человека мыслями. Вы видите, в чем

дело? Поняли? Тот, у кого есть хоть капля здравого смысла, не обратит внимания на это объявление. Когда кто-нибудь сюда входит с этой карточкой в руках,—мы с уверенностью знаем, что он очень нуждается в нашей услуге. Таким образом вычеркиваются искатели изысканного и те, что могут думать самостоятельно. Идея ясна.

— Вы ассистент м-ра Уэбба?—спросил я.

— И да, и нет,—отвечал он.—И ассистент, и не ассистент. Я в сущности его секретарь, но прохожу курс по обезвздориванию и уже провел несколько маленьких, не особенно трудных дел. Например по обезвздориванию Четырехсот * и т. п. Это очень жидкий вздор. Почти каждый интеллигентный человек может выучиться в несколько уроков, как его извлекать.

Он закурил папироску и сел на стол, болтая ногами.

— Та-а-к...—протянул я.—Значит, вы обучаетесь искусству. Я понимаю, что с общественным вздором всего легче расправляться. Жидковатый, так сказать, вздор. Скажите мне, какого рода вздор всего труднее извлекать?

— М-р Уэбб говорит—а он авторитет,—что вздор «собственной страны господа бога **» является самой трудной из известных науке разновидностей. Вы знаете, это—отборный вздор. Боже мой! Посмотрели бы вы только на него в стадии полного развития! Это ужасно! У м-ра Уэбба прямо руки опускаются. Затруднение состоит в том, что вы ничего не можете вбить в голову пациента, когда последний болен тяжелой формой вздора. Об его череп сломается острие самого лучшего сверла. М-р Уэбб работает сейчас над новым способом, который, быть может, даст хорошие результаты. Его

* Четыреста семейств американской финансовой аристократии. *Прим. перев.*

** Так американцы называют Соединенные Штаты. *Прим. перев.*

идея состоит в том, чтобы протолкнуть несколько статей в «Американский Журнал» и направить страдающего вздором пациента по этому пути... Тогда тот не будет подозревать, что проходит курс лечения.

— О, вы ничего не достигнете таким путем,—заметил я.—Вам никогда не позволят поместить что-нибудь подобное в «Американский Журнал».

— Не позволят?—Он радостно заболтал ногами.—Вот вы увидите,—они их поместят! Статьи будут обсахарены, и они проглотят их раньше, чем разберутся, в чем тут дело.

В это мгновение открылась ведущая во внутренние комнаты дверь, и в ней появился Майкель Уэбб. Гладко выбритый, в элегантном сером костюме, он походил на младшего компаньона какой-нибудь банковской фирмы с Уолл-стрит или на преподавателя колледжа с независимым состоянием,—преподавателя, который не смотрит на свое дело слишком серьезно. Кивком головы он пригласил меня войти, и я последовал за ним в его кабинет. Не глядя на меня, он сел за стол и начал вскрывать письмо, указав мне предварительно своим разрезательным ножом на стул.

2

— Ну, кто вы, и чего вы хотите?—быстро спросил он.—Пришли вы сюда по личной рекомендации или по нашему объявлению?—Все это—залпом.

— Ни то, ни другое,—возразил я.—Я—автор.

Он поднял глаза и весь содрогнулся.

— Так это вы!—почти воскликнул он и положил на стол письмо.—Чорт возьми! Я не узнал бы, если бы встретил вас на улице... Да, я помню тот день, когда мы отправились в путь. Прошло много времени... Знаете, у вас какой-то странный вид... Вы хорошо себя чувствуете?

— Я чувствую себя прекрасно. А разве непохоже на это?

— Не знаю. Вы как-то изменились. Вид у вас плохой. Вы переутомлены. Я был не таким, когда писал свою великую книгу. Разве такой вид полагается иметь автору?

— По-моему, да,—отвечал я.—Мы люди глубокомысленные, а напряжение мысли...

— Я поставляю мысли на день или на неделю!—прервал он с энтузиазмом.—Поставляю мысли на день или на неделю по умеренным ценам! Позвольте мне быть вашим поставщиком мыслей. Это будет стоить недорого, а вы избавитесь от чувства усталости. Клянусь честью, в этом есть идея. Я хочу сказать—идея для рекламы. Последняя будет гласить приблизительно так: позвольте мне быть поставщиком ваших мыслей, и вы избавитесь от чувства усталости.

Его предложение поставлять мысли для романа показалось мне несколько сложным. Я никогда не слыхал, чтобы герой романа поставлял мысли для автора. Конечно, в этом нет ничего невозможного, но этого не бывало в практике, и, пожалуй, могло существовать какое-нибудь профессиональное правило, предусматривающее подобный случай. Я был почти уверен, что глава беллетристической промышленности, вроде Арнольда Беннета, никогда бы не допустил этого.

— Я не думаю, чтобы это было возможно, Майкель,—сказал я решительно.—Я имею в виду не ваше бюро по поставке мыслей. Вы... вы ведь знаете... что вы—герой в книге.

— Да, я знаю,—быстро проговорил он,—но это к делу совершенно не относится. Я не думаю, чтобы вы когда-нибудь написали книгу, а у меня уже есть литературный опыт. Я книгу написал.

— Да, я ее читал.

Майкель преуспел больше на литературном поприще, чем я думал. Я не знал в то время, что он еженедельно пишет столбец заметок для «Человечества». Этот столбец, имел общее заглавие: «Кипящий горшок» и под собою подпись: «Писака». О нем много говорили, и редакторы «Человечества» разжигали интерес публики, подписывая этот отдел псевдонимом.

— Вы читали «Как важно быть второсортным»?— спросил он.

— Да, я читал эту книгу в течение двух последних дней. Она интересна... Но все-таки... будет лучше, если я стану думать сам за себя.

— Прекрасно. Думайте на здоровье. Вы не можете порицать меня как делового человека за то, что я предложил вам свой товар.

Слушая его, я изучал его внешность... Портрет Майкеля, написанный Стивенсоном, наиболее удачен, хотя Стивенсон до некоторой степени идеализировал свою модель. Стивенсон слишком подчеркнул высокий лоб и широкий промежуток между глазами. Ни один из портретов не передает своеобразия его необычайных голубых глаз. Их взгляд похож на яркое голубое пламя. Я мельком и только в тени видел его лицо в тот вечер у Дэмблов, и теперь впервые заметил, что у него был римский нос и тяжелый подбородок. Он был среднего роста с широкой грудью и производил впечатление очень сильного человека.

Майкель положил ноги на стол и подвинул ко мне ящик с сигарами. Я чувствовал, что должен из вежливости завязать на некоторое время разговор, не касающийся меня лично, прежде чем перейти к цели моего посещения.

— Скажите мне откровенно, Майкель,—спросил я,— думаете ли вы, что ваша книга принесла добро?

— Уверен. Нет никакого сомнения. Этот кабинет наполнен письмами от читателей,—он указал на целую колонку писем, поднимавшуюся с пола до самого потолка,—и множество народа приходит сюда, чтобы поблагодарить меня и высказать свою признательность. Ну, а затем... мои устные советы очень тонки, и их домогаются тысячи людей. Я делаю доброе дело, если позволительно это сказать о самом себе. Видите этого человека?—продолжал он, открывая номер «Субботней Вечерней Почты», который лежал у него на конторке и указывал на имя Виктора Локлэнда, стоявшее перед началом рассказа.—Локлэнд—знаменитый автор маленьких рассказов. Он обязан своим успехом мне.

Я улыбнулся. В Майкеле были многообещающие задатки. Я мог уже констатировать, что в нем был эгоцентризм настоящего великого человека.

— Обязан вам?—заметил я.—Каким же образом?

— Я вам объясню, что я хотел сказать,—выпалил он.—Когда я в первый раз увидал Виктора Локлэнда, он был бедным полуголодным поэтом, настоящим чердачным поэтом, жившим в комнате под самой крышей... Я вспоминаю, что его кровать стояла как раз под слуховым окном. Он лежал на ней, следил за звездами и писал стихотворения, напоминавшие мне серебряный туман, который видишь в сумерки между деревьями. Иногда он пробовал писать и рассказы. То были какие-то сказки, навеянные шопотом сонных грез, и один из этих причудливых маленьких высокопарных журнальчиков стал печатать их. Иногда он зарабатывал до двенадцати долларов в неделю, когда судьба ему благоприятствовала. Однажды он пришел сюда, сел на тот же самый стул, на котором сейчас сидите вы, и излил предо

мной всю свою поэму скорби. Выяснилось, что он отчаянно стремится попасть в большие, пользующиеся широким распространением журналы. Он нуждался в деньгах. Журналы отсылали ему его рассказы обратно с быстротой экспресса. Если бы только они немножко задерживали их у себя,—говорил он,—даже и это было бы некоторого рода поощрением, но рассказы с быстротой пули возвращались обратно, словно они наталкивались на какую-нибудь пружину. Я заметил ему, что его рассказы, вероятно, не второсортны—конечно, это и было причиной отказа—и спросил его, о чем он писал. Он признался, что писал о жизни. Я знал, что все написанное им о жизни должно быть проникнуто духом истинной человечности, и еще до ознакомления с его произведениями подозревал их в первосортности. Вы бы только посмотрели на рассказы, которые он мне показал! Ни за что бы вы не поняли, как это при таком отсутствии практического чутья человек еще живет! Один из его ранних рассказов напоминал своей тонкостью и меланхоличностью произведения Джемса Стефенса. В нем было что-то светлое, безмятежное и вместе с тем глубокое,—спокойное озеро, по которому проходят тени облаков. После того как рассказ неоднократно был отвергнут, он неуклюже попытался переделать его. Приставил к нему счастливый конец. Ясно, были видны белые нитки, которыми он был сшит. Затем он вставил в него отдельные куски, написанные в духе Ирвина Кобба, и пересыпал его простонародным жаргоном. «Друг мой,—сказал я ему,—таким путем вы никого не можете одурачить. Редакторы хитры, как черти. Не прочтут они трех страниц, как увидят, что этот рассказ—первосортный, и он будет отвергнут, несмотря на всю вашу маскировку».—«Но что же мне делать?»—спросил он в явном смущении.—«В настоящее время очень

легко попасть в эти журналы всякому, кто хорошо владеет английским языком, действительно может рассказать какую-нибудь историю и владеет основным трюком».

— А что такое основной трюк?—спросил я.—Мне хотелось бы это знать: я сам готовлюсь к литературной карьере и весьма непрочь бы увидеть свое имя в «Красной книге» и в «Субботней Вечерней Почте».

— Хорошо, сейчас скажу... как раз то же самое, что сказал ему. «Вы—литературная братия,—говорил я ему,— всегда думаете о Толстом и об Анатоле Франсе. Обыкновенный здравый смысл у вас в загоне. Вы должны изучать рекламы в журналах так же тщательно, как изучаете руководства по литературе»...

— Почему вы это ему сказали?

— Потому что в Америке искусство рекламы переросло искусство художественного слова. Реклама четче отображает дух народа, чем литература. К тому же имеется еще другая причина. Три четверти дохода журнала получается от объявлений, следовательно, идея рекламы—стержень всего дела. В объявлениях вы не встретите бедняков и печальных концов. Действительно, вообразите себе, как было бы глупо, если бы какая-нибудь реклама о шоколаде кончалась такими словами: «и вот она поела его и умерла». Действующие лица в рекламе либо машут флажками во время игры в футбол учеников колледжа, либо заняты осмотром прекрасной новой кухни, либо примеривают красивые костюмы. Я указал на это Локлэнду и посоветовал ему заимствовать себе действующих лиц из объявлений, а что еще лучше—просто взять объявление и переписать его. Он все еще казался смущенным, и чтобы вывести его из затруднения, я взял номер журнала, и мы начали вместе просматривать объявления, страницу за страницей.

Наконец, мы пришли к странице с объявлением какой-то фирмы о рубленом кокосовом орехе. Мы на нем остановились и вырвали его. Он переписал эту страницу, и в скором времени рассказ появился. Наконец-то Виктор Локлэнд был на пути, ведущем к успеху.

Я с трудом верил тому, что слышал. По временам мне приходилось читать о магии американского успеха, но это действительно была настоящая чудесная история.

— Переписал страницу?—сказал я, запинаясь.—Как же это так?

— Наверху был помещен большой рисунок, изображающий группу учеников колледжа, весело проводящих время за уничтожением объемистого пирога, присланного из дому,—объяснял Майкель.—Один из мальчиков говорил: «Мать испекла этот пирог». И вот, идея была готова. Я посоветовал Виктору Локлэнду написать рассказ об ученике колледжа, получившем из дому пирог и пригласившем на него своих друзей. Он должен был сказать в рассказе громко и ясно: «Мать испекла этот пирог». Один из его друзей, тронутый щедростью матери, написал ей, благодарил за угощение и сообщил, что, по заявлению мальчиков, это был самый лучший пирог, который они когда-либо ели. Выяснилось в конце концов, что пирог пекла не мать. Он был испечен девушкой, посещавшей ее дом. Девушка ответила на письмо, и начался очаровательный флирт по почте. Потом она приехала в колледж на «пром» *, и молодые люди влюбились друг в друга. Конечно, оказалось, что девушка—дочь Джона В. Тоттена, архимиллионера. Они поженились, и молодой человек получил в приданое фабрику и стал богатым. Рассказ написан вдохновенно. Разумеется, без негодяя дело не обо-

* Праздник по случаю окончания или перехода в следующий класс колледжа. *Прим. перев.*

шлось: он там тоже имелся. Рассказ назывался: «Девушка за пирогом».

— Помню, я читал этот рассказ,—сказал я.—Хорошо, хорошо!

— Но подождите,—продолжал Майкель.—Это еще не все. Кинематографические режиссеры разыскали Виктора Локлэнда, и его гонорар за постановку выразился в пятизначном числе.

— Подумать только!—воскликнул я.

— Но подождите, и это еще не все,—продолжал Майкель.—После того как фильм продержался на экране около года, кто-то рассказал о нем фабрикантам рубленого кокосового ореха, и они тотчас же отправили к Виктору Локлэнду своего агента, заведующего рекламой. Они заплатили Локлэнду кругленькую сумму за право перепечатки рассказа отдельной книжечкой. Было напечатано пять миллионов экземпляров—издание было великолепное, могу вас уверить,—а заведующий рекламой написал прекрасное вступление. Он заявил, что этот идиллический отрывок романа, который многие компетентные критики считали одной из самых трогательных историй, когда-либо появлявшихся в печати, был вдохновлен рекламой их фирмы. Он ни слова не сказал обо мне в своем вступлении. Оно было очень длинное—собственно говоря, оно было длиннее самого рассказа.

— Да, сэр, это замечательное...

— Но подождите,—продолжал Майкель.—Это еще не все. С той поры Локлэнд стал постоянно разрабатывать ту же самую тему; он только меняет обстановку. Вечно одна и та же история с девушкой за сценой, с девушкой, руки которой добиваются.

— И это все?—несколько боязливо спросил я.

— Да, это все,—отвечал он.

— Я только что хотел сказать, что Виктор Локлэнд — большое имя в литературе.

— Вы правы, это действительно так,—согласился Майкель.—Но вы видите, как он начал. А теперь он богат.

— Я думаю,—вы с ним большие друзья.

— О, нет. Теперь он еле узнает меня,—возразил Майкель.—Он стал литературным оракулом—разговаривает только с богом, да и с ним не в ладах...

3

— Какого рода книгу собираетесь вы написать?— спросил Майкель после короткой паузы.

— Предполагается художественное произведение. Роман. Вы мне нужны в качестве героя.

— Вот как? Прекрасно?—воскликнул он.—Это дело по мне. Быть героем! К тому же я человек вполне пригодный для триангуляции.

— Что такое?—спросил я.—Пригодный для триангуляции? Это что-нибудь, касающееся книги?

— Да, совершенно верно. Вечный треугольник. Разве вы не знаете, что это такое? Это—сюжет большинства романов. Когда я странствовал по Англии, я работал в двух вечных треугольниках для Герберта Уэльса. Он говорил, что я был самым лучшим типом из всех, какими ему когда-либо приходилось пользоваться в своей триангуляционной работе, а он, чорт возьми, знает свое дело.

Я подумал, что должен разъяснить возможное недоразумение, а потому заявил:

— В моем романе, Майкель, не будет никаких треугольников. Книга по своему замыслу должна быть подлинно художественной. Я пишу для интеллектуальных верхов.

— Боже ты мой!—почти вскрикнул он.—Так, значит, я буду героем высшей пробы. Я никогда не рассчитывал на такую блестящую судьбу.

— О, успокойтесь,—возразил я.—Особенно не важничайте. Знаете, для вас это совершенно безразлично.

— Безразлично? Вы думаете?—сказал он с некоторым огорчением.—Авторы всегда так думают. Они все это говорят. Да, вам очень и очень следовало бы послушать, как относятся герои к такому высокомерному взгляду на вещи. Некоторые из самых горячих споров в «Клубе героев» были как раз на эту тему. Что, ваша книга будет консервативной или либеральной?

— Мы лучше сделаем ее либеральной,—отвечал я. Мне живо представилось, что сказал мне великий писатель в первой главе.

«Внесите, Майкель, в роман налет либеральной, прогрессивной мысли. Держитесь в стороне от реакционных групп.»

— Прекрасно, я уж, со своей стороны, постараюсь не быть реакционером,—чистосердечно обещал Майкель,— если вы сами возьмете на себя заботу обо всем остальном. Какой же у вас сюжет?

— Я не знаю...

Действительно, я был поставлен в тупик. По правде сказать, я ровно ничего не знал о том, как мне приступить к роману.

— Я не думал о сюжете. Мне представлялось, что мы должны разработать его вместе с вами.

— Хорошо, мы поговорим об этом за завтраком,— заметил Майкель.—Не зайти ли нам к Генри, на Сорок шестую? Мы там закусим и обсудим все дело.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КЛУБ ГЕРОЕВ

1

Этажом ниже Генри находилась паштетная; этажом выше—ресторан, отдаленно напоминающий парижский. Этот ресторан стремился стать копией Маргэра, что на бульваре «Bonne Nouvelle». Почему это похвальное старание терпело полнейший крах,—не знаю. Быть может, благодаря нашей национальной сухости.

— Расскажите мне, Майкель, о «Клубе героев»,—сказал я, когда официант, приняв заказ, удалился.—Вы только что о нем упоминали.

— О! Это—самый настоящий клуб,—отвечал он.—Разве только с тем различием, что здесь бывает больше споров, и встречаешь больше неприятных типов. Попадаются иногда такие типы. А иногда даже просто мошенники.

— И вы терпите у себя в клубе таких неприятных типов? Разве у вас нет каких-нибудь правил?

— О-о, как же! У нас есть правила,—отвечал он,—и когда какой-нибудь член заносится три раза на черную доску как тип сугубо неприятный его исключают. Но в сущности на этот счет существуют весьма широкие взгляды. Герой должен проявить себя слишком резко, для того, чтобы быть занесенным на доску. Сами авторы

нарушают их душевное равновесие, заставляя делать то, что джентльмены ни в коем случае не должны были бы делать.

— У нас в «Клубе героев» было несколько больших дискуссий,—продолжал Майкель.—Совсем недавно там происходила дискуссия на тему об относительной ценности современного романа приключений и психологического романа. Это был необычайно горячий спор. Шерлок Холмс утверждал, что запутанная интрига—самое ценное в художественном произведении. Над ним смеялись. Почти никто не соглашался с ним, а он ведь прекрасный оппонент.

Я мог беспристрастно оценить точку зрения Шерлока Холмса и высказал свое мнение. Конечно, собственный опыт Холмса привел его к такой высокой оценке романа приключений. Но, в конце концов, это был слишком узкий взгляд на вопрос. Ведь детективные рассказы не бог весть что.

— Некоторые из членов были несколько возмущены этим. Они находили, что Шерлок нелойялен. Видите ли, он сам—герой и обесценивает значение героев. Однако я думаю, он имел право.

— Что думаете об этом вы сами?

— О! Я стою на стороне героев,—отвечал Майкель.

Я был рад это слышать, так как наш роман должен был стать романом характеров, романом психологическим.

2

Лакей подал камбалу.

— Попробуйте-ка лучше этой рыбы, Майкель,—предложил я.

Он мало уделял внимания еде.

— Имеются только две темы, годных для романа,—

утверждал он.—Одна из них—труд, а другая—пол. Человеческая жизнь охватывает только эти две темы.

— Экономика и любовь, да? А как же быть с философским романом, который интересен борьбой отвлеченных идей?

Он откинулся на стуле и обвел сосредоточенным взглядом комнату.

— Философский роман, это—просто трактат по философии, рассказанный героями. Это—выдающийся недостаток французских романистов, и у нас его почти не знают. Люди не живут философской жизнью. Философия, культура—атрибуты жизни вроде новейших удобств в современной квартире. Вы можете ими пользоваться, но можете обходиться и без них. Я думаю,—продолжал он,—что все огромные человеческие достижения связаны либо с подавлением, либо с извращением полового чувства, а весьма вероятно, и вызваны ими... Нормальные люди никогда не совершают чего-нибудь значительного. Половой инстинкт заставляет мужчин и женщин бежать и кричать по белу свету точно так же, как он заставляет животных выть и рычать среди джунглей. Всем ценным, что создано в мире, мы обязаны неврастеникам, у которых половое возбуждение было переключено в какой-то вид энергии, не являющейся в сущности ни умственной, ни духовной,—энергии, не имеющей никакого названия.

— А вот как же сэр Исаак Ньютон,—пытался я возразить.—У него совсем не было половой жизни, а он, несомненно, был величайший творческий гений.

— Да, он был великой творческой силой,—подтвердил Майкель,—но я не могу согласиться с вами в том, что он не знал половой жизни. У него она была—и в высшей степени ненормальная. Он писал за несколько

лет перед смертью, что никогда в своей жизни не любил ни одной женщины. Вы согласитесь, что это ненормально. Он был неврастеником и страдал религиозными галлюцинациями. Я думаю, очень интересен тот факт, что Шекспир и Мольер были несчастны в браке, Линкольн жил с женой, к которой был совершенно равнодушен, и любил другую женщину—на расстоянии, а у Наполеона было не больше морального чувства, чем у мартовского кота... Жорж-Занд...

— Надеюсь, вы не клоните к тому, что я должен написать роман о свободной любви. Если же это так, то могу сейчас же вам заявить, что у меня нет такого намерения.

У Майкеля был удивленный вид.

— В чем дело? Я совсем не думал о вашем романе,— сказал он.—Я хотел указать на тот факт, что нормальный человек не является ни сторонником свободной любви, ни аскетом, в то время как все, что было создано в мире великого, почти неизменно обязано своим появлением лицам, которые представляют собой полную противоположность нормальным людям, если не с физической стороны, то, по крайней мере, в духовном отношении.

— Ну, допустим,—сказал я,—мы должны в книге быть искренними, и ничто человеческое нам не должно быть чуждо, но что касается этой нездоровой русской атмосферы,—ей там не место.

Я начинал опасаться, как бы Майкель, проживший слишком долго вдали от родины, не оказался чуждым духу американской жизни.

— Я понимаю вас,—сказал он,—и буду следовать вашим инструкциям. Вы хотите дать в романе человеческое, но не слишком человеческое.

3

— Что касается русских,—заметил он, наливая кофе,—то они в «Клубе героев» причиняют нам немало хлопот. На героев Достоевского стоит посмотреть. То-и-дело они покушаются на самоубийство! Все они преисполнены духом самоотречения, хотя и едят очень много.

— Воображаю! «Клуб героев» должен быть интересным местом.

— В некотором отношении это так,—продолжал он.— Но было бы лучше, по-моему, если бы там не было такого количества неизлечимых, брюзжащих ипохондриков. Вечно ноет кто-нибудь. Мне хотелось бы, чтобы побольше было таких, как аббат Жером Куаньяр,—этот маленький французский попик из «Харчевни королевы Педок» *. Добродушный, с мигающими веселыми глазками, он рассказывает массу маленьких смешных историй о всевозможных людях, причем иные бывают не совсем пуританскими. Господин аббат совсем не обращает внимания на обет воздержания, он съедает свой обед за столиком в саду и грациозным жестом поднимает свою кофейную чашечку. «Воображение помогает мне,—говорит он.—Здесь, в этой чашке, у меня красное вино из ронской долины.»—Одним из самых любопытных типов в клубе является капитан Джозефа Конрада, крепкий старый моряк,—продолжал Майкель.— Голова у него так затуманена, что иногда он не может найти выхода на улицу и, как ни в чем не бывало, начинает читать газету, держа ее вверх ногами. Как-то недавно, слышу я, Вильям Бэрнс говорит ему...—Бэрнс как сыщик всегда смотрит вглубь вещей,—и вот, я слышу,

* **Известный роман А. Франса.** *Прим. ред.*

Бэрнс говорит этому самому конрадовскому капитану: «Что такое с вами, капитан? У вас совсем обалделый вид. Слишком много хватили хуча?»—«Нет, какой там хуч!—отвечал капитан. (А говорит медленно, с трудом.)—Это все Конрад! Вы знаете, мой милый,—продолжал он,—пока я не встретился с Конрадом, у меня ни разу во всей моей жизни не было никаких сомнений ни в чем. Теперь в голове у меня такая путаница: сомнения, подозрения, колебания, угрызения совести, затемнение сознания и бог знает что еще. Я не могу даже разбираться в своей карте! Я не знаю, что сегодня: среда или весенний день 1887 г.! По желанию Конрада я должен был впасть в какую-то абстракцию или во что-то другое—уж не помню, как он называл это—по поводу великолепного пурпурного и золотого тропического заката. Я должен был, как глупый осел, посадить старый гукар на риф. Что вы на это скажете? А я знаю теперь только одно: ужасная судьба тяготеет надо мной.»—Некоторые из членов этого клуба,—продолжал Майкель,—совершенно невероятные существа,—прямо жаль их! Они явились сюда из третьесортных романов. Понимаете? Настоящие тени. Можно через них смотреть. Даже можно проходить через них,—идешь, как будто среди какого-то тумана. Другие—просто бревна, на их лицах не больше выражения, чем вот на этой стене... Старый полковник Ньюком... Знаете вы старого седого полковника?

Я кивнул головой.

— Вы хотите сказать—полковника Ньюкома из теккереевского романа? Конечно, я читал «Ньюкомов».

— Благородная душа!—сказал Майкель,—хотя и страшен, когда выходит из себя. Однажды после завтрака, когда около двадцати этих глупых теней и бревен восседало в гостиной клуба—у некоторых из них не хва-

тало даже жизнеспособности, чтобы просматривать журналы или играть в солитер *,—полковник вышел из себя. Он в бешенстве ходил по клубу, с газетой в одной руке и с очками в другой. По его мнению, величайший позор—разрешать авторам выпускать в свет такие болезненные плоды творчества. «Должен быть издан закон против этого,—говорил он:—кто-нибудь должен сделать об этом запрос в Палате общин.»

— Вы можете сообщить ему, Майкель,—сказал я,—что закон о литературном ученичестве сейчас разрабатывается и скоро войдет в силу. Он не допустит выхода в свет таких незрелых произведений. О нем был дан благоприятный отзыв Сенатским комитетом по делам печати. По проекту, от автора, прежде чем он получит разрешение писать, будет требоваться семилетний ученический стаж под руководством таких мастеров, как Джордж Мур или Зейн Грей. Он прежде всего должен иметь документ как романист-поденщик, а легкомысленные диллетанты, которые, не имея аттестата, водят пером по бумаге, будут подвергнуты суровому наказанию. Вот почему я так спешу со своим романом. Я хочу с ним разделаться раньше, чем закон войдет в силу.

4

— Ну, как обстоит дело с сюжетом? — спросил Майкель.

— С каким сюжетом?

— С сюжетом вашего романа. Вы его еще не разработали?

— Нет, я его еще не оформил. Надеюсь, вы мне поможете выдумать сюжет.

* Детская игра с шариками на специальной доске. В эту игру играют без партнеров. *Прим. ред.*

Он отрицательно покачал головой.

— Я не признаю заранее заготовленных сюжетов,— заявил он.

— Почему так?

— О, это большое неудобство, ибо нельзя лавировать. Почти все герои, с которыми мне приходилось встречаться, были против них.

— Прекрасно,—сказал я и действительно почувствовал облегчение. Ответственность за создание сюжета несколько пугала меня.

— Что же вы тогда предлагаете?

— Моя идея, если вы хотите знать,—сказал он,—заключается в том, чтобы соединить в одном месте группу людей и в остальном предоставить их естественному ходу событий. Сюжеты имеются повсюду.

— Это мне нравится,—согласился я,—но у меня нет людей. Вы — единственный герой, который у меня имеется.

— О, об этом нечего беспокоиться,—отпарировал он.—Здесь, вокруг нас, живут семь миллионов человеческих существ. Я могу выйти из этой комнаты на улицу и завязать роман в пять минут... Но этого не следует делать. Мы должны выбрать место действия.

— Совершенно верно,—сказал я.—Мы должны раздобыть интересных и значительных людей. Это необходимо для того, чтобы их слова имели какой-нибудь вес.

Майкель откинулся на стуле и задумчиво стал пускать в потолок кольца дыма.

— У меня явилась идея,—сказал он.—Не знаете ли вы случайно Ричарда Эллермана, автомобильного магната?

— Нет, не знаю. Я, конечно, слыхал о нем, как и каждый человек в Соединенных Штатах.

— Так вот, он живет в Доббс-Ферри,—продолжал Майкель.—Я его знаю, а сын его один из моих близ-

ких друзей. За последние шесть месяцев он не раз пытался заставить меня взять отпуск и погостить в их имении, в Доббс-Ферри. Они называют это место «Тенистым Лугом».

Доббс-Ферри, это—предместье Нью-Йорка, находящееся от него в двадцати милях вверх по Гудсону. От местечка веет спокойным старосветским очарованием. Деревня,—в ней одна извилистая улица, застроенная лавками,—окаймляет пригородные дачи, за которыми расстилаются великолепные имения.

Я тщательно обдумывал это предложение. Но размышлял я впустую, ибо я имел дело с материалом, не знакомым мне по личному опыту. Невелика беда была бы рискнуть.

— Прекрасно,—согласился я,—это мне нравится. Я полагаю, ваша идея состоит в том, что я должен отказаться от всякой мысли о сюжете и писать только о том, что случится.

— Да. Такова моя идея. Мы начнем с Эллерманов. Вы что-нибудь о них знаете?

— Почти ничего. Он—важная птица в автомобильной индустрии. Я знаю только это.

— Тогда я расскажу о них, чтобы вам было понятно общее положение вещей. Ричард Эллерман стоит по крайней мере шестьдесят миллионов долларов. Описывая его, я прежде всего об этом упоминаю, ибо в нем это самое главное. Шестьдесят миллионов долларов! Кругленькая сумма! По внешности он—крупный мужчина, пожалуй, слишком толстый, с широким лицом, с мощным подбородком, с волосами, тронутыми проседью, и с утомленным взглядом...

— Я знаю,—сказал я,—я видел его портрет. А что он собой представляет как человек? О чем он думает?

— О деньгах и власти,—отвечал Майкель.—Он способный человек. Способный... способный.

— Способный в каком отношении?—спросил я.—Способен ли он на что-нибудь иное, кроме добывания денег?

— Нет, и он нимало не нуждается в каких-нибудь других способностях,—сказал Майкель и посмотрел на меня с легким удивлением.—Его способность заключается в глубоком понимании современного мира. Он близорук и одержим страстью стяжать; мысли его направлены по коротким, прямым, непосредственно ведущим к цели линиям. Он не плох, в компании несколько молчалив, хотя не лишен чувства юмора.

— Вы ему нравитесь?

— Н-н-да... в некотором отношении,—отвечал Майкель.—Ему нравятся люди, которые его забавляют. Он не придает никакого значения моим идеям. Идеи очень мало значат для него, если им не сопутствует власть или деньги. То обстоятельство, что я не приобрел себе состояния, является для него доказательством моего ничтожества. Ему никогда не приходило в голову— и он, вероятно, не мог бы этому поверить,—что я никогда не стремился составить себе капитал. Таким образом между нами создались прекрасные отношения.

— Я рад этому,—сказал я,—мне было бы очень неприятно, если бы ваше пребывание в Доббс-Ферри доставило вам тяжелые минуты.

— Не беспокойтесь,—засмеялся он.—У меня достаточный запас веселья. Теперь позвольте мне рассказать вам о Бленч. Это—вторая жена Ричарда Эллермана. Раньше она была знаменитой дивой комической оперы и выступала под именем Бленч Рейнер. Она много моложе своего мужа. Он женился на ней десять лет назад.

— Я видел ее на сцене. С тех пор прошло уже много лет. Тогда она была еще Бленч Рейнер,—вставил я.

— Это очень забавная история, история его ухаживания и женитьбы,—сказал Майкель.—Однажды вечером он отправился в театр и увидал ее в первый раз. На следующий день он купил театр... Я хочу сказать: купил здание, откупил у компании все дело и пригласил ее в этот же вечер на ужин... На следующий день он послал ей жемчуга, стоимостью в шестьдесят тысяч долларов, и лимузин, и она была этим так польщена и взволнована, что еле-еле могла в тот вечер довести спектакль до конца. Дня через три он явился к ней на квартиру в десять часов утра, приказал горничной поднять ее с постели и одеть и заявил, что он пришел жениться на ней. Они немедленно повенчались. Вот и все.

— Он заставляет говорить свои деньги,—заметил я.

— При случае, он заставляет их даже кричать,—добавил Майкель.

— Своего рода пещерный человек двадцатого века,—пояснил я.

— Вы с полным правом его можете так называть. Я знаю Ричарда Эллермана-младшего гораздо лучше, чем его отца и мачеху. Его обыкновенно зовут Бинго Эллерман. Вы, может быть, слыхали о нем?

— Должен сказать, что слышал,—прервал я Майкеля.—Бинго Эллерман! Еще бы! Он попадает в газеты чуть ли не каждый месяц. Боже мой, неужели вы дружите с такого рода людьми?

— Да. Он порядочный человек. Вы его не знаете, а я знаю.

— Газеты его называют «пенсионным фондом хористок»,—сказал я.

— Называют и так,—заметил Майкель.—Это его достаточно рисует. Чем же плохо быть пенсионным фондом, если у вас есть деньги и склонность к тому?

— Плохого нет ничего,—сказал я.—Все в порядке вещей.

— Ну, конечно. Мать Бинго, умирая, оставила ему все свое состояние, которое было вложено в трест,— продолжал он.—Ему двадцать восемь лет, и его доход равняется тремстам тысячам долларов в год. Он живет в отеле «Олимпия», в этом отеле с квартирами, что находится на Бродвее, вблизи Семьдесят второй. Теперь вы в курсе дела. Мой план состоит в том, чтобы зайти завтра утром к Бинго и принять его приглашение отправиться в Доббс-Ферри. У него никогда не бывает никаких дел, так что, без всякого сомнения, он выразит готовность отправиться вместе со мной в их имение и...

— И затем дальнейшее мы предоставим естественному ходу событий,—сказал я.—Прекрасно. Это мне нравится.

— Я попросил бы вас сделать мне одно одолжение,— заметил он.

— Хорошо, Майкель,—заявил я.—Если это не особенно сложно,—я сделаю.

— Мне хотелось бы, чтобы вы сами стояли в стороне от всей интриги,—сказал он.—Быть может, я неправ, но у меня такое впечатление, что вы готовы вмешиваться в работу над каждой страницей и препятствовать естественному течению событий... Этого не должно быть. Помните изречение Флобера?

— Нет, не помню изречения Флобера,—отвечал я, слегка пристыженный своим невежеством.—Видите ли, я не настоящий литератор.

— Ну, это не важно,—сказал он.—Изречение Флобера гласит: «L'artiste ne doit pas plus apparaître dans son oeuvre que le dieu dans la nature».

— Но бог всюду проявляется в природе!—воскликнул я.

— Да, я знаю это,—согласился он,—но бог все-таки не вмешивается все время в людские дела. И вы не создадите романа, если будете издеваться над вашими героями. Вспомните этого несчастного капитана из клуба.

— Прекрасно,—согласился я.—Я буду от всего этого держаться в стороне.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СКАЗОЧНЫЙ ЛЮДОЕД

1

Когда Майкель позвонил, дверь квартиры на третьем этаже «Олимпии» чуть-чуть приоткрылась, и глаз, черный, как смоль, глаз, не связанный, повидимому, с человеческим телом, показался на мгновение в щели. Майкель хотел заговорить, как вдруг бестелесный глаз исчез, и дверь захлопнулась.

— Клянусь честью,—пробормотал Майкель,—это что-то вроде фильма «Приключения Полины!» Теперь только и жди, что откроется трап у меня под ногами.

Он окинул взглядом обширный роскошный холл с его золотисто-голубым ковром и жесткими канапэ, обитыми парчой, и стал соображать, что лучше—сесть и подождать или опять сделать попытку позвонить. Пока он пребывал в нерешительности, дверь опять чуть-чуть приотворилась, и теперь в поле зрения Майкеля появился веселый голубой глаз. Мгновение спустя сам Майкель находился уже по ту сторону двери, чувствуя в своих плечах боль от страшного приветственного удара по спине.

— Ну, Майкель, как поживаете?—крикнул обладатель голубого глаза, белокурый великан в пижаме, разукрашенной необычайными подсолнечниками.

— О, у меня все благополучно,—отвечал Майкель.— Почему такая предосторожность?

— Я думал, что, быть может, вы—газетный репортер. Нижний холл битком набит ими. В этом причина военных предосторожностей, с верным Матсу в качестве стража наружного вала.

— Я сообщил наверх свое имя, Бинго. Девушка из конторы в нижнем этаже телефонировала обо мне, когда я поднимался в лифте.

— Да, я знаю, но я думал, что, быть может, кто-нибудь из этих артистов увяжется за вами наверх. Садитесь.—Бинго дружественно махнул рукой по направлению стула, а сам нырнул обратно в постель.—Хотите позавтракать? Нет? Тогда выпейте, покурите, возьмите утреннюю газету, вообще распоряжайтесь всем, что здесь есть. Очень рад вас видеть.

Майкель снял со стула фрачную рубашку и пару бальных туфель и сел.

— Из-за чего сейчас волнуются газеты?

— Хэ-э!—Бинго помахал рукой с жестом отчаяния.— Я опять попал в историю. Какая-то девушка, почти совсем мне незнакомая, обвиняет меня в нарушении обещания. Вот вам крест,—я здесь ни в чем не повинен.— Он торжественно перекрестил указательным пальцем подсолнечник, находящийся как раз над левой стороной груди.—Это просто шантаж!

— Ну, пусть она и делает, что ей заблагорассудится,—заявил Майкель.—Если у нее нет никаких доказательств, вы легко выиграете дело в суде.

— Вы так думаете?—Бинго посмотрел цинически, насколько это ему позволяли его смеющиеся голубые глаза и ребяческое выражение лица.—Вы—великий философ, мой милый Майкель, но вы не знаете суда присяжных. У меня уже было перед этим два случая обвинения

в нарушении обещания, и, ей-богу, никогда в жизни я не стану никому делать предложения выйти за меня замуж. Если когда-нибудь девушка коснется в разговоре со мной этого вопроса, я обращусь в бегство, как трусливый заяц. Я самый заядлый противник брака!

Он выскочил из постели и направился в ванную.

— Ну, а почему не откупиться от девушки?—спросил Майкель.—Это был бы, по-моему, самый простой способ от нее отделаться.

— Конечно! Вы как раз попали в точку. Мы это и намереваемся сделать. Мой опытный адвокат м-р Кэсвел из фирмы «Кэсвел, Риплэй, Хэнт, Мур и Мэстин» именно это и должен сделать в своей конторе сегодня в полдень. Она требует сто тысяч долларов, мы предлагаем ей десять и поднимаем до двадцати. Знаете, вроде того, как это бывает в игре в покер. Кэсвел говорит, что ее адвокат—специалист по шантажным делам и обыкновенно берет десять тысяч за шантаж. Ну, значит, и девушка получит десять. Вот и все.

— Все идет, как по маслу,—заметил Майкель.

— Ну, а газеты...—жаловался Бинго.—Что же нам сделать с этими молодцами, что дожидаются внизу? Если я не повидаюсь с ними, они все-таки что-нибудь да напишут. А если я повидаюсь, они напишут еще больше.

2

Бинго Эллерман был хорошим сырым материалом для газет за последние десять лет. Они смотрели на него, как на верный источник дохода в тяжелые времена.

— Я не забочусь о себе,—продолжал он.—Это, видите ли, скверно отзывается на живущих в Доббс-Ферри. В особенности на моей мачехе. Она—добрая душа, несмотря на все свое чертовское самолюбие, а я порчу

ей все ее расчеты. Молодой человек не может все время думать только о самом себе. Это, видите ли, непорядочно. Если только часть всей этой истории попадет в газеты, в Доббс-Ферри будет ужасно тяжелое настроение.

— Идите и принимайте вашу ванну, а я пока обо всем этом подумаю,—сказал Майкель.—Я соображу, что тут...

— Это верно!—воскликнул Бинго с энтузиазмом.— Пошевелите своими старыми мозгами. Вы найдете выход.

Он ушел в ванную, насвистывая. Затем послышался звук воды, льющейся из крана, и мгновение спустя Бинго высунул в дверь свое намыленное лицо и закричал:

— Эй, Майк! Я очень рад, что вы попали ко мне как раз в этот момент. Мне нужна ваша поддержка. Вы думаете о том, каким способом освободиться от репортеров и не допустить опубликования всей этой истории в газете?

— Я уже выдумал способ,—крикнул ему Майкель в ответ.—Приходите сюда, и я вам расскажу!

Бинго закончил свое пребывание в колледже на последнем месяце второго курса.—«Я дьявольски был рад, что это случилось именно тогда,—говорил он с неисправимым оптимизмом.—Все знают, что два последних года—самые трудные.»

Случилось это так: у Бинго явилась мысль нанять катафалк. Такой поступок вполне естественен для молодого человека с неограниченными средствами, и в поступке действительно нет ничего дурного; только умы, извращенные условностями, могут находить в нем что-нибудь предосудительное. Катафалки отдаются в наймы, а деньги существуют для того, чтобы их тратить. Сопоставьте эти два факта. Бинго не только нанял катафалк, но взял на прокат гроб на один день. Затем он лег в гроб и приказал везти катафалк с находящимся на нем

гробом по городу. Человек пятнадцать-двадцать его товарищей по колледжу, с крепом на рукавах, тянулись печальными рядами за катафалком. Полисмены расчищали на перекрестках дорогу для процессии, и народ стоял в почтительном молчании.

Похоронный кортеж, наконец, остановился перед рестораном; осторожно сняли гроб и внесли его внутрь помещения. Один из студентов прикрепил к катафалку плакат, на котором черным по белому стояло:

> ПОДОЖДИТЕ, ПОКА ПОКОЙНИК ВЕРНЕТСЯ, — ОН ЗАШЕЛ В БАР ВЫПИТЬ.

У третьего бара процессия так увеличилась, что трамваи не могли двигаться, полиция старалась оттеснить толпу. И распространился слух, что ни более ни менее, как сам Вилльям Дженнингс Брайан * найден пьяным в баре.

Но вот мы видим худощавого, одетого в сюртук человека средних лет, пробивающего себе путь через толпу. Как полагается, на ловца и зверь бежит. Джентльмен в сюртуке и с седыми бакенбардами оказывается ректором университета, совершающим свою обычную утреннюю субботнюю прогулку. Снедаемый до мозга костей любопытством, он достиг двери бара как раз в тот момент, когда печальные студенты несли находящегося в гробу товарища обратно к катафалку.

Так Бинго потерял возможность стяжать академические лавры. Его друзья сделали все, что могли, для его спасения. Властям указывалось на то обстоятель-

* Недавно умерший государственный деятель Соединенных Штатов, лидер антиалкогольной кампании, приведшей к изданию закона о запрещении продажи спиртных напитков. *Прим. ред.*

ство, что ректор университета сам был автором «Оценки жизни и творчества Эдгара Аллэна По», но власти отвечали, что это обстоятельство не имеет никакого отношения к данному случаю.

Приблизительно с этого времени и завязалась интимная связь Бинго с газетами. Они обычно печатали сообщения о его подвигах на первой странице, а однажды ему даже была посвящена передовица.

Кроме обыкновенных катастроф при автомобильных пробегах, потерь и выигрышей на бегах и скачках, неприятности возникали главным образом от его готовности жениться почти на каждой первой встречной.

К двадцативосьмилетнему возрасту он приобрел себе такую славу, что все девицы от Бостона до Питтсбурга рассказывали о нем друг другу на сон грядущий, как о сказочном людоеде.

Его последняя «история»—не та, которая теперь интересовала репортеров, а та, что произошла перед этим,— отличалась необычайной сложностью в деталях, но в общих чертах представлялась в таком виде: он сделал предложение одной маникюрше и, когда был уже с ней помолвлен, встретил на футбольном матче другую даму, коей так увлекся, что женился на ней в тот же день.

Когда это обнаружилось, обманутая девушка подала на него в суд за нарушение обещания, а он стал добиваться аннулирования своего брака с другой дамой, причем адвокат доказывал, что его клиент был пьян, когда ответчица поймала его на удочку.

Во время процесса были зачитаны его письма к девушке-маникюрше. В течение недели, пока длился процесс, нью-йоркские театры дали самый низкий сбор за все время своего существования.

Стихотворение, написанное Бинго своей возлюбленной, вошло в репертуар той недели. Вот оно:

Ох, я приуныл, дорогая,
Когда думаю о том, что наделал.
Сердце мое леденеет,
И мне плохо, как жалкому гунну.
Но когда мы расстались сегодня,
Дал я клятву себе, дорогая,
Жить иначе — как ты мне сказала —
На вокзале Центральной дороги.

В народных клубах и в аристократических домах Нью-Йорка и Уэтчестерского графства все твердили потихоньку друг другу:

Ох, я приуныл, дорогая...

всякий раз, как появлялся кто-нибудь из Эллерманов.

Стих:

И мне плохо, как жалкому гунну.

был включен в классический жаргон во время игры в гольф.

Среди хорошо осведомленных людей не только Нью-Йорка, но и всей великой республики, дружба знаменитого философа Майкеля Уэбба с Бинго Эллерманом была предметом едких комментариев. Вообразите себе Герберта Спенсера под-ручку с Титтльбэт Титмаузом *. Некоторые утверждали, что у Майкеля Уэбба размягчение мозга; другие ставили диагноз: склероз артерий и преждевременная старость.

— У Бинго Эллермана есть свои недостатки,—соглашался Майкель Уэбб,—но у кого их нет? У него их очень мало, и никто не должен требовать чего-нибудь большего. Мой анализ показывает, что в нем меньше полупроцента вздора—самый низкий процент, какой мне в ком-либо попадался. Он откровенно безнравственен. Имеется множество безнравственных людей, но они не

* **Герой популярного детского рассказа.** *Прим. перев.*

искренни. Он безнравственен, рад этому, любому в этом признается и предполагает оставаться безнравственным до самой смерти. Цена ему как деловому человеку— грош, и он отнюдь не желает, чтобы на него смотрели, как на кусочек старого чурбана. Он не хочет садиться за конторку в предприятии, хотя бы только для вида. Он нимало не намеревается заняться повседневным трудом. И зачем бы он стал это делать? Что может быть нелепее, чем человек, имеющий дневной доход в тысячу долларов и делающий вид, что лично интересуется делом, в то время, как весь мир наслаждений открыт перед ним? Люди восхищаются упорством в преследовании цели. У него это упорство есть. Он забронирован против всякой критики и твердо держит свой курс, не обращая внимания на просьбы и мольбы. История рассказывает нам, что именно такого рода решительность создавала империю. Так зачем же осуждать ее в Бинго Эллермане? Ему сопутствует успех с самого дня его рождения. Как мало людей, даже самых способных, зарабатывает тридцать тысяч долларов в год. А он получает в десять раз больше, не ударяя пальцем о палец. Если это не успех, то не знаю, что вы разумеете под этим словом!

— Но, внемлите голосу рассудка, Майкель,—уговаривал я.—Его деньги были ему оставлены в наследство. Это—не настоящий успех, не результат дарования и тяжелого труда. Вот его отец—это очень крупный деловой человек. Он сам создал свое состояние. Но Ричард-младший ничего не создал; другие создали для него.

Майкель не соглашался со мной.

— Идея, в сущности, одна и та же в том и другом случае,—доказывал он.—Вы говорите, что отец Бинго создал сам свое состояние. А что вы скажете о шести-

десяти тысячах рабочих, занятых в предприятии эллермановской компании? Это они создали богатства Ричарда Эллермана! Разве это требует доказательств? Что вы скажете о продавцах, продающих по всей стране эллермановские автомобили? Что скажете о рекламах? Ричард Эллерман не мог бы даже пригнать поршневого хода автомобиля, если бы проработал над этим целый месяц, не говоря уже о том, чтобы построить всю машину. Он ни разу в своей жизни не продал ни одного автомобиля, ни разу не написал ни одной строки объявления.

— Но он управлял делом с самого начала, он основал его.

— Оставьте!—оборвал Майкель.—Отделом производства управляют главные инженеры, а отделом продажи— заведующие торговой частью. Ричард Эллерман·проявил некоторую незначительную ловкость рук и когда заполучил этих людей, то вместо того, чтобы заставить их показывать различные штучки, посадил их за работу: сколачивать для него шестьдесят миллионов долларов. И они сколотили. Я не вижу в этом преступления; это довольно обычная процедура. Но, когда вы говорите, что нельзя считать настоящим успех моего друга Бинго, я не согласен с вашим утверждением. В некотором отношении его успех даже больше, чем успех отца.

— Как это так?

— А вот как. Прежде, чем американский народ передал бы Ричарду Эллерману-старшему дома, земли, контракты и прочее и прочее, он немало бы над этим подумал и причинил бы ему достаточно неприятностей. Американский народ состоит из людей упорных и крепкоголовых и, раньше, чем дать кому-либо богатство, эти крепкоголовые люди должны быть твердо уверены в том, что они поступают по справедливости. Но, что

касается Бинго,—они были о нем такого высокого мнения, что передали ему доход в тысячу долларов в день без всякого колебания. Он даже не просил их об этом. Таким образом все эти придирки делаются исключительно от зависти и приносят мало чести тому, кто придирается,—заключил он с колкостью.

Читатель не должен увлекаться донкихотскими доказательствами Майкеля. На меня они не произвели никакого впечатления, и я привожу их здесь исключительно для того, чтобы характеризовать странный ум Майкеля Уэбба.

— Ну, что, старина, скажете насчет этого?—спросил гладко выбритый ясноглазый Бинго, усевшись за завтрак, который ему принес японец в белой куртке.—Как нам добиться, чтобы все это не попало в газеты?— Он взял яйцо в смятку.—Вы определенно не хотите позавтракать? Нет? В данный момент задача заключается в том, как мне избавиться от этих милых газет.

— О, это очень просто,—отвечал Майкель.

— Люблю, когда вы так говорите,—поощрительно скасказал Бинго.—Очень важно уметь оптимистически смотреть на жизнь. Если бы я принял всерьез все свои неприятности, я должен был бы умереть здесь на месте. Его рот был набит яйцами с хлебом, и он едва мог говорить.

— Ну, каково же разрешение вопроса?

— Сию минуту,—сказал Майкель.—Вопрос разрешится благодаря деньгам.

Бинго в своем возбуждении забыл всякие приличия и замахал вилкой с куском ветчины прямо перед носом Майкеля.

— Нет! Нет! Нет!—воскликнул он.—Если у вас родилась мысль подкупить репортеров с тем, чтобы они не писали об этом в газетах, то поскорее об этом забудьте.

Ни слова больше! Я пробовал это делать когда-то. Вы не можете их подкупить. Они внимательно слушают вас, как будто бы вы читаете Библию, и вы думаете, что дело в шляпе. Затем в ближайшем номере они рассказывают всю историю, вплоть до подкупа. Нет! Ни в коем случае!

— Подождите, глупенький,—сказал Майкель.—Вы думаете, я хочу подкупить репортеров, раз я упомянул о деньгах?

— Конечно! Именно это я и подумал.

— Я вовсе не хотел этого сказать. Послушайте. Уверены ли вы, что вам адвокат устроит все, дав отступного двадцать тысяч?

— Да, уверен. Она не является пострадавшей. Она хочет получить взятку, я вам говорил... И клянусь всем святым, я иду на это только ради стариков.

— Прекрасно. Дали бы вы еще десять тысяч за то, чтобы это не попало на страницы газет?

— Конечно, дал бы.

— Тогда мы сделаем так, чтобы сама дама не допустила появления заметок об этом деле в газетах. Телефонируйте вашему адвокату, чтобы он сошелся на двадцати тысячах после обычных препирательств... Потом, когда будет достигнуто соглашение, пусть тотчас же он предложит ей еще десять тысяч, если она подпишет письмо, в котором будет сказано, что все это дело—сплошное недоразумение, что ее кто-то уговорил подать в суд, и что она не получила ни цента.

Бинго положил нож и вилку и минуту подумал.

— Я не думаю, что она согласится,—проговорил он медленно.—Видите ли, она оказалась бы лгуньей перед лицом всех, в случае если бы это было опубликовано.

— Но ваш адвокат должен ей сказать, что это не будет опубликовано, что никто даже не увидит доку-

мента, если только она сама не даст в газеты интервью или не расскажет кому-нибудь о деле. Если же она будет болтать,—вы опубликуете письмо. Она согласится на это. Ее адвокат также на это пойдет, так как урвет еще малую толику. Это шантаж, вы говорите?

— Бьюсь об заклад, что это так! Это—самый настоящий шантаж!

— Ну, значит, вы даете им лишних десять тысяч, и в газеты не попадет никогда ни одной строчки.

— А как же быть с этой публикой, что внизу?—спросил Бинго.—Что я им скажу?

— Предоставьте это мне,—отвечал Майкель.—Пока вы будете одеваться, я схожу вниз и скажу, что вы встретитесь с ними в час в конторе вашего адвоката, где вы кое-что им сообщите. Телефонируйте адвокату, пусть он им скажет, когда они приедут, что все это—недоразумение и что девушка сама будет у него и подтвердит это.

— Значит, мне не нужно быть к часу в конторе Кэсвела?—спросил Бинго в недоумении.

— Конечно, нет! Кэсвел передаст газетным репортерам ваши извещения. В час вы вместе со мной будете уже в Доббс-Ферри. Я принял ваше давнишнее приглашение провести отпуск в старом поместье.

— Хорошо,—сказал Бинго.—Я велю подать сюда машину, и мы тотчас же отправимся. Так я разделаюсь, наконец, со всем этим? Не правда ли?

— Ну, да, конечно.

Через полчаса они были уже на пути в Доббс-Ферри. Бинго смеялся и пел,—в это время автомобиль поднимался на холм,—и все его огорчения исчезли бесследно, словно их никогда и не было.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОЗОР ИМЕТЬ ИДЕИ

1

На следующее утро, около десяти часов, Майкель Уэбб вышел через одну из балконных дверей усадьбы и остановился на террасе, пораженный красотой ландшафта, простиравшегося перед ним панорамой холмов, лесов и реки. Панорама была нарисована с необычайным чувством формы и колорита на молочно-голубом фоне.

Река в утреннем солнечном свете казалась полосой расплавленного серебра. Над ней поднимались темно-зеленые холмы, с вершинами, закутанными в тюрбаны облаков, с сердцами из гранита, в которых еще тлеет память о давных раскатах грома, когда их собратья—вулканы—испепеляли огнем все живущее. Они стоят, полные грез, задумчивые, непроницаемые, словно монахи со сложенными на груди руками.

В это майское утро древние холмы развевали свои изумрудные флаги с голубыми и серыми полосами, и смех раннего лета нарушал их торжественную сосредоточенность.

Майкель смотрел на сонную реку, лениво текущую по сверкающей долине; смотрел на коричневые и красные крыши города, разбросанные среди деревьев, подобно

кораблям, ставшим на якорь в море зелени, и на извилистые белые следы бегущих вдалеке дорог.

Его внимание вскоре было привлечено стройным, изящно одетым молодым человеком, сидевшим на самом отдаленном от него конце террасы за столом, на котором лежала целая куча документов. Манера, с какой молодой человек разбирался в бумагах, складывая их аккуратно в пачке, и нервно двигал руками, наклоняя голову,—эта манера возбуждала в Майкеле какое-то смутное воспоминание.

«Я уже раньше его где-то видел»,—сказал он про себя.

Человек, сидевший за столом, поднял глаза, пристально посмотрел одно мгновение на Майкеля и улыбнулся.

— Я вижу, вы меня не можете вспомнить, м-р Уэбб,—сказал он, когда они пожали друг другу руки.—Я...

— Нет, вспоминаю,—заявил Майкель.—Вы посетили меня однажды по поводу моей книги, но...

— Я—Хэнтер, из компании Эллермана. Томас Хоктон Хэнтер. Я был одним из организаторов чикагского «Клуба второсортных». Когда я однажды был в Нью-Йорке, я зашел к вам, чтобы познакомиться с вами и засвидетельствовать вам свое уважение.

— Я очень хорошо помню ваше посещение,—сказал Майкель сердечно.—Очень рад опять вас увидать, Хэнтер, и очень удивлен. Вы живете теперь в Нью-Йорке?

Хэнтер улыбнулся и покачал головой.

— Нет,—отвечал он,—я все еще в чикагской конторе. Вы знаете, я—вице-президент компании, но я явился сюда с предложением, которое хочу сделать м-ру Эллерману. Я хочу убедить компанию принять мой план.—Он кивнул головой на кучу переписанных на машинке бумаг, лежавших на столе.

— Серьезное предложение,—заметил Майкель,—если судить по количеству материала...

— Это—большое дело,—сказал Хэнтер важно,—большое дело! Я расскажу вам идею. Знаете ли вы, что такое автомобильная батарея?

— Конечно. Ведь вы разговариваете со старым автомобильным механиком.

— Что вы?—продолжал Хэнтер.—Так вот, автомобильный фабрикант покупает батареи по контракту у фабриканта их. А я предлагаю нашей компании делать свои собственные батареи. Почему нам их не делать? Мы производим двести пятьдесят тысяч эллермановских машин в год. Завод по производству батарей мог быть загружен.

— Это вполне разумно,—заявил Майкель.—И все, что здесь лежит, относится к этому вашему плану? Зачем же вам понадобилось столько материала, чтобы внушить эту простую идею м-ру Эллерману?

— Но здесь есть еще привходящие обстоятельства,—продолжал Хэнтер.—Видите ли, производители батарей продают нам свои батареи дешевле себестоимости, благодаря чему они и получают заказы на батареи для наших машин. Но жизнь эллермановской машины в два раза длиннее жизни батареи, так что, когда батарея изнашивается, м-р Производитель Батарей продает новую батарею м-ру Собственнику Машин и берет за нее хорошую цену—вот тут-то он неплохо зарабатывает.

— Понимаю,—сказал Майкель.—Ваша идея заключается в том, чтобы эллермановская компания продавала эти повторные батареи собственникам эллермановских машин и брала эту прибыль себе?

— Да, идея такова. Но я иду еще дальше. Продавая батареи через посредство наших автомобильных агентов, мы можем значительно снизить цены на батареи

для покупателей. Понимаете? Это будет настоящим благодеянием для покупателей. Какое ваше мнение относительно этого? Я дал вам только схему всего этого дела, но...

— Несомненно, я схватил идею,—сказал Майкель.— Вы хотели бы построить завод, я полагаю?

— Ну, да. Большой завод.

— Идея мне кажется правильной,—сказал Майкель, колеблясь.—Но если вы нуждаетесь в моем совете, я вам посоветую слегка касаться производственной части плана, т.-е. проекта завода.

— Завод является весьма существенной частью моего плана. Вы понимаете—производить батареи!

Майкель покачал головой.

— Финансисты любят добывать деньги более легким, простым способом. Завод—это значит изнашивание машин, вопросы труда и всякие тому подобные вещи. Они не любят производственных предприятий.

— О, м-р Эллерман очень любит такие предприятия,—доказывал Хэнтер.—У нас уже имеется такое предприятие, и при том одно из самых крупных во всей Америке.

— Это—необходимое зло,—продолжал Майкель, настаивать на своем.—Вы, конечно, поступите по-своему; вы хорошо знаете свою идею, а я ее не знаю, но, если бы я предлагал ему это, я коснулся бы производственной части только слегка. Самое главное—прибыль.

— И обслуживание публики,—прибавил Хэнтер.

— Н-нет. Я этого не думаю. Это не так убедительно. Никогда не расточайте своего пыла. Ваш план будет принят или отвергнут, смотря по тому, принесет ли он прибыль. Только это и примут во внимание. Будь я на вашем месте, я бы обратил внимание только на этот пункт. М-р Эллерман будет о вас лучшего мнения.

Слушая, Хэнтер не выпускал из своих пальцев стило, нервно вертя им во все стороны. Было ясно, что он чувствовал себя, как на иголках, и страшно волновался.

В это время Ричард Эллерман вышел из дому. Грузный человек с седеющими волосами и пронзительными, непроницаемыми глазами.

— Доброе утро,—приветливо сказал он, обращаясь к ним обоим.—Мы отложили этот раунд гольфа до завтрашнего утра,—заметил он мимоходом Майкелю.— Я совершенно забыл о вашем молодом друге, когда дал согласие побить вас.

Он засмеялся, а за ним—Майкель.

— О, прекрасно!—проговорил Майкель, собираясь уходить.—Завтра утром вам уже не будет никакой пощады.

— Вы хотите сказать, что у вас будет лишний день для практики,—сказал Эллерман и захохотал.—Что касается меня—то мне не нужно никакой практики.

Садясь за стол против Хэнтера, он все еще посмеивался, в то время как Майкель Уэбб удалялся.

— Так вы здесь!—заметил Эллерман, машинально вертя пальцами шнурок от своего пенснэ.—Вы в первый раз, не правда ли?

— Да, м-р Эллерман,—ответил Хэнтер.—Я любовался видом с террасы.

— Дом расположен чудесно,—заметил Эллерман.— Потому-то я и купил его. Уэстчестерское коунти очень живописен... Я хочу, чтобы вы побыли здесь целую неделю, и попрошу кого-нибудь прокатить вас по окрестностям в одном из наших автомобилей,—вас и вашу жену.

Молодой человек был необычайно польщен этим вниманием. Он предполагал остаться только до конца недели.

— Это очень любезно с вашей стороны, м-р Эллерман,—сказал он.—Но в сущности я не знаю, могу ли я остаться. Имеются кой-какие неотложные дела в Чикаго.

— О, пусть эту недельку дело позаботится само о себе. Как-нибудь наладится. В конце концов ни одно дело не бывает столь важным, как это кажется.

Хэнтер ничего не возразил и был в нерешительности, начинать ли ему теперь же разговор о своем проекте или подождать, пока м-р Эллерман скажет, что он готов слушать.

— Вы должны посмотреть лабиринт до отъезда. Я хочу, чтобы вы увидели лабиринт. Напоминайте мне об этом. Не позволяйте никому другому быть вашим проводником. Это—мой конек. Я люблю всегда сам показывать лабиринт.

Взгляд Ричарда Эллермана, обычно выражавший полное безразличие, загорелся огоньком слабого энтузиазма.

Во время разговора он вертел свое пенснэ.

— Лабиринт?—спросил Хэнтер, не совсем представляя, что это такое. Потом он вспомнил.—О, да! Это—такое место, в котором можно заблудиться. Это, должно быть, очень интересно, м-р Эллерман! Я читал о каком-то лабиринте в усадьбе какого-то дворца в Англии.

— Думаю,—это дворец Хэмптон Корт,—сказал Ричард Эллерман.—Я очень хорошо знаю тот лабиринт. Он не выдерживает никакого сравнения с моим.

— Удивляюсь, как это случилось, что такой занятой человек, как вы, мог заинтересоваться вопросом о лабиринтах,—заметил Хэнтер таким тоном, в котором сквозило восхищение.—Я вижу,—вы все о них знаете.

— Да я и сам не знаю, как, а вот случилось. Моя жена зовет лабиринт моим коньком. Лабиринт и изящные

искусства. Случилась раз очень комичная история. Явился сюда один человек... Как его?.. Аттер Бэри... Атертон... Нет. Я думаю,—его фамилия была Аттербэри. Он написал книгу о лабиринтах. Как раз в то время, когда он писал свою книгу, он приехал сюда и провел здесь ночь. Ему нужно было увидеть лабиринт. Прекрасно. Я сказал: «Послушайте, м-р... м-р... (чорт возьми, как его фамилия?) прекрасно, м-р Аттербэри. Я сейчас покажу вам лабиринт».

— Конечно, он был поражен,—вставил свое слово Хэнтер, чувствуя, что он должен что-нибудь сказать.

— Прежде чем итти туда, я позвал Альберта. Это— смотритель моего лабиринта. У него два помощника. Весь лабиринт занимает площадь в пятьсот футов на триста, но в нем имеется более пяти тысяч футов изгороди, высота изгороди восемь футов, и поэтому требуется три человека, чтобы держать его в исправном виде.

— О, да, он требует большого ухода за собой,— вставил Хэнтер.

— Совершенно верно. Альберт знает лабиринт так же хорошо, как и я. Так вот я послал за ним и говорю: «Альберт, я хочу, чтобы мой ученый гость забудился. Если вы услышите, что он зовет, не подходите к нему». Альберт сказал, что он не обратит на его призыв никакого внимания. Было уже почти темно, когда я взял и привел м-ра... (как его там зовут?) прямо в центр лабиринта, привел его самой запутанной дорогой. Вскоре после того, как мы пришли туда, я спокойно ускользнул от него в то время как он делал какие-то свои заметки. Мы долго ждали его к обеду. Он заблудился по-настоящему.

— Что вы говорите?

— Да, он попал в беду. Через некоторое время моя жена стала выражать нетерпение; дворецкий доложил,

что он не отвечает за обед, и тогда я послал за ним Альберта. Никогда в жизни я не видал человека в таком энтузиазме... Он написал о лабиринте великолепный панегирик. Называл его в своей книге лабиринтом эллермановского типа. Прекрасное описание! Я купил пятьсот экземпляров его книги и разослал их разным лицам.

— Да, м-р Эллерман, это—необычайно занятная история.—Хэнтер улыбался, и его глаза блестели.—Живо представляю себе, как он заблудился и искал выхода.

Дружественное внимание Эллермана произвело на него громадное впечатление. Эллерман по натуре был весьма холоден, но со всеми обращался одинаково. Хэнтер этого не знал; таких характеров он не понимал.

Ричард Эллерман не разделял людей на друзей и врагов. Хотя эти слова и были у него в словаре, но в действительности точный смысл их был для него непонятен. Он делил людей на приверженцев и противников. Приверженцем был всякий, кто оказывал ему какую-нибудь услугу, исполнял его желание или с кем он мог устроить какую-нибудь выгодную сделку. Противником являлся каждый, кто противопоставлял ему свою волю. Иногда под влиянием обстоятельств приверженцы и противники менялись местами, а он считал, что это было вполне правильно и естественно. К людям, с которыми у него не могло быть никаких деловых отношений, он относился с добродушным безразличием—безразличием, сгущавшимся на одном конце морального спектра в надменность и разрежавшимся на другом конце в грубое веселье и снисходительность.

Хэнтер нимало не интересовался лабиринтом, и проявленный им искусственный интерес свидетельствовал лишь о его тактичности. Он не мог представить себе, как это можно тратить время на такую вещь, которая

годится только для того, чтобы в ней запутаться. Хотя он был неспособен понять энтузиазм Эллермана, но согласился принять его по его ходовой стоимости, ибо великие умы, по его мнению, имеют свои странности.

— Я вижу,—вы знакомы с м-ром Уэббом,—сказал Эллерман, меняя предмет разговора с характерной для него резкостью.—Как это вы встретились с ним?

— Я прочел его книгу «Как важно быть второсортным»,—объяснил Хэнтер.—И вот однажды, когда я был в Нью-Йорке, я зашел к нему, чтобы с ним познакомиться. Он—удивительный человек.

— М-м...—загадочно отозвался Ричард Эллерман. Он считал «Как важно быть второсортным» литературной ерундой. По его мнению, Майкель Уэбб был умным малым, интересным и приятным собеседником, но едва ли для чего-нибудь пригодным в жизни.

— А после этого,—продолжал Хэнтер,—я был одним из основателей чикагского «Клуба второсортных», но вышел из него, когда м-р Уэбб был вынужден покинуть общество.

Презрение вкралось в эллермановскую оценку Хэнтера.

— М-м...—повторил он.—Я хотел бы знать, занимается ли он еще своей обезвздоривающей практикой.

— О-о, да,—отвечал Хэнтер.—Вы помните «Общество международного развития»? Оно с треском лопнуло прошлой зимой. Так вот, это он обезвздорил его.

— Одно я могу сказать,—заметил Эллерман:—в эллермановских автомобилях нет никакого вздора.—Он улыбнулся.

— О, да, конечно, нет,—заявил Хэнтер, с оттенком искреннего убеждения.

— Ну, я думаю, мы можем теперь заняться тем, что вы хотите представить на мое рассмотрение,—ска-

зал Эллерман, уныло смотря на кучу листов под рукой у Хэнтера.

Томас Хоктон Хэнтер поправил свой галстук и под столом вытянул белые манжеты. Затем он откашлялся, выпрямился на стуле, оглянулся кругом с таким видом, который сам определил бы как «жест самоуверенности и успеха». Он был всецело захвачен этим единственным счастливым случаем, которого давно ждал. Он не только ждал его—он делал все возможное, чтобы свидание состоялось. Его присутствие здесь в значительной мере было результатом тайных манипуляций с его стороны.

Краем глаза он мог видеть м-с Хэнтер, в ее новеньком летнем простом платье и в шляпе с широкими полями. М-с Хэнтер сидела на мраморной скамейке в беседке. С ней разговаривал подвижной, средних лет, джентльмен. Хэнтер его не знал, так как они прибыли в «Тенистый луг» только вчера вечером и не встречались еще ни с кем из гостей, но он видел, что Бесси то-и-дело посматривает на террасу, где сидел он с Эллерманом.

«Она молится теперь за меня,—сказал он про себя,—добрый мой друг».

Было одиннадцать вице-президентов в эллермановской автомобильной компании; все они, кроме первых трех, были в сущности только «титулованными» клэрками. Компания следовала обычному плану раздачи титулов вместо повышения жалованья. Томас Хоктон Хэнтер—он всегда подписывался этими тремя звучными словами—был восьмым вице-президентом и свое официальное положение принимал всерьез.

3

— М-р Эллерман, план, который я хочу представить вам — я хочу сказать, на ваше рассмотрение, — весь у меня вот здесь. — Хэнтер запинался, был страшно взволнован и постукивал пальцами по громадной пачке писаных на машинке листов. — Этот план увеличит чистую прибыль эллермановской компании, по крайней мере, на миллион долларов в год.

Он сделал паузу, чтобы придать своему заявлению бо̀льшую выразительность.

Ричард Эллерман холодно взглянул на него и ничего не сказал. Это молчание совершенно сбивало с толку. Когда вы вполне серьезно говорите человеку, что сейчас покажете ему, как можно увеличить его годовой доход на миллион долларов, вы естественно ожидаете, что он проявит какой-нибудь интерес к этому. Самое меньшее, что он может сделать, — думаете вы, — это кратко сказать что-нибудь вроде: «Ну-ну!», «Это дело!», «Молодец!»

Великий человек ничего не сказал.

Ум Ричарда Эллермана был так устроен, что автомобильный король не мог оценить идеи в миллион долларов, автором которой был человек, получающий в год всего пятнадцать тысяч. За свой огромный финансовый успех Эллерман заплатил ценою разочарования.

Он рисовал в своем воображении самого себя на месте Хэнтера. Если бы он был вице-президентом на жалованьи в пятнадцать тысяч в год и ему случайно пришла бы идея стоимостью в миллион долларов, он знал, что заставил бы компанию истечь кровью, прежде чем представил бы ей этот проект. Он решил, что здесь дело обстоит иначе. «Молодой человек лезет из кожи вон ради повышения жалованья, — думал Эллерман, — хочет показать, какой он умный».

Хэнтер откашлялся и был готов погрузиться в свой проект.

— У каждой эллермановской машины имеется аккумуляторная батарея,—продолжал он.—Наша компания приобретает двести пятьдесят тысяч батарей в год у троджeновской батарейной компании. Эти батареи стоят нам по пяти долларов штука. (Пауза.) Производство их для троджeновской компании обходится по шести долларов штука. (Снова пауза.) Таким образом они теряют по доллару на каждой батарее, которую нам продают. Итак, они теряют двести пятьдесят тысяч долларов в год. Почему? Я сейчас...

— Откуда вы знаете, что эти троджeновские батареи стоят по шести долларов штука?—придирчиво спросил Эллерман.—Ваша собственная калькуляция?

— Нет, сэр,—сказал Хэнтер с уверенностью и достал один листок из всей массы документов.—У меня имеются их секретные расчеты. Вот листок с их расчетами. Полученный секретно и за крупную сумму...— он деланно засмеялся—прямо из их собственной конторы.

Эллерман взял бумагу, мельком посмотрел на нее одну секунду и положил обратно. Ему не нравилась идея получения сведений при помощи подкупа служащих. Способ обоюдоострый! Это было неэтично!

— Троджeновская компания,—продолжал вице-президент,—теряет по доллару на каждой батарее, которую нам продает, но зато на всех наших машинах поставлены троджeновские батареи. В чем же здесь дело? Я сейчас объясню. Жизнь каждого эллермановского автомобиля в среднем в два раза длиннее жизни троджeновской батареи. Следовательно, троджeновская компания раньше или позже продает каждому собственнику эллермановского автомобиля по крайней мере одну но-

вую батарею. Притом он платит за новую батарею тридцать долларов. Это их розничная цена — тридцать долларов. Даже при их расточительных, сумасбродных способах рекламы они получают громадную прибыль. Вспомните их великолепную идею! Она, эта идея, состоит в том, чтобы продать собственнику автомобиля по крайней мере одну новую батарею, пока он пользуется нашей машиной. Следовательно, они производят батареи, которые изнашиваются в два-три года. Эти новые батареи продают они по тридцати долларов штука. Из этих тридцати долларов розничный торговец получает двенадцать. Таким образом на долю старика Троджена остается восемнадцать долларов. Великолепное дело! Производство стоит шесть долларов, а троdженовская компания получает восемнадцать. Неудивительно, что они могут терять по доллару на каждой батарее, которую нам продают...

— Я все это знаю, м-р Хэнтер,—сказал дружелюбно Эллерман.

— Да, я знаю, что вы знаете... Суть дела в том, м-р Эллерман, что производство батарей странно отстало от века. Мое обследование этой отрасли промышленности—а я произвел достаточно основательное—убедит в этом каждого. Производство примитивное, оно невыгодно,—вообще отсталое дитя автомобильного дела!

— Я не сказал бы этого,—возразил Эллерман, оставаясь совершенно бесстрастным. Он цедил слова, как человек, говорящий через маску.—Троdженовская компания получает пятнадцать процентов на основной капитал. Она выдает десять процентов дивиденда. Я не назвал бы это невыгодным, как, повидимому, думаете вы.

— О, я говорю это в другом смысле,—поспешно заявил Хэнтер.—Совсем в другом! Я хотел отметить тот факт, что батарейная промышленность является пара-

зитом, живущим за счет владельцев автомобилей и самой автомобильной промышленности. Дело было неправильно поставлено с самого начала. При настоящей постановке дела автомобильные фирмы должны были бы сами производить батареи. Батарея, вероятно, самое простое из всех изобретений, связанных с автомобилем; несколько просверленных пластинок свинца и сурьмы, погруженных в раствор серной кислоты с водой,—вот вам почти вся батарея. Производство их дешево: свинец стоит только пять или шесть центов фунт. Посмотрите на листок с калькуляцией стоимости, м-р Эллерман, и вы увидите, что ящик и банки, в которых заключена батарея, стоят почти столько же, сколько и свинец, составляющий ее самую существенную часть. Конечно, производитель батарей пытается окружить этот простой аппарат каким-то подобием тайны...

Магнат поднял слегка руку и посмотрел прямо в лицо Хэнтера.

— Почему не перейти прямо к вашему предложению? Вы вполне ясно доказали, что мы покупаем наши батареи по ценам ниже себестоимости, однако вслед за тем вы утверждаете, что автомобильные фирмы должны делать свои собственные батареи. К чему вы клоните?

Ричард Эллерман был инстинктивно скрытен. Он определенно знал, что хочет предложить Хэнтер, а именно—организовать производство аккумуляторных батарей. Леболт из чикагской конторы—официально заведующий осведомительной частью в Западном районе, но в действительности личный шпион Эллермана—уже донес о тщательно разработанном плане Хэнтера и о самом Хэнтере. «Что касается самого Хэнтера,—писал Леболт,—здесь создалось впечатление, что он всегда старается придать бóльший вес своим мнениям и предубеждениям,

ссылаясь на то, что они являются выражением точки зрения всех главных контор в Чикаго. Здесь думают, что хотя Хэнтер и считается усидчивым работником, с большой долей энтузиазма (который он прилагает иногда совсем не туда, куда следует), он, однако, человек неделовой. Его идеи слишком надуманы и охватывают вопросы вне основного русла нашей политики. Проект о батареях может служить тому примером» .

У самого Леболта не было никаких идей, и он ненавидел всех, у кого они имелись.

— К чему вы клоните?—повторил вопрос Ричард Эллерман и перенес свой безразличный взгляд на далекие голубые холмы.

— Я думаю, вы правы, м-р Эллерман,—сказал Хэнтер с нервной улыбкой.—Если бы вы меня не остановили, я мог бы зайти слишком далеко и дать вам целую историю батарейной промышленности.

Эллерман лениво играл листком с калькуляциями троджeновской компании.

— Вам предложил кто-нибудь заняться этим делом? М-р Стэнфильд, м-р Элликот или еще кто-нибудь, или вы проделали все это по вашей собственной инициативе?

— Я занялся этим по собственной инициативе,— отвечал Хэнтер с некоторым оттенком гордости.

— Понимаю. А что происходило с вашим отделом железнодорожного транспорта, пока вы были этим заняты?

— Но... м-р Эллерман! Я поставил этот отдел на такую высоту, что им можно было управлять, так сказать, одной рукой. Когда год назад мне было поручено заведывание отделом, там не все было в порядке, но теперь он в сущности отнимает у меня не больше половины рабочего дня. Все идет почти автоматически. И вот, поразмыслив, чем бы я мог стать полезным ком-

пании, я увидел, что батарейное дело является областью, где многое может быть сделано. Заводское дело таких огромных размеров, как наше, должно вырабатывать все то, что ему нужно. Тогда вы можете контролировать производство по всей линии, и, естественно, ваш продукт будет более стандартизован. Вот почему я занялся разработкой всего этого...

— Я вижу,—перебил Эллерман,—вы хотите сказать, что вы человек инициативы. Хорошо, продолжайте и сообщите ваш проект.

— Мой проект,—продолжал Хэнтер,—состоит в том, что мы организуем компанию—самостоятельную компанию—по производству батарей для наших собственных нужд и для продажи владельцам эллермановских машин. Эллермановская компания будет ее фактическим владельцем, конечно. Я сейчас расскажу, как мы...

4

М-с Эллерман вошла через одну из дверей на террасу и направилась к сидящим за столом. Хэнтер встал и поклонился, придерживая рукой свои бумаги, развевающиеся от ветра. Ее супруг не двинулся, его глаза остановились на ней с вопрошающим видом.

Бленч Эллерман было всего только тридцать шесть лет—возраст, когда женщины становятся действительно интересными. Но все преимущество зрелости и опытности она сводила на-нет своим неумением забыть «Золотую лилию», успех которой обеспечил ей прекрасную карьеру, когда Бленч было двадцать три года.

Для нее часы остановились на двадцати трех, и с тех пор она поддерживала культ этого аромата мертвой и забытой китайской экзотики. Ее зеленое с золотом платье, сделанное по заказу в Китае, было великолепно. В ушах были длинные, красные, как кровь, серьги,

которые производили странный эффект, резко выделяясь на ее белой коже. На некотором расстоянии они казались шрамами на шее. Брови были подрисованы в виде полумесяцев.

Поль Эллэ, известный гравер, называл ее самой красивой женщиной в Америке, и за это она заказала ему свой портрет, но, когда узнала, что он то же самое говорил пятнадцати другим женщинам, страшно рассердилась, и портрет очутился в чулане, где находился всякий ненужный хлам.

— Как дела?—спросила она шутливо гортанным, музыкальным голосом, чем-то напоминавшим надушенные папиросы.—Идут во-всю?

— О, дела идут, как по маслу, м-с Эллерман!

Хэнтер старался выудить шутливый тон из глубин своего существа, столь же не расположенного к шутке, как расписание железнодорожных поездов.

— Дик, у меня есть новости. Угадай, кто к нам приедет через неделю?

— Не знаю,—отвечал ее муж брюзгливо.—Какой-нибудь индус?

— Нет, мой милый, я получила письмо от Джеральда Пуля, который принимает наше приглашение. Он ставит только одно условие...—Она весело рассмеялась.—В его комнате должны быть оранжевые шелковые занавески. Она повернулась к Хэнтеру.

— Нужно же сделать некоторую уступку гению, не правда ли?

— Гений!—воскликнул Ричард Эллерман.—Джеральд Пуль! Я никогда о нем не слыхал.

— О, старый брюзга!—сказала она, слегка хлопая мужа по плечу.—Джеральд Пуль—новый поэт, которым все теперь восхищаются. Как же для него не повесить оранжевых занавесок в комнату? Доказано, что вибрации

желтого и оранжевого больше всего вдохновляют творческий дух. Некоторые души так чувствительны, что малейший пустяк может их расстроить.

— Чепуха!—сказал ее муж.

Она посмотрела на него и улыбнулась улыбкой леонардовской Джоконды.

— Сегодня он с левой ноги встал, м-р Хэнтер,— сказала она, кладя свою покрытую драгоценностями руку на руку Хэнтера и заметно ее пожимая.—Если он станет отгрызать вам голову, позовите меня.

Она отпустила его руку и с улыбкой порхнула вниз по террасе в облаке восточных благовоний.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ДЕЛОВОЙ РОМАН

1

Хэнтер предполагал понизить цену аккумуляторных батарей для собственников эллермановских автомобилей на тридцать процентов, не понижая в то же время прибыли для компании.

Он предлагал ввести название «аккумуляторная батарея» и выделить эллермановские батареи, как особый тип батарей, назвав их «эллермановскими аккумуляторами».

— Мы будем пользоваться этим названием в рекламах об эллермановских автомобилях,—говорил он.—Это придаст им особенную физиономию. В Соединенных Штатах имеется тысяча двести торговцев эллермановскими автомобилями; каждый из них пожелает продавать эллермановские аккумуляторы. На-ряду с этим мы постепенно найдем несколько тысяч других продавцов. И следовательно, м-р Эллерман, начнем дело в таких благоприятных условиях, какие в других батарейных компаниях создаются целыми годами. Каждому кто будет покупать эллермановский автомобиль, мы посоветуем обращаться туда, где он купил себе машину, всякий раз, когда его аккумулятор потребует починки или когда ему понадобится новый аккумулятор. Таким

путем легко можно будет развить огромное батарейное дело без особенной рекламы и хлопот при продаже.

Добравшись до вопроса о приходах и расходах, он вытащил из общей массы своих бумаг листок, исписанный цифрами, и передал его Ричарду Эллерману. Стоя сзади него, он показывал ему различные статьи прихода и расхода кончиком карандаша и объяснял их одну за другой с длинными и ненужными подробностями.

— Вы, конечно, м-р Эллерман, понимаете эти таблицы,—сказал он. Я положил в основание этих цифр производство пятисот тысяч батарей в год. Половина из них предназначается для снабжения машин эллермановской компании и половина для продажи владельцам автомобилей. Публика будет покупать у нас батареи по 21 доллару вместо 30, которые она платит в настоящее время. Этим понижением цены мы окажем большую услугу владельцам эллермановских автомобилей. Мы сбережем им по девяти долларов на батарее. Вы видите, нам не придется вести борьбы при оборудовании дела, оно разовьется у нас постепенно само собой. Таким образом наши торговые расходы будут ниже. Я полагаю, что капитал, который понадобится на оборудование этого дела, ни в коем случае не превысит двух с половиной миллионов долларов,—продолжал он,—но для начала нам хватит и одного миллиона. Если исходить из расчета основного капитала в два с половиной миллиона долларов,—дело будет давать верных сорок процентов. Как видите, в этом батарейном деле польза не маленькая. Тродженовская компания дает далеко не такую высокую прибыль.

2

Ричарду Эллерману наскучили длинные рассуждения Хэнтера о технических подробностях проекта. Мало ска-

зать—наскучили: они вызвали в нем раздражение. По его мнению, это извержение подробностей прямо ему в лицо было бестактной дерзостью. Свое состояние он скрывал под видом напряженного внимания.

Он органически был неспособен рассматривать какой бы то ни было проект просто как логическое построение, независимо от личности его автора. Он никогда не тратил своего времени на действия, он думал только о людях. Подбирать людей—вот в чем была сущность его руководства предприятием.

Эта черта была господствующей в его характере. Она определяла его личные отношения с людьми. Он имел дела с «лучшими» банкирами, т.-е. с самыми крупными и наиболее преуспевающими банкирами; он заказывал себе костюм у первоклассного портного; он был членом политической партии, в которой находилось наибольшее число «наилучших» людей; его врач получал наивысший гонорар и имел лучшую практику; он читал самую уважаемую, самую солидную и, стало быть, наилучшую газету в Нью-Йорке.

Для управления эллермановской компанией он пользовался наилучшими директорами, т.-е. такими специалистами из мира автомобильной промышленности, которые либо производили лично на него наиболее благоприятное впечатление, либо получали наиболее высокое жалование по службе в других концернах. Эти люди разговаривали с ним о своих планах, но этому он мало уделял внимания. Единственная вещь, которую он требовал—успешный результат. Подход Хэнтера был неправильным. Он должен был бы прежде всего подороже продать себя, и затем, пользуясь личным авторитетом, мог бы провести почти все, что имело бы какой-нибудь шанс на успех.

Молодой человек не говорил и пяти минут, как Эл-

лерман уже угадал всю финансовую подоплеку его проекта, а остальное его не интересовало.

После этого он отдался течению своих собственных мыслей, в то время как поток слов несся мимо него.

Чета воробьев, чирикая, строила свое гнездо на соседнем дереве, и глаза Эллермана следили за их возней с беззаботным любопытством... Сзади террасы плющ взобрался до самых зубцов крыши. Легкий ветерок с нежным шелестом играл его листьями.

«Достойный молодой человек!—думал Эллерман.—Не знает, как ему продать себя. Трудолюбивый! Слишком много слов. Ничего нет в нем живого и остроумного. Куча бумаг. Организатор «Клуба второсортных». Чепуха! Весь проект уместился бы в одном листке бумаги. Когда же, наконец, я избавлюсь от слов и цифр? Чорт возьми! Джо Стэнфильд—президент эллермановской компании. Слушать эти проекты—его дело. На то он и президент! А они лезут сюда. Быть может, они и правы. Какого чорта этот Хэнтер попал в вице-президенты? Каким образом это случилось? Кажется, Хэнтер понизил стоимость чего-то. Быть может, тут была и ошибка. Проклятье! Вся организация разваливается. Например, этот субъект! Ведь у компании имеется не один десяток людей, знающих досконально батарейное дело? Зачем он сюда ввязывается?»—Затем его мысль переносилась к м-с Прат. М-с Прат! М-с Прат! Как бальзам для души. Он сейчас мог бы ее видеть на ее веселой квартирке в западной части Центрального парка,—квартирке, выходящей окнами на зеленые ковры парка и на его сверкающие озера. Она как раз в эти часы была там, со своим веселым голосом и глубокими спокойными глазами и со своей музыкой. В голубом матинэ. Он вспоминал день, когда он купил для нее матинэ во французском магазине на Пятой авеню. Она

была там, у себя, а он был здесь. М-с Прат! Одна горничная и шофер! Своя манера жить. М-с Прат в своей прохладной, лежащей на теневой стороне квартире! Он мог провести там целый день, лежа в пижаме и покуривая, и никто бы не вызвал его по телефону... Эллермановская автомобильная компания—одно из гигантских предприятий в стране. Это он превратил ее из маленького ребенка в гиганта. М-с Прат говорила, что она с сердечным трепетом смотрела на огромную эллермановскую рекламу, бросавшуюся всем в глаза на Бродвее. Она могла видеть ее из окон своей квартиры. М-с Прат! Как это у него с ней началось? Боже мой, женщина, что магнит... «Этот Хэнтер—прямо невоспитанный дикарь. Я покупаю мозги и заставляю их работать. Он ничего не смыслит в организации дела. Хорошо, я ему покажу, что Ричард Эллерман всегда ведет свою собственную линию... М-с Прат... У нее никогда до того не было любовника. Бедное маленькое робкое существо—она была действительно трогательна! Трогательная вдова. Ничего не понимающая в жизни. Жила уроками музыки. Маргарэт Прат... Маргарэт! Маргарэт! Женщина из хорошей фамилии. Совсем не корыстолюбива. Прямо поразительно!.. Женщина с тонкой душой, пробивающаяся сквозь грубый, испорченный мир! Что бы сталось с ней без меня? Вот для чего нужны деньги—помогать людям! Я ее испытал—она не корыстолюбива... Вернула чек на десять тысяч. Очень благодарна, но она, действительно, не нуждается в нем! Это решило все. Не корыстолюбива... Замолчит ли он когда-нибудь?.. Она могла иметь сто тысяч в год, и она это знает. Пятьдесят тысяч... Вот и все... Быть может, чуть-чуть побольше. Пятьдесят тысяч в год, а она могда иметь вдвое больше...»

В сущности, Ричард Эллерман по своему действи-

тельно любил м-с Прат. Любовь была для него своего рода игра в куклы: одевать женщин, слушать их нежную болтовню и... жгучее удовлетворение обладанием, ощущение власти над прекрасными трогательными созданиями.

3

Хэнтер еще говорил, когда Эллерман решил покончить с делом и заявить ему, что намерен провести его проект обычным путем, т.-е. станет рассматривать его только в том случае, если он пройдет через производственный отдел и будет снабжен надлежащими подписями руководителей этим отделом. Это решение готово было сорваться с его языка, как на него нашло наитие. Он верил в эллермановское наитие, как Наполеон верил в свою звезду.

Наитие прорезало его умственный горизонт, как метеор, и в одно мгновенье все его существо изменилось. Лицо прояснело, глаза оживились, он выпрямился на стуле.

— Вы, несомненно, вложили в это массу труда,—сказал он живо.—Я надеюсь, что на вашу долю что-нибудь выпадет. (Сейчас он скажет, что все это он сделал исключительно для пользы компании.)

— Благодарю вас, м-р Эллерман,—сказал Хэнтер, довольный заявлением своего хозяина.—Я желал быть полезным компании.

— Вы уверены в ваших подсчетах издержек? Дайте мне взглянуть. Вы говорите, что производство наших батарей стоит тродженовской компании шесть долларов штука, а они продают их публике по тридцати, и мы можем сделать их так же дешево, как и они, т.-е. за шесть долларов?

— Да, сэр.

— А они продают их нам по пяти долларов. Правильно? (Я проверю его на этих цифрах.)

— Да, сэр,—отвечал Хэнтер.—Что вы думаете о проекте?

Глаза Эллермана снова ушли куда-то вдаль, стали непроницаемыми.

— Проект как будто производит благоприятное впечатление,—сказал он после минутного молчания.—Я еще не знаю... Что вы ожидаете извлечь из этого для самого себя? (Сейчас он скажет, что он представляет все это на мое усмотрение.)

— О, в этом отношении я предоставляю все на ваше усмотрение, м-р Эллерман,—сказал сердечно Хэнтер.—Я один из тех людей, которые верят в то, что за всякое доброе дело в свое время будет награда.

Потом он вспомнил последние слова, которыми его напутствовала жена, и его взяло отчаяние, что он недостаточно защищал свои интересы.

— Не в моем характере хвалить самого себя,—прибавил он,—но мне кажется, что я мог бы поставить на ноги аккумуляторную компанию и сделать ее прибыльной.

— Я в этом уверен,—согласился Эллерман.

За десять минут перед тем Хэнтер был томительно скучным человеком, который своим докладом об окисях свинца и батарейных банках надоедливо сверлил ум великого финансиста, теперь он стал ничтожной пешкой в стратегическом плане, появление которого на свет было вызвано вспышкой эллермановской интуиции.

— В случае, если что-нибудь выйдет из этого проекта, я позабочусь о вас, м-р Хэнтер,—сказал он своим обычным холодным тоном.—Первое, что нам следовало бы сделать, это узнать о проекте мнение эксперта. Пригласить кого-нибудь со стороны, кто знаком хорошо с этим предметом.

Хэнтер был застигнут врасплох этим замечанием.

— О,—пробормотал он.—Я... я хорошо... действительно... конечно... м-р Эллерман, я вполне согласен предоставить все это дело на рассмотрение эксперта, и я... я...—он рылся в своем уме, подыскивая подходящую фразу,—ничуть не опасаясь за результат.

Эллерман кивнул головой.

— Прекрасно!

— Но... м-р Эллерман,—продолжал Хэнтер.—Не забывайте, что я разобрался в этом проекте исчерпывающе. Ни один знаток никогда не вникал в это более тщательно.

— Я знаю, что это так. Поэтому вы и должны приветствовать передачу проекта на рассмотрение эксперта. Без сомнения, оно подтвердит ваши доводы... Видите ли, м-р Хэнтер, это предложение влечет за собой большую затрату средств. Мы должны быть осторожны в таких случаях. Опрометчивые, поспешные решения в деле недопустимы.

Хэнтер почувствовал, что каким-то хитрым поворотом разговора он был причислен к тем, кто решает опрометчиво и поспешно. Вспомнив месяцы подготовительной работы и тщательных изысканий, он ощутил смутное огорчение.

— Про меня-то уж никак нельзя сказать...—начал было он.

Эллерман прервал его.

— Я думаю,—вы вникли в дело очень тщательно. Все-таки, чтобы быть уверенным, мы должны пригласить постороннего эксперта. Оставьте мне все это, и на-днях мы устроим совещание.

В это время вдоль терассы проходил лакей, толкая перед собой чайный стол на колесиках. На стеклянной поверхности стола был расставлен целый ряд разно-

образных коктейлей в широких хрустальных бокалах. Находившиеся на террасе трое или четверо мужчин в костюмах для гольфа и несколько женщин в утренних летних туалетах брали со стола коктейли, по мере того, как лакей мимо них проходил. Неясно слышалась оживленная болтовня.

— Хотите коктейль?—предложил Эллерман.

— Нет, благодарю вас, м-р Эллерман,—скромно сказал Хэнтер.

— Ну, возьмите,—настаивал хозяин.—Забудьте пока о деле. Выпейте стаканчик. Вильям, сюда!—Указывая на слугу.—Он у нас бармен с медалью.

— Нет, благодарю. Я не пью. Тут дело вовсе не в принципе. Я нисколько не осуждаю пьющих. Видите ли, у меня никогда не было этого в привычке, так что...

— О, я не имею права менять ваших привычек,—холодно сказал Эллерман, осушая свой бокал и передавая его обратно лакею.—Как вам угодно.

Неловкое молчание.

— Повидимому, вы все это легко достаете,—сказал вице-президент, увлекаемый неумолимым роком.—В наши дни это дело трудное.

(О, Томас Хоктон Хэнтер, как вы могли это сказать? На широком эллермановском горизонте ваша слабая звезда гаснет... Пусть ваш проект великолепен, и пусть ваша жена в беседке лепечет про себя молитвы, но...)

Ричард Эллерман как-то странно на него посмотрел.

— Я никогда в своей жизни, м-р Хэнтер, не хлопотал о том, чтобы что-нибудь достать. Я поручал другим делать это вместо меня,—отвечал он тоном, в котором сквозила плохо скрываемая надменность.

Хэнтер чувствовал напряженность атмосферы. Чтобы разрядить ее, он засмеялся и вдруг воскликнул весело: «М-р Эллерман, вы—молодец!» тем фальшивым

тоном панибратства, который на его глазах с исключительным успехом применяли торговые приказчики и обходительные поставщики.

Его хозяин слабо улыбнулся, затем встал и пошел в дом, оставив кучу бумаг на столе. Увидав это, Хэнтер поспешно собрал их и побежал за ним вдогонку.

4

Город Эллерман лежит на расстоянии тысячи миль к западу от «Тенистого Луга», среди овеваемых ветром иллинойских прерий. Издали видно облако дыма над ним и красные минареты его фабричных труб.

Тысячи темно-серых, похожих на ящики домов—все на один образец. Убогие улицы, уходящие прямо в прерии. Ватаги грязных мальчишек, играющих в шумные игры. Группы суровых, мрачных мужчин, одетых в дорожные штаны и тяжелые башмаки, с ведерками для обеда в руках. Черноглазые девушки в шалях, болтающие на перекрестках с юношами, молодцевато дымящими своими папиросками. Ярко освещенный кино с залитым светом фасадом. Маленький парк с красивым фонтаном питьевой воды, струящейся день и ночь; неприличные слова, написанные карандашом на его гладких мраморных краях; бронзовая доска, гласящая, что этот фонтан—дар Бленч Рэйнер Эллерман. Кроме всего этого—отель Пенсаксас. Номера с грязными кружевными занавесками. Плевательницы. В передней гравюра, в десять футов длиною, с изображением парохода канадо-тихоокеанской линии. Линованая писчая бумага, заплесневелые чернила. Плохо прожаренный картофель. Горничные с милыми личиками и большими ногами. Портрет Ричарда Эллермана в столовой, с налепленным на нем ярлычком: «Наш шеф».

Есть там Торговый клуб. Красное кирпичное здание, стоящее на лужайке. Биллиарды. Чучело аллигатора, держащееся задними лапами за ящик для окурков. Портрет Ричарда Эллермана. Читальный зал — «Литературное Обозрение», «Национальный Географический Журнал», «Приключения» и десятка два специальных автомобильных журналов и газет. Редактор местной газеты бывает здесь ежедневно около четырех часов дня. Старомодный лупоглазый человек в очках с толстыми стеклами, говорящий хриплым голосом. Он верит в то, что теперь самое настоящее время для развития демократизма; главное—нужно заставить замолчать опасных агитаторов; рабочие настроены как следует, но только бы их оставили в покое большевистские говоруны. Он посылает свою газету в Доббс-Ферри, отмечая передовицы. Когда-нибудь он надеется стать личным секратарем Ричарда Эллермана. Он никогда не изучал искусства подлизывания, это—природный дар.

Против клуба находится школа для девиц, учрежденная Бленч Эллерман. Двести девушек обучаются там под руководством двенадцати сморщенных дев. Портрет Бленч Эллерман во весь рост. Двенадцать иссохших девиц делают вид, что они ничего не знают о театральной карьере Бленч Эллерман, кроме того, что «была она на сцене очень недолго и выступала в одном из произведений Чарльза Фромана».

В самом центре находится «Дворец сладостей», основанный двумя предприимчивыми молодыми людьми. Великолепный ониксовый фонтан содовой воды. В окне машина, автоматически производящая карамель. Три ряда маленьких столиков. Запах кислого молока. Если вы мужчина и понравились молодым людям, они покажут вам свою коллекцию неприличных фотографий.

Х. С. М. * обязан своим основанием щедротам Ричарда Эллермана. Плавательный бассейн, наполненный стоячей водой. Комната, где молодежь играет в шашки. Масляный портрет Ричарда Эллермана, сидящего за своей конторкой. Гимнастический зал, где развлекаются трое вспотевших мальчиков в грязных свитрах. Залы, где в дружеской беседе изливает свою душу Джордж Фитцпатрик из контрольного отдела эллермановской компании. «Я не стыжусь встать здесь и кричать о Христе!»—орал он. Со слов самого Джорджа выходило так, что он целые годы вел самый презренный образ жизни. И вот однажды он встретил Христа, и Христос вытаскивал его из пучин греха. Христос ходил за ним по следам и слегка подталкивал его.

«Я поставил имя Иисуса в моей приходо-расходной книге, дети мои, и я вижу, как он показывает чистую прибыль год за годом».

Игорный зал Ника Джайэнгпопула—сокращенно Ника Джайэнта. Запах пролитого пива и скверного табака. Страница из газеты о Бинго Эллермане и об его любовных похождениях—наклеена на стене. Пыльные карточные столы. Подозрительные движения за деревянными перегородками. Ник вводит новый легкий напиток под именем «жужжерино», «чтобы от него жужжало в голове». Вкус у него такой, как вид у кактуса.

Ежемесячный домашний орган эллермановской компании выходит под названием: «Сила-Сердце». Прекрасно отпечатанный журнал с иллюстрациями и с рисунками в красках на обложке. Он наполнен назидательными рассуждениями, портретами победителей в состязаниях, связанных с работой на фабрике, старыми шутками, списком наград за истекший месяц и сердечным обраще-

* Young Man Christian Association — Христианский союз молодежи
Прим. перев.

нием к девушкам-работницам личного секретаря Ричарда Эллермана мисс Беатрисы Марголин. О служащих в предприятии говорится, как об единицах «силы-сердца», или сокращенно «с.-с.-единицы». Предполагается, что вся корпорация приводится в движение силой-сердцем—«шестнадцатью тысячами сердец, бьющимися, как одно». Со времени последней стачки маленький журнальчик перестал пользоваться той популярностью, какой он пользовался раньше. Многие из «с.-с.-единиц» его больше уже не читают. Большинство из них пользуется его бумагой для разжигания трубок и для других плебейских надобностей.

Дымный туман носится по улицам города, и целый день слышится лязг железа, гулкий грохот взнузданной силы, звук титанической борьбы—предродовая агония земли, производящей на свет своих стальных детей.

5

— Ну, мое сокровище, как дела?—спросила озабоченно Бесси Хэнтер мужа. Она была одета в розовое вечернее платье и стояла спиной к большому зеркалу в отведенной им комнате. Повернув голову, она смотрела на свое отражение и оправляла костюм.

— О, мне кажется, я сделал большие успехи, моя милая!—сказал Томас, подбадривая себя.—Конечно, никто не может дать окончательного ответа немедленно по столь важному вопросу, так что я еще не вполне уверен. Он умеет хорошо слушать. Я это люблю. Он не пропустил ни слова из всего того, что я говорил, а я изложил весь проект. По тем вопросам, которые он потом мне задавал, мне кажется, что проект произвел на него впечатление.

— Прекрасно! Я рада, что он не отверг его сразу,—сказала Бесси.—Вероятно, он им заинтересовался, а то

он прямо тут же сказал бы... Ты говорил с ним о вознаграждении?

— Нет, милая, еще нет. Об этом мы поговорим потом. Я сделал ему кой-какие намеки. Он относится к моему плану очень серьезно и собирается пригласить экспертов, чтобы устроить вместе с ними совещание по этому вопросу.

— Я кой с кем здесь познакомилась, Томми,—сказала м-с Хэнтер,—и кое-где здесь побывала. Посмотри!—С видом исследователя неведомых стран Бесси подошла к зеркалу в золотой раме, вделанному в стену, и нажала кнопку. Зеркало откинулось назад, показывая маленький никкелевый лифт, как раз такого размера, что на нем мог поместиться большой поднос.—Когда ты захочешь позавтракать у себя в комнате, завтрак поднимается наверх на этом столике. Тут даже есть место для утренней газеты—маленькое отделеньице. Какая прелесть!

— Это, конечно, очень удобно,—засмеялся супруг,—почти, как в Стэтлер-Отеле.

Хотя он не придавал никакого значения всей этой роскоши, но все-таки она производила на него необычайное впечатление.

— У меня своя горничная,—продолжала она,—а у тебя—лакей.

— У меня—лакей?—воскликнул Томас.

— Да, мой милый, у тебя лакей. Он был здесь и взял твой костюм.

— Боже мой! Он видел мою старую пижаму?

— Да, видел... Он не смеялся. У него был такой мрачный вид, когда он заметил ее.

— О, хорошо,—вздохнул Томас.—Меньше всего нужен мне лакей. Между прочим, Бесси, у меня со стариком Эллерманом вышла очень забавная история из-за

коктейля, когда его давали на террасе. Я спросил у него, как он достает...

— Он предлагал тебе выпить, Томми?

М-с Хэнтер повернулась к мужу с лентой в руке и озабоченно посмотрела на него.

— Да, предлагал, но я отказался.

— О, почему, мой милый? Почему бы и не выпить? О, милый! Раз он тебе предлагал?!

Хэнтер был страшно удивлен тем, что его жена так огорчилась.

— Да, но это снадобье ужасно плохо на меня действует, Бесси. Ты ведь знаешь. Если я выпью два коктейля, то целую неделю это на мне будет сказываться...

— Ты должен был бы выпить с ним, дорогой мой. Ну, что ж! Пусть было бы плохо! Все это имеет значение для дела.

— Теперь уже ничего не поделаешь,—сказал уныло Томас.—Если я должен напиваться, чтобы иметь успех в жизни, то меня ждут, стало быть, одни неудачи... Кто такой этот молодчик, с которым ты разговаривала в беседке?

— Это—Персриддль.

— Персриддль? Смешное имя.—Томас замер с гребнем и щеткой в воздухе.—Персриддль?

— Его имя Перси, фамилия Риддль,—засмеялась Бесси.—Перси... Риддль.

— Что за тип этот Перси?—допрашивал Томас. Он чувствовал себя не в духе.

— Он—интересный человек, мой дорогой. Не называй людей т и п а м и, Томми, пока ничего еще о них не знаешь. У него приятные манеры, и он знает толк во многих вещах... нужных для того, чтобы быть игроком в поло.

Ее обращение с мужем было всегда мило назидательным.

— О, да-да,—заявил муж с видом человека, вспоминающего какой-то пустяк.—Перси Риддль! Я слышал о нем. Потрясающе богат. Не правда ли?

— Не знаю. Он не говорил. Мы очень с ним подружились. Он любит людей, был в полярных странах, знает оперу и охоту на диких зверей, и техасские нефтяные источники, и Египет, и управление яхтой, и поэзию. Он что-то декламировал.

Муж сильно дернул за галстук, который просовывал под воротничок, и что-то пробормотал.

— И, знаешь, Томми, он говорит,—продолжала Бесси,—что на Пятой авеню вечером полагается гулять по западной стороне. Нельзя пройтись по восточной, это просто не принято... А в Лондоне прилично ходить по северной стороне Пикадилли.

— А в Париже?—спросил Томас и посмотрел на свое отражение в зеркале.

— О, в Париже, так говорит Перси—он просил называть его Перси—полагается ходить с той стороны бульваров, где находится «Café de la Paix»; а в Берлине фешенебельной стороной Unter den Linden считается сторона, где отель Бристоль; на другой стороне находятся только автомобильные магазины и агентства по продаже билетов. Так он говорит.

— Да, ты получила массу бесполезных сведений!— Таков был суровый приговор Томаса Хоктона Хэнтера.

— Это вовсе не так уж бесполезно,—его жена надулась,—если приходится много путешествовать. Необходимо знать правила приличия.

— Ты так думаешь, да? Ни мне, ни тебе никогда это не пригодится. Мы будем прогуливаться по восточной стороне Вэбеш авеню, в Чикаго... Зачем только

я сюда приехал! Ты с твоим приятелем Перси рассказывали друг другу историю своей жизни... А я в это время работал, как вол.

М-с Хэнтер, утомленная пережитыми за день новыми впечатлениями и окончательно добитая колкостями мужа, потихоньку отвернула лицо к стене, прислонилась к ней головой и заплакала. Муж был занят манжетными запонками и в первую минуту не мог отдать себе отчета в том, что она делает. Когда заметил, что она рыдает, он подумал о том, какая она худенькая и болезненная. Что-то сдавило ему горло. Он сознавал свою бесчеловечную грубость.

— Ну, ну, крошечка,—шептал он, обнимая ее за плечи.—Я сознаюсь, я был жесток. Прости мне, дорогая. Я вовсе этого не хотел. Этот проклятый дурак подействовал на мои нервы, а я перенес это на тебя. Не плачь, крошечка. Ну, пожалуйста, скажи, что ты меня простила!

— О, уходи, ты испортил мне всю поездку, противный!

Она продолжала плакать, время от времени утирая лицо крошечным мокрым платком.

Муж обнял ее за талию, нежно поднял и, опустившись на кресло вместе с нею, усадил ее себе на колени. Она уткнулась лицом в его плечо. Через пять минут она опять была перед зеркалом, пудря нос и продолжая рассказывать о своих впечатлениях достойно наказанному супругу.

— А знаешь, кто здесь?

М-с Хэнтер, казалось, была возбуждена до последней степени сообщением, которое намеревалась сделать.

— Да. Майкель Уэбб,—отвечал муж,—автор этой удивительной книги.

— Я знаю, но я думала не о нем. Мисс Фанни

Торнтон, звезда кино, величайшая во всем мире. Вот кто здесь в гостях! Я ее встретила... Она даже более очаровательна, чем на экране.

— Боже мой!—воскликнул муж, пораженный присутствием такой знаменитости.—Да я ведь тысячу раз видел ее на экране.

— Да, она совсем простая,—прибавила Бесси.—Она почти ничего не говорит. Всех слушает и так нежно смотрит.

Обед должен был начаться в семь тридцать. В семь двадцать девять м-р и м-с Хэнтер медленно спустились по широкой лестнице и нашли жилые комнаты пустыми. Только один Майкель Уэбб, широко расставив ноги, внимательно смотрел на огромную картину, висевшую над камином.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

КОРРЕКТОР ВВОДИТ ТИРЕ

1

— О, привет!—сказал Майкель, когда Хэнтер с женой подошли к нему.—В этом доме, повидимому, не придерживаются особенно строго расписаний. Вам не кажется?

Майкель и м-с Хэнтер поклонились друг другу, и после минутного колебания Бесси Хэнтер робко протянула ему руку. Она ощутила прилив легкого огорчения. В многочисленных книгах о великосветской жизни она читала, что «beau monde»,—как там назывался этот круг людей,—всегда опаздывает к назначенному часу и все-таки, несмотря на то, что она прекрасно знала об этом, в первый же день в «Тенистом Лугу» они с мужем сделали ошибку, спустившись разодетыми и готовыми к обеду в пустой зал. В своем воображении она шла вниз по широкой лестнице в холл, наполненный блестящей публикой.

От каких пошлых вещей зависит счастье человека!!

— Ну, я думаю, вы уже обсуждали ваш проект с великим человеком?—спросил Майкель.

— Обсуждал!—горячо отозвался Хэнтер.—Он отнесся к нему, повидимому, очень хорошо, но, конечно, нет еще никакого решения. Это большое дело, вы знаете...

— О да, широкий план,—согласился Майкель еле слышно и покачал головой.

— М-р Эллерман, прежде чем решиться на это, желает выслушать мнение эксперта со стороны,—продолжал Хэнтер.—Таково положение вещей в настоящий момент. Мы пробудем здесь неделю. Он хочет, чтобы я остался здесь до тех пор, пока он рассмотрит проект со всех сторон.

Майкель Уэбб вдруг почувствовал, что заинтересовался этим делом. Такое ощущение бывает, когда в досужий вечер ваше внимание захватывает какая-нибудь увлекательная китайская головоломка.

— О!.. Хочет, чтобы какой-нибудь эксперт, не имеющий отношение к компании, рассмотрел ваш проект. Да? Мне кажется, что в эллермановской компании имеются люди достаточно компетентные, чтобы судить об этом.

— Ну, разумеется! У нас великолепная организация,—сказал Хэнтер, повидимому, несколько озадаченный.—Я не знаю, какова цель м-ра Эллермана, но думаю,—наверно и вы также,—что ему хочется выслушать непредвзятое мнение.

— Какого постороннего эксперта он имеет в виду?—спросил Майкель.—Вы не знаете?

— Нет, я не зна-ю... нет... Я не думаю, что он уже на ком-нибудь остановился, когда говорил об этом сегодня утром... Скажите, вы знаете что-нибудь о лабиринте, который находится здесь в имении?—продолжал Хэнтер.—М-р Эллерман мне много рассказывал о нем сегодня утром. Это, повидимому, один из его любимых коньков.

М-с Хэнтер была живо заинтересована.

— Я уверена, что заблудилась бы в нем,—засмеялась она,—но мне хотелось бы попробовать.

— Каждый заблудится в эллермановском лабиринте, м-с Хэнтер,—заметил Майкель.—Это не что иное как хитрое и искусное расположение изгородей и аллей. Вы попадаете в тупики и совершенно запутываетесь.

— Я полагаю,—вы в нем, как дома?—вежливо заметил Хэнтер.

— О, нет! Нет, я никогда в нем не бывал. Вместо этого я читал метафизические книги. Я люблю лабиринты в духовном плане гораздо больше, чем в физическом. Когда у меня является потребность запутаться, я провожу вечер за чтением Фрейда.

Это были пустые слова для Хэнтеров. Для них Фрейд был именем, совершенно неизвестным. Оба они засмеялись. Хэнтер решил посмотреть о Фрейде в энциклопедии.

— Вы настоящий философ,—сказал он весело.—Читаете Фрейда!

Потом его мысли перескочили обратно к батарейному проекту, и он продолжал.

— Мне кажется, я поймал м-ра Эллермана! Я почти читал в его мыслях, когда говорил.

У Майкеля мелькнуло в уме, что человека, который мог читать мысли Ричарда Эллермана, не должен смущать какой-то лабиринт. Ум, представляющий собой целую коллекцию выходов из самых затруднительных положений и изворотливых способов на всякий случай жизни! Ум, обманывающий странной прямолинейностью, с которой идет ко всему, чего ему не вздумалось бы пожелать! Это был как раз тип интеллекта, который безошибочно приводит к успеху в крупных делах, ум, двигающийся в одном измерении, без высоты и ширины, по прямой линии, но невероятно гибкий и приспособляющийся к требованиям текущего момента. Репутация Ричарда Эллермана как глубокого человека возникла

из его неожиданной находчивости, а она в свою очередь была продуктом удивительно гибкого интеллекта. У Эллермана не было ни определенного плана, ни дальновидности, но он знал, как преодолевать препятствия, когда они возникали.

Когда Майкелю пришли в голову эти мысли, он был готов высказать их вслух. Но он знал, что ни Хэнтер, ни его жена его бы не поняли.

— Что это за картина?—спросил Хэнтер, кивая головой на огромное темное полотно на стене. На картине была масса людей почти в натуральную величину; эти люди, казалось, были необычайно чем-то поражены и напряженно смотрели неизвестно на что.—Она вся закоптела, как будто куплена на распродаже после пожара.

— Ну, Томми!—зашептала м-с Хэнтер, толкая его потихоньку локтем,—ты ничего не понимаешь в живописи и лучше бы подождал, пока тебе объяснят, что это такое.

— Я видел,—вы смотрели на эту картину, когда мы вошли сюда,—сказал Хэнтер Майкелю.—Я уверен, что это какое-нибудь великое произведение искусства, достойное удивления.

— Вы совершенно правы,—последовал ответ Майкеля. — Это — картина Рембрандта. Одна из его самых знаменитых. Она называется: «Корректор вводит тире».

— Что вы говорите?—воскликнул Хэнтер.—Это та самая картина, о которой столько писали год назад в газетах?

— Она самая,—сказал Майкель лаконически.—Перед вами мировой шедевр.

Хэнтер вспомнил газетную кампанию, которая поднялась, когда Ричард Эллерман вывез из Бельгии кар-

тину «Корректор вводит тире». Несомненно, за нее были заплачены баснословные деньги, но сколько именно, так и осталось неизвестным.

— Я получше посмотрю на нее,—сказал он, подходя ближе к картине.—Думаю, что человек, сидящий в центре, и есть корректор. Да?

— Да, это—корректор. Картина изображает момент раздумья перед тем, как внести тире. Она почти фотографична и остро запечатлевает решительный момент. Корректор держит на весу перо в правой руке... Взгляд его направлен куда-то вдаль. Вы замечаете? Лицо мистика. Как будто у него явилось прозрение отдаленных последствий того, что он намеревается сделать. Это взор, пронизывающий столетия.

— О, как это чудесно!—в восхищении воскликнула м-с Хэнтер.—Я могла бы смотреть на нее целый день.

— Она оказывается необычайно тонкой штукой,—сказал Хэнтер,—когда вы начинаете ее изучать.

Поверхность картины была слишком темна, чтобы можно было различить некоторые из фигур. Люди на заднем плане еле выступали из тени, а жесткая, сухая краска дала миллионы крошечных трещин, бороздящих полотно.

— Действительно, все это здесь есть!—продолжал Хэнтер.—В атмосфере чувствуется какое-то напряжение. Каким образом он достигает этого эффекта?

— Это секрет Рембрандта,—сказал Майкель.—Он в этом неподражаем, как и в искусстве светотени.

— О да! Светотень!—прошептала м-с Хэнтер.

— Вы всегда можете отличить хорошую светотень,—продолжал Майкель.—Чем темнее живопись, тем лучше светотень. Эта картина почти черная, а светотень великолепна. Рембрандтовский «Черный кот в полночь»—еще лучше.

— Но кто эти люди?—спросил Хэнтер.—Что они делают на картине?

— Человек, стоящий слева,—показал Майкель, богато разодетый в шелк и бархат, с пером, свисающим на ухо, это—сам автор. Вы видите, он несколько чванится и смотрит на всех остальных чуть-чуть свысока. Тот, что стоит сзади корректора, человек в коричневом,—мастер-печатник. Он кажется взволнованным, судя по тому, как смотрит через плечо корректора. Известный ученый Оствальд, написавший лучшую монографию об этой картине, говорит, что мастер-печатник был против введения тире. Однако это—спорный пункт...

— Посмотрите на мальчишку,—засмеялся Хэнтер.— Он один только улыбается.

— А, мальчишка, который ковыряет большим пальцем в носу, растопырив остальные? Он вроде чертенка, не правда ли? Предполагают, что это типографский ученик. Свет падает ему прямо в лицо. Обратите внимание, где бы вы ни стояли, он словно поворачивается к вам и шевелит пальцами. Это один из необычайных приемов рембрандтовской техники.

— Какой гений!—сказал Хэнтер почтительно.—Это удивительная картина, но почему столько волнения из-за тире?

— Это аллегория,—отвечает Майкель.—Теперь все ставят тире, но в те дни было иначе. В то время умели писать очень немногие, не говоря уже о том, чтобы ставить тире. Эта замечательная картина аллегорически изображает зарождение какой-то дисциплины в литературе. Сюжет поясняется названием—«Корректор вводит тире». Прошли старые времена необузданной свободы! Литературная техника зародилась! Вы можете это видеть по торжественным лицам обывате-

лей, сгруппированных на заднем плане, по женщине с кувшином. Вы замечаете, что даже ее болтливый язык умолк. Корректор вводит тире!

— М-р Эллерман — большой покровитель искусства,— робко заметила м-с Хэнтер.— Подумать только, какое множество прекрасных картин собрано в этом доме!

— Да, здесь много картин, и очень ценных,— согласился Майкель,— но м-р Эллерман—вовсе не покровитель искусства.

— Из чего вы это заключаете?—спросил Хэнтер.

— Покровителем искусства для меня является человек, который покровительствует художникам. Я сомневаюсь, чтобы в этом доме нашлось полдюжины картин, которые появились на свет меньше пятидесяти лет назад. Он не покупает произведений живых художников, и пусть у него здесь собрано картин хотя бы на два миллиона долларов, это не имеет ни малейшего значения для поощрения живых художников.

— Пожалуй, правда,—сказал Хэнтер.

— Разумеется. Он не покровитель искусства. Он покровитель торговцев старинными картинами. Сколько, вы предполагаете, получил Рембрандт за исполнение вот этой картины?

— О, я не знаю. Сколько?—спросил Хэнтер.

М-с Хэнтер заметила, что, по газетным сведениям, м-р Эллерман заплатил за картину триста тысяч долларов.

— Быть может, и так,—сказал Майкель.—Если и меньше, то не на много. Но официальные документы, имеющиеся в Голландии, показывают, что сам Рембрандт получил сумму, приблизительно равную теперешним двумстам пятидесяти долларам.

— Подумать только!—воскликнули мистер и миссис Хэнтер в один голос.

2

Было уже четверть восьмого, и публика начинала собираться внизу. Майкелю казалось, что женщины похожи на разноцветных птиц, а мужчины—на черных жуков. Хэнтеры отошли, и к Майкелю подошла м-с Эллерман и вступила с ним в беседу. Нет, то была не беседа, а болтовня. Бленч Эллерман умела болтать целые часы, не сказав решительно ничего. Если хотите, смейтесь над этим и даже издевайтесь, но в сущности не стоит. Это—действительно тонкое искусство и очень сложное. Бленч легко справлялась с техникой этого искусства, ее болтовня была очаровательна. Надушенные слова!

Майкель завидовал этой способности. Он пытался научиться этому искусству и брал уроки умственной гимнастики, но результаты были плачевны. Для него было почти невозможным делом сказать хотя бы десять фраз без того, чтобы не навести своих собеседников на мысль о боге, о дарвиновской теории, об упадке цивилизации, о пролетариате, о провале Версальского договора, о притязаниях на добродетель и главным образом о «вздоре».

Он ясно сознавал свой недостаток, так что все его участие в разговоре с м-с Эллерман состояло из фраз: «В самом деле?» и «Как это мило», произносимых им время от времени. Большего она от него и не ожидала и считала его очень милым. Она пригласила на обед мисс Меррифильд, о чем и сообщила ему.

— А кто это мисс Меррифильд?—спросил он.

— Одна наша соседка. Она живет в первом доме, вниз по дороге...

Майкель вспомнил, что по пути из города он проезжал мимо маленькой в итальянском стиле, зеленой с белым виллы, с прелестной оградой, обвитой плющом.

— Эдит жила во Франции последние шесть или семь

лет,— продолжала м-с Эллерман,— и вернулась только прошлой осенью.

— Она должна любить галльский темперамент. Ее семья живет здесь?

— О, нет! Она не замужем. У нее нет семьи. Я думаю, она любит французский язык. Вот она, наверное, приехала.

У крыльца послышался слабый шум автомобиля, и Майкель мельком увидел проходящую через холл маленькую женщину.

3

Обеденный стол был освещен восковыми свечами, вставленными в изящные и причудливые канделябры из стекла «лалик». Белоснежная скатерть, живые цветы и тонкой работы фаянсовая и хрустальная посуда мягко блестели в этом свете, но за этим овалом стола господствовал полумрак. Оживленные пятна нежных женских лиц, бледно-розовые, оранжевые и лиловатые ткани, черные со стальным отливом фраки и ослепительно белые манишки.

Мисс Меррифильд была некрасива, это несомненно. Женщина под тридцать, маленькая и стройная, с серовато-зелеными глазами. Ровная бледность ее лица подчеркивалась пышной копной волос медного оттенка.

Вначале общий разговор не клеился. Каждый тихо говорил со своим соседом. Ричард Эллерман, с отсутствующим взглядом, молча восседал во главе стола.

Через стол, против Майкеля, сидел Бинго Эллерман и мисс Фанни Торнтон, звезда кино. Бинго разговаривал с ней почти шопотом. Он рассказывал ей какую-то историю, которую, очевидно, сам считал смешной, ибо сопровождал свой рассказ прерывистым смехом. Она смо-

трела на него серьезными большими фиолетовыми глазами и ничего не говорила.

Мистер и миссис Деннис перекидывались друг с другом через стол какими-то им одним понятными семейными шутками и смеялись. Никто не понимал, в чем дело, как будто неведомая комета неслась по своей орбите через вселенную.

Среди гостей была еще мисс Вайолет Флеминг, черноглазая молодая женщина, всегда производившая впечатленье на мужчин, ибо ее наружность и манеры обличали в ней смелость, живость и лукавую скрытность. Каждый чувствовал, что ее ждет интересная будущность.

Была еще веселая м-с Шэбольт, такая пухлая и полногрудая и столь туго затянутая, что ей грозила опасность—так казалось Майкелю—выплеснуться через декольте своего бального платья, вроде того, как зубная паста выдавливается, когда нажмешь, из своего тюбика. Ее муж не вернулся из города, и это необычайно ее беспокоило.

— Он сказал, что непременно будет обратно к обеду,—вздыхала она.—Он никогда раньше не опаздывал. Что могло с ним случиться?

— Быть может, опоздал на поезд,—предположил кто-то.

— Или встретил какую-нибудь приятельницу,—сказал Бинго Эллерман.—Хотя я не настаиваю на втором предположении... Будь это так, он бы привел по телефону очень серьезные доводы в свое оправдание.

М-с Шэбольт нахмурила брови в одно и то же время изящно и надменно. Ну и мысль! Молодой Эллерман был несносен и должен был бы жить вместе с шофферами в отведенных им комнатах над гаражем. Она слишком хорошо знала своего супруга, чтобы подозревать его в некорректном поведении. На-ряду с этим она

находила серьезное подкрепление своей уверенности в том, что он был одним из восьми компаньонов большого банкирского дома Чэтфильда, причем глава фирмы пригласил компаньонов, руководствуясь столько же их нравственной безупречностью, сколько и финансовыми способностями.

— Не волнуйтесь о нем, Фрэнсез,—спокойно сказала м-с Эллерман.—С ним все благополучно... Если бы я волновалась о Дике по поводу его опаздываний домой к обеду, я бы уже поседела.

Да, она не беспокоилась о Ричарде Эллермане, ибо все о нем знала. Она была осведомлена о м-с Прат, хотя делала вид, что ничего не знает. Не только это... она знала о предшественницах миссис Прат—о м-с Стэрлинг и об этой черноглазой Флорэлин, которую в конце концов Дик выдал замуж за кинопромышленника, которому должен был организовать дело, чтобы заставить его на ней жениться. Была еще Дэзи Кольридж, увлекательная водевильная актриса. Действительно, она была изящна и очаровательна, и Бленч одно время ревновала к ней. Но Дик в конце концов потерял к ней интерес... Бленч думала, что у нее нет оснований печалиться. Ричард Эллерман дарил им маленькие квартирки и кофейного цвета лимузины, и это все!.. Чистейшие пустяки!.. А она была его женой.

— Как здоровье вашего батюшки, Шерлот?—спросил Ричард Эллерман у м-с Франк Ллойд, что сидела с правой стороны от него.

— Простите,—прощебетала миссис Ллойд, быстро, по-птичьему, откинув голову.

Она была худа, немного глуховата и с проседью. Сверкающая бриллиантовая диадема запуталась в ее мертвых волосах. Эллерман знал Франка Ллойда и его жену уже тридцать лет. Когда он познакомился с Шер-

лот, она была клерком в суде; Франк тогда был молодым адвокатом и дружил с Эллерманом.

— Я спросил, как здоровье вашего батюшки.—Эллерман повысил голос и говорил ей прямо в ухо.

— О, лучше желать нельзя! Благодарю вас!—отвечала м-с Ллойд.—Вы знаете о его ревматизме. Он ему сильно надоедает. Отцу в марте исполнилось восемьдесят шесть.

— Ну, конечно... возраст немолодой... Вы знаете, Шерлот, я боюсь, что у меня тоже что-то вроде ревматизма. Быть может, это ишиас. Когда ложишься спать, иногда чувствуешь боль вот как раз здесь, в крестце.— Он закинул руку за спину.

— Я вам скажу, Дик,—она говорила обычным тихим голосом глуховатых людей,—у вас, вероятно, только
Эллерман покачал головою и сказал, что он не верит
легкая невралгия. Вы как-нибудь покажитесь доктору.
в докторов.

— Я знаю, что не верите,—продолжала м-с Ллойд,— и всегда думала, что это очень глупо с вашей стороны. Ну, так вы возьмите пузырь с горячей водой—такой широкий—и прикладывайте его прямо к спине на ночь. Это сразу облегчит боль.

Эллерман улыбнулся. Подобно большинству мужчин, он находил пузырь с горячей водой смешным.

— Франк зачастую простуживается,—продолжала она.—В особенности зимой, когда он целый день в своей конторе. Когда он приходит домой, я укладываю его в постель, закутываю и кладу по пузырю с горячей водой к обоим бокам. Это ему сразу помогает. Через полчаса он уже просит подать ему трубку и вечернюю газету.

— Что вы там говорите обо мне?—веселым голосом отозвался ее муж со своего места, рядом с м-с Эллерман.

Это был подвижной сухощавый остроглазый мужчина с большой копной седых волос.

— О, пустяки!—отвечал Эллерман.

— Если это пустяки, то позвольте нам узнать о них,—со смехом сказал Ллойд.—Нам нужно немножко пустяков!

— Это верно,—пролепетала Майкелю Уэббу его соседка слева—покорное, забитое существо, известное под именем «тетки Лауры», родственницы Бленч Эллерман.—Пустяки время от времени нравятся большинству мужчин,—пролепетала она на ухо Майкелю, и он уловил дуновенье каких-то скромных стародевических духов.—Правда ведь, м-р Уэбб?

— Пожалуй, это так,—согласился Майкель.—Следовало бы в каждом колледже основать кафедру по пустякам, чтобы мы могли обращаться с пустяками разумно.

— Ну, я так далеко бы не пошла,—сказала рассудительная тетка Лаура,—хотя я и думаю, что пустяки в некоторых случаях—вещь вполне допустимая и приятная.

4

— Слишком тепло для начала лета,—заметил Майкель, обращаясь к миссис Меррифильд.

— Да, правда,—сказала она.—Я нынче утром видела несколько бабочек. Блестящие прекрасные созданья, носящиеся по воздуху так плавно, так легко, словно падающие листья. Крылатые цветы!

— Прекрасный образ,—сказал Майкель.—Крылатые цветы! Летающие цветы! Вы когда-нибудь писали стихи?

— Нет, никогда,—отвечала она и взглянула на него с интересом.—Не думаю, что могла бы. Я никогда не пробовала. Приятно создавать прекрасное!

— Почему бы не попробовать!—предложил он.

— Я думаю, у меня нет никаких творческих способ-

ностей, и потом, подумать только, как много людей пишет стихи. Да какие скверные!

— Но в самой попытке есть уже нечто прекрасное. Я думаю, что каждый должен отдать часть своей жизни для созданья прекрасного... не для того, чтобы помочь миру, но чтобы помочь самому себе. Раса художников...

— Художников в какой области?

— В какой угодно. Творческий инстинкт у людей так же силен, как... как... как у бобров. Но мы подавляем его в наш век машин и разделения труда... И это очень жалко... А творческий инстинкт зацветает красотой с такой же непреложностью, с какой зацветает яблоня благоухающими цветами... Боюсь, что я начинаю проповедывать. Это—дурная привычка.

— Нет, ничуть не бывало. Все, что вы говорите, в высшей степени интересно, и я соглашаюсь с каждым вашим словом.—Выражение замешательства проскользнуло по ее лицу.—Это вы тот самый м-р Уэбб, который написал «Как важно быть второсортным»?

— Да, я. Я знаю, вам не нравится моя книга.

— Вначале она мне нравилась. Я находила ее определенно забавной и умной. Умная саркастическая книга. Я купила ее у Брентано в Париже, когда там о ней столько говорили—позапрошлым летом. В это время я жила в Сен-Жермен-ан-Лэ. Там у меня был маленький домик. Я начала читать ее в поезде на обратном пути домой. Это было восхитительно! Но после того как я вернулась в Америку, я была поражена тем, что здесь ее везде принимали как житейскую философию. Я надеюсь, что вам не странно мое откровенно высказанное мнение. Как житейскую философию... Мне кажется, что вы так именно и задумали ее.

Майкель повернулся и смотрел на нее с чувством необычайного интереса.

— Нет, я сам считал ее саркастической, но это, по-видимому, секрет, который знают только двое: вы и я.

— Правда?

— Да. Ее жестоко освистали как юмористическое произведение, но она имеет огромный успех как космическая философия. Я начал с намерения создать себе репутацию юмориста и кончил тем, что стал дешевым подражателем Герберта Спенсера. Я оказываюсь философом.

— Ну, а почему вы не хотите изменить создавшегося общего впечатления?

— Слишком поздно,— заявил Майкель.— Философия второсортности глубоко проникла в американскую жизнь. Если бы я выступил теперь и объявил, что все это было шуткой, потрясение для страны было бы слишком большим, и она бы не выдержала. Меня проклинали бы миллионы.

— Несчастный!—прошептала миссис Меррифильд.

— И, кроме того,—продолжал Майкель,—нет никакого сомнения, что книга принесла своего рода пользу.

— Чем же?

— А тем, что она учит людей, каким образом добиться успеха в век владычества посредственности. У меня есть несколько в высшей степени интересных писем от читателей. Я вспоминаю одно, присланное мне автомобильным механиком. Он пишет, что его жизнь теперь стала более счастливой, чем он представлял ее когда-либо в своих мечтах. Когда машины попадали к нему в починку, он обычно старался отправить их обратно заказчику в возможно наилучшем виде. Он делал решительно все, что только можно было выдумать, чтобы исправить машину. Несчастный был первосортным мастером и сам о том не знал. Постоянно бывали крупные скандалы из-за счетов: заказчики не хотели их оплачи-

вать, они его ненавидели. Тогда,—пишет он,—он прочел «Как важно быть второсортным». И теперь он исправляет машину лишь настолько, чтобы она могла выехать из гаража и пробежать шестьсот миль. Его счета невысоки, его клиенты довольны, а после шестисот миль машина попадает опять к нему. Его жизнь стала легче...

— Это, должно быть, наш местный механик,—засмеялась миссис Меррифильд.—У него именно такая манера.

— Может быть. Я не удивился бы. Я позабыл, откуда был тот.

Она засмеялась.

— О, я понимаю теперь вашу цель. Это, вероятно, очень полезная книга, но я рада, что ее автор ни чуточки не похож на нее.

— Нет, я не похож на книгу. Редкий автор бывает похож. Самая замечательная любовная история, какую я когда-либо читал, была написана пятидесятилетней женщиной, которая никогда не была замужем—фактически никогда не знала любви. Недостаток опыта давал полную свободу ее фантазии.

Дворецкий в ботинках на резиновой подошве бесшумно обходил стол, наполняя шампанским хрупкие бокалы. Никто не сделал ни одного замечания; это было принято как вполне естественная вещь.

Миссис Хэнтер поймала взгляд своего мужа, слегка кивнула головой и повела бровями. Она боялась, не спросит ли он опять м-ра Эллермана, где тот достал столько шампанского, но он подумал, что она пытается внушить ему, чтоб он не пил шампанского. Так как он сам решил ни за что не пить вина, то у него после этого как гора с плеч свалилась.

Разговор стал оживленней.

Все разговаривали о том, чем каждый действительно

был заинтересован. Хэнтер был увлечен общим оживлением, и завел разговор с миссис Шэбольт, объясняя ей устройство эллермановского автомобиля и описывая его характерные черты. Она вежливо слушала и говорила: «В самом деле?» «Как остроумно!» «Как гениально!» Когда он останавливался и, казалось, ожидал какого-нибудь замечания, она произносила одну из этих фраз по очереди. В действительности она думала, почему не приехал и не протелефонировал ее муж. Богатые люди пользуются таким успехом у «этих» женщин (она представляла их себе какими-то сиренами), и вообще разве какая-нибудь женщина в сущности знает своего мужа!

Сомнения одолевали и мучили ее.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

СВЕРЖЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА

1

Под заглушенный шум голосов Ричард Эллерман, молчаливо сидевший во главе стола, думал о своем прошлом. В голове его проносились мысли, свойственные человеку перевалившему за пятьдесят и понявшему, что жизнь его стала склоняться к закату.

Гул голосов и ряды лиц куда-то отступили и исчезли. С тех пор как он себя помнил, он стремился вперед— жизнь всегда лежала за следующим холмом...

Но теперь, за последние пять-шесть лет, его начали посещать другие мысли. Так же медленно, как свет переходит в сумерки, начинал он понимать, что уже познал жизнь. То, что он пережил, и было жизнью, и она казалась такой короткой... Постепенно он терял способность воспринимать опыт. Теперь, как и всегда, он искал удовольствий, но находил только привычное. Все стало давно знакомо и привычно. Мысль о том, что по ту сторону холма нет ничего нового, была ему остяжела. Крупные приключения были пережиты, оставались только мелкие. Видения прошлого все ярче и ярче вставали перед ним. В воображении он снова переживал молодость, снова видел лица и события.

Он вспомнил свою первую работу. Тридцать семь

лет назад. Воспоминание этой сцены было ярким и живым, точно удар в лицо. Тридцать семь лет! Казалось, это было вчера. Бедный, бьющийся за свое существование колледж в горах. Пустые комнаты, потертые учителя. Ряды пробирок, плохие микроскопы, скелет, на ребра которого кто-то в виде шутки привязал тряпки. Холодные битком набитые общежития на том месте, где теперь возвышается внушительный фасад эллермановского дома. Как мало он мог узнать там свет и людей! Профессора сами не знали жизни,—благодушные, кроткие, непрактичные люди. Они думали, что изучение Шекспира и геометрии имеет какое-то отношение к жизненному успеху.

Его первая работа—кувшины с молоком. В четыре часа утра ежедневно он выходил из общежития, запрягал лошадь и развозил молоко по деревне. Весной бывало уже светло, когда он начинал свой объезд. От росы ноги его были мокры; в деревьях пели птицы. Но зимой звезды еще стояли в сереющем небе, и было очень холодно. Белый глубокий снег лежал на холмах. Черные пихты на их вершинах рассекали бледную ленту восхода.

После полудня он, усталый и голодный, дремал, сидя в аудитории.

Затем он очутился в Мидлэнд-сити. На самом деле это была деревня, но ее называли городом, в ожидании великого будущего... Фабрика жестяных изделий Монро. Он получил там место табельщика и кассира. Слонообразные машины резали полосы жести и деликатно скатывали их своими точными пальцами... Толпы людей... Их обеденные судки и вонючие трубки...

Два года он работал, как собака. Он делал один то, что обычно делали трое.

Бегая по разным делам, он думал о разных вещах,

но думал не так, как все люди, а иначе. И наконец, пришел к выводу, что работа абсолютно мешает финансовому успеху. Человек может усердно работать и скопить сбережение, но подобные сбережения его не интересовали.

Идея, что работа—враг богатства, появилась в его мозгу сначала в виде туманного соображения. Постепенно оно затвердело, как кремень. Чтоб нажить состояние, человек должен быть совершенно свободен и независим. Он не может позволить, чтоб его отвлекала работа. Он должен заставить других работать на себя.

После тридцати пяти лет испытания он считал, что это—самая ценная идея, которая когда-либо приходила ему в голову. Всю свою жизнь хранил он ее втайне и не собирался никому открывать. Это было опасно. Представьте себе, что она делается всем известна и все ей верят!.. Он молчаливо снова завернул эту идею в ее покровы и опустил на дно памяти.

2

— Ах, мистер Эллерман,—чирикнул веселый розовый м-р Деннис, когда разговор прервался,—кстати, как дела большого медного треста Мак-Каллума? Слышно, что его акции опять повышаются!

Это было неудачное замечание со стороны молодого м-ра Денниса. За столом у финансистов не принято, чтобы гости спрашивали о биржевых операциях, в которых хозяин может быть заинтересован. Ричард Эллерман мысленно определил м-р Денниса как бестактного человека.

— Ничего об этом не знаю,—ответил он, вынырнув из своей задумчивости, как пловец из воды.—Ровно ни-

чего. Кажется они действительно твердо стоят. Как сегодня стоят мак-каллумские, Перси?

Перси Риддль сосредоточенно уставился в тарелку, как будто стараясь вспомнить. Он был диллетантом биржи, подверженным припадкам биржевой игры, которая обычно не прекращалась, пока он не проигрывал годового дохода. Несмотря на свои общественные связи с финансистами и на великодушные советы биржевых специалистов, он всегда безнадежно ошибался, потому что у него нехватало сообразительности провести какую-либо финансовую операцию.

— Перси—мой авторитет по биржевым делам,—прибавил Ричард Эллерман, мигнув Майкелю Уэббу.

Всем за столом, кроме Хэтнеров и глухой м-с Ллойд, шутка была понятна. Они засмеялись, глядя на Перси Риддля.

— Сделки сегодня кончились по 77 или 78,—наконец, сказал он.—Кажется, 77. А прошлую неделю они стояли на 85. Все же они поднялись. Правда, Эллерман, ведь раньше они стояли на 52?

— Ну, конечно,—произнес Эллерман.

— Ах, пожалуйста, мистер Эллерман, дайте нам совет, прошу вас,—вмешалась мисс Флеминг. Ее смелое подвижное лицо сияло от ожидания.—Я где-то прочла, что вы за всем этим скрываетесь. Будут они еще подниматься, или пора их продавать? Скажите хоть словечко.

Конечно, она ничего подобного не читала, но один из ее знакомых биржевых маклеров сказал ей, что акциями оперирует, как он выразился, свора эллермановских спекулянтов.

— Дорогая мисс,—внушительно обратился к ней Ричард Эллерман,—не следует верить всему, что читаешь. Даю вам честное слово, что у меня нет мак-каллумских акций и что в течение последних десяти лет

я не купил и не продал ни одной из них. Я не верю в биржевую игру, я не спекулянт. Это должно прекратить всякие разговоры о моем участии в биржевых операциях.

Он обвел острым взглядом всех сидевших за столом. Мисс Флеминг казалась разочарованной. Все были смущены.

Сделав это заявление, Эллерман почувствовал удовлетворение. Он любил говорить правду, и то, что он сказал, действительно было правдой. Он не участвовал в биржевой игре. Его единственное отношение к ней состояло в том, что он давал деньги тем, кто играл. Он давал им деньги, а они делились с ним прибылью... Раз план был выработан, он не обращал внимания на колебание цен,—он действительно не знал биржевых бюллетеней и не имел ни одной акции.

Также верно было и то, что он никогда не спекулировал, потому что этот термин неприложим к достоверным вещам, а он занимался только тем, что было совершенно достоверно. Что касается текущей операции с колебанием мак-каллумских акций, то это предприятие располагало достаточным количеством денег, чтобы в случае необходимости скупить все свободные акции компании, имеющиеся на рынке, поэтому не было никаких сомнений в исходе этих операций... В этот момент спекулянты заставляли акции падать и распускали по этому поводу мрачные слухи. Они рассчитывали вызвать паническую продажу этих бумаг, а затем в нужное время нанести продающим удар стальным кулаком, который заставит их пожалеть о том, что они остались живы.

3

Ричард Эллерман кивнул стоявшему поодаль лакею долить его бакал шампанским.

Да, он недолго работал на жестяной фабрике Монро после того, как сообразил, что работа мешает финансовым успехам, но не знал, что делать с этой мыслью, потому что надо было работать, чтобы жить.

Случай решил дело. Как ясно он это помнил!.. Небритый, с ввалившимися глазами рабочий стоял перед окном кассы и просил пять долларов авансом под жалованье. Он помнил, как пальцы рабочего, с черными сломанными ногтями, судорожно вцепились в медную решотку.

— Выдавать авансы против правил,—сказал он рабочему,—но я могу дать вам пять долларов из своего кармана, с тем, чтоб вы отдали мне пять долларов пятьдесят центов при расчете! Понимаете, я возьму с вас пятьдесят центов за одолжение.

— Хорошо,—сказал рабочий.

Он так торопился получить деньги, что почти не слыхал условий.

Это было началом его финансовых операций. Через три месяца у него был капитал в пятьсот долларов, которыми он постоянно ссужал рабочих завода. Это давало ему двадцать пять долларов в неделю. Через шесть месяцев капитал достиг тысячи долларов. А через год у него было три тысячи долларов, на которые он получал пятьдесят долларов роста в неделю.

В один прекрасный день Монро прислал за ним. Эллерман вошел в его частный кабинет, со стен которого глядели три поколения бородатых Монро.

— Прошу вас взять вашу шляпу и немедленно убираться отсюда!—гневно сказал ему Монро.

Ричард Эллерман помнил, что не рассердился. Он всегда находил нелепым раздражаться из-за деловых вопросов.

— Повидимому, вы несколько раздражены,—заметил он хозяину.

— Я возмущен до глубины души,—горячо ответил Монро.—Я только что узнал, что вы весь прошлый год давали рабочим деньги под пять процентов в неделю!— Он помахал бумажкой, которую держал в руках. Она была исписана цифрами.—Двести шестьдесят процентов годовых!..

— Да, но они охотно их платили,—возразил Эллерман.

— Охотно!—сказал Монро.—Еще бы не охотно. Что они понимают в процентах? Это дети, которых любой человек половчее может провести. Это позор!

«Ты мне ответишь за эти слова»,—сказал себе Эллерман, взяв шляпу и уходя с завода.

В тот же день он снял маленькую контору в переулке и повесил вывеску: «Ричард Эллерман, частный банк». Менее чем в год он стал получать шестьсот долларов в неделю, а «Мидлэндовский Вестник» презрительно называл его «наш местный Шейлок». Его дело расширялось. Он давал деньги из шести процентов и ссужал ими клерков и служащих всего города на ростовщических условиях. Потом ему в голову пришел проект— если бы о нем тогда узнали в Мидлэнд-сити, конечно, бы Ричарда Эллермана сочли сумасшедшим,—проект захватить в свои руки компанию жестяных изделий Монро.

Он долго обдумывал эту задачу. Понадобился целый год, чтоб Монро узнал, что Эллерман занимается ростовщичеством из окна заводской кассы. Очевидно, Монро был плохой наблюдатель. Эллерман помнил, что сказал Монро в тот день, когда его прогнал—«Это настоящие дети, их может всякий провести». В этих двух фактах он видел основание слабости противника,—слабости, которой можно воспользоваться.

Первым делом он безнадежно запутал в долгах одного из клерков, служившего в конторе завода Монро.

Через этого клерка он получил одновременно с самим Монро все сведения относительно положения компании, о ее средствах, полученных заказах и о текущих обязательствах.

Эта информация открыла ему, что контора имела крупную текущую задолженность, с большим количеством предъявленных к взысканию и краткосрочных векселей. Прибыли были невелики, дело велось на основе конкуренции; постоянный, твердый доход давали только долгосрочные контракты на поставку изделий.

План Эллермана состоял в том, чтобы загнать клин в организацию.

Если загнать клин покрепче, то результат должен быть катастрофический. Компания Монро будет отделена от источника своих доходов, но не от своих обязательств. Чтобы добиться этого результата, он нашел необходимым захватить контроль над фабричными рабочими.

Его странный прямой ум рисовал ему друг за другом все последовательные шаги, которые надо предпринять.

Эллерман приступил к выполнению задуманного плана. Как художник, создавая картину, накладывает краски на полотно, так он создавал настроение, бросая намеки, сея новые мысли среди своих клиентов.

Когда рабочие с фабрики Монро приходили к нему занимать деньги, он братским тоном обсуждал их положение. «Не следовало бы вам занимать деньги, товарищи,—говорил он добродушно,—а следовало бы их откладывать». Когда человека в лицо упрекают в том, что ему не везет, он инстинктивно отыскивает в душе оправдание. Это—инстинкт нравственного самосохранения.

Рабочие возражали, что заработная плата у Монро слишком низка, чтоб можно было что-нибудь отложить; они колебались между жалостью к себе и досадой.

«Но если вы будете держаться вместе, то сможете добиться повышения заработной платы. Конечно, это дело не мое, — прибавлял он, — и я не хочу, чтобы меня в него вмешивали, но я прямо скажу, что ничего нельзя добиться без борьбы».

Втайне он нанял несколько человек из наиболее беспокойных, чтобы они сорганизовали товарищей в рабочий союз... Это было новостью в Мидлэнд-сити. Союз был тайный, с паролями, шифром, переодеванием, и пользовался страшной популярностью, но существовал подпольно. За сутки до стачки Гарнье Монро не подозревал о существовании союза среди своих рабочих.

После того как эти идеи были пущены в ход, Ричард Эллерман стал проводить ночи за изучением всех деталей финансового положения компании, особенно ее истекающих срочных обязательств, денежной наличности и заказов, имеющихся на руках.

Стачка разразилась молниеносно. Резкое требование большого повышения заработной платы было принято Монро и советом директоров в немом изумлении... Отказ!

Паралич охватил все колеса. Пыль оседала на слонообразные машины, их сильные стальные пальцы смешно подымали полусвернутые жестяные ведра. Требования рабочих казались многим неразумными.

Союз поддерживал стачечников. Но откуда брались деньги у союза, никто не знал. В течение нескольких месяцев тянулась стачка, переговоры были окутаны туманом доказательств и опровержений. Кто-то всем вертел за сценой... Кто-то безмолвный и таинственный. Некоторые думали, что жестяной трест старается разорить компанию Монро и купить предприятие. Ричард Эллерман уверял, что стачка разорила его дело. Конечно,

он терпел убытки, так как рабочие не могли больше платить процентов по своим займам...

После терпеливого ожидания заказчики жестяных изделий начали отказываться от своих контрактов и искать товар в других местах. Кредиторы компании начали предъявлять ко взысканию просроченные обязательства.

Тогда, как раз в тот момент, когда рабочим надоело безделье и они готовы были вернуться к работе,— компания развалилась, как карточный домик. Эллерман явился в суд представителем почти всех крупных кредиторов,— оказалось, что он также был одним из них, так как скупил просроченные векселя и предъявил ко взысканию.

В течение одной недели он представил план реорганизации компании. Вторые акционеры фактически не получили ничего; была создана новая акционерная компания, которая взяла дело в свои руки. Были выпущены новые акции, и Эллерман взял на себя их продажу. За услуги он должен был получить значительное количество этих акций...

Это было критическое время. Иногда ему казалось, что его предприятие лопнет. Никто не покупал акций. Наконец, ему удалось заинтересовать объединение банков в Индианополисе, дав им огромные комиссионные. Они создали искусственный спрос на эллермановские акции, и он продал все акции, которые получил за свои услуги.

Мидлэнд-сити был поражен быстрой сменой событий. Симпатии одних были на стороне упавших духом, бездеятельных Монро, другие же восхищались талантом и практичностью молодого финансиста. «Вестник» перестал называть Эллермана «нашим местным Шейлоком». Он писал о деятельности новой администрации, о новых проектируемых зданиях, об установке новых

машин и «о колесах, шум которых возвращает благосостояние нашим очагам». Город напряженно волновался, пока продолжалась стачка. Все боялись, что завод закроется навсегда. Волнения кончились благополучно. Разница между предприимчивостью и жадностью была стерта.

Возрождение концерна было окутано дымкой финансового романтизма.

Но в намерение Ричарда Эллермана не входило делаться царьком городка, затерянного в прериях. Спрятав двести тысяч долларов наличностью и ценными бумагами в свой чемодан, он взял билет в Чикаго. Ему было двадцать четыре года, он был худ и жаден, как шакал.

Все это всплывало в памяти Эллермана, когда он обводил глазами овальный стол, за которым сидели гости, и задерживал взгляд на лицах женщин, подобных цветам, на тихо говоривших мужчинах, на изысканных блюдах и великолепном фарфоре, на соломенно-желтом вине, кипевшем в бокалах, на внимательных лакеях.

— Все изнежено,—шептал он тихо,—слишком изнежено. И люди изнежены... я—тоже... но, честное слово, в те дни я был настоящий мужчина.

4

День, когда он встретил Клеттербэка, резко выделялся в его памяти. Он пробыл в Чикаго три дня и не знал, что ему делать. Пронзительный ветер нес по улицам снег, бивший по лицу, как стальная пыль. К утру намело целый сугроб перед гостиницей Пальмерса, где он остановился. Люди, входившие в вестибюль, отряхивались от снега.

В гостинице было тепло и уютно. Эллерман стоял,

лениво прислонившись к конторке клерка, и разговаривал о погоде. Вошел старый человек в потертом пальто с поднятым до ушей воротником и, не глядя по сторонам, прошел, шаркая ногами и сгорбив плечи, через вестибюль прямо в буфет.

— Взгляните на этого человека,—сказал клерк,—это самый лицемерный человек во всех семи графствах. Это сам старый Клеттербэк.

— Клеттербэк! Пшеничный король! — воскликнул Эллерман.

Он представлял себе великого Клеттербэка высоким, внушительным человеком, управляющим судьбой других людей с той же легкостью, с какой другие разливают суп.

— Да, он самый. Старый Клеттербэк. Проклятый ханжа. Глядя на него, не подумаешь, что у него настоящий дворец на Мичигане. Говорят, что у него там тридцать пять слуг.

Одно мгновение Эллерман стоял в нерешительности, задумчиво проводя по зубам ногтем большого пальца. Потом двинулся в буфет и сел за столик, откуда мог наблюдать за движениями старика. Клеттербэк, казалось, забыл обо всех. Он наклонил голову над тарелкой и иногда пальцами брал куски мяса. Нос у него был длинный и прямой, губы тонкие и бледные.

Он казался холодным и далеким, как человек, решившийся смотреть на всех людей, как на личных врагов.

Когда он встал, Эллерман пошел за ним. В вестибюле он положил старику на плечо руку и сказал:

— М-р Клеттербэк, мне хотелось с вами поговорить. Мне кажется, я могу сказать вам нечто, что может вас заинтересовать.

Старик стряхнул руку и холодно сказал:

— Я не страхую свою жизнь, как не страхую ничего вообще,—и продолжал итти к выходу.

— Я ничего не собираюсь вам продавать,—продолжал Эллерман, идя с ним рядом.—Я приехал из Мидлэнд-сити специально за тем, чтоб показать вам, как делать деньги.

Едва он это произнес, как почувствовал, до чего это глупо. Он был смущен равнодушием Клеттербэка. Старик остановился на мгновение перед тем, как пройти через вращающуюся дверь.

— Вам придется придумать что-нибудь поновее,— сказал он.—Этот прием устарел, у него уж усы растут. Кроме того, я никогда не разговариваю с нахалами в вестибюле гостиницы...

5

Вспоминая об этой отповеди, Ричард Эллерман трясся от смеха. По каким-то причинам, которые он никогда не мог как следует понять, все его отношения с Клеттербэком казались ему какой-то странной комедией.

— Что вы смеетесь, Дик?—спросила Шарлотта Ллойд, поворачивая то ухо, которым она лучше слышала.—Кто-нибудь рассказал хороший анекдот? Плохо, когда так туго слышишь,—пропускаешь все интересное.

— Нет, Шарлотта, я просто вспомнил старого Клеттербэка. Вы его не знали. Это было в старое доброе время. Ваш муж его знал.

— Конечно, и я его знала,—настаивала она, слегка возмущаясь тем, что с ней не хотели считаться, когда речь шла о воспоминаниях.—Безусловно! Он постоянно бывал у нас, когда этот молодой человек был младенцем.—Она кивнула головой в сторону Бинго, сидевшего визави.

— Что такое о Клеттербэке?—громко спросил Ллойд.

— Ах, я просто о нем вспомнил... Вспомнил о том, как заставил его дать мне работу.

— Расскажите, м-р Эллерман,—сказал Томас Хэнтер,—это, наверно, страшно интересно!

— Просим, просим!—раздалось кругом.

Разговоры за столом сразу умолкли, как граммофон, у которого сняли иголку.

— Он был мудрая птица,—заметил Бинго Эллерман,—я снимаю перед ним шляпу.

— Несомненно, ты обязан это делать,—сказал отец, взглянув на сына в упор.—На твоем месте я снимал бы две шляпы каждый раз, как только упоминается его имя. В некотором отношении это довольно интересная история. Когда я впервые увидел Клеттербэка— его называли пшеничным королем. Он никогда не был так богат, как о нем думали, а иногда он бывал близок к банкротству. Но тридцать лет тому назад он представлял крупную величину. У меня были порядочные деньги, т.-е. порядочные деньги для молодого человека той эпохи, заработанные на реорганизации фабрики жестяных изделий в Мидлэнд-сити. Предприятие было разорено стачкой и лежало на лопатках. Городок жил фабрикой, и надо было что-нибудь предпринять. Меня это непосредственно не касалось, но я был молод, полон сил и задора,—вы знаете, что значит молодость, и, конечно, решил, что это дело как раз по мне.

Все засмеялись.

— Я уже это слышала,—шепнула мисс Меррифильд Майкелю,—он постоянно рассказывает одно и то же.

— Хорошо. Мне удалось, наконец, поднять компанию на ноги. Я работал до полусмерти и раза два думал, что все будет потеряно, однако дело обошлось. Все хорошо, что хорошо кончается. После этого я при-

шел к выводу, что Мидлэнд-сити для меня мал и отправился в Чикаго... Два-три дня спустя я увидел старого м-ра Клеттербэка за завтраком у Пальмерса. Это был странный, гениальный старик. Я много о нем слышал, и мне пришло в голову, что это как раз такой человек, у которого я хочу работать... Хотя у меня и был кой-какой опыт, но только в очень ограниченной сфере, и на самом деле я ничего не знал о методах крупных дельцов. Я решил войти в компанию с Клеттербэком и поучиться...

— Мне часто хочется поступить точно так же,— прервал его Перси Риддль.—Я, хочу сказать,—вы понимаете,—что мне хочется поучиться методам, увеличивающим производительность, и тому подобное...

Замечание Риддля повисло в воздухе без ответа и без успеха.

— Итак, я подошел к нему у Пальмерса,—продолжал Эллерман, и он меня холодно и решительно отбрил. Он не любил людей и не дал мне даже сказать то, что я хотел сказать. Старый чудак! Он сказал, что не разговаривает с нахалами в вестибюле гостиницы.

— Какая фантазия!—воскликнула Блэнч Эллерман,— подумать о тебе, что ты...

— Тогда я решил повидаться с ним во что бы то ни стало,—не обращая внимания на перерыв, продолжал свой рассказ Эллерман.—Отказ всегда заставляет меня делаться настойчивым. Хорошо... После обеда в тот же день я заказал визитные карточки «Ричард Эллерман»,—я решил, что это должно заинтересовать его воображение. Так и вышло. На другой день я пошел в его контору; клерки засмеялись, увидев карточку. Но благодаря ей я был принят. Старик сидел, нагнувшись над своим столом. Я помню его взгляд поверх очков, съехавших на кончик носа. Он не предложил мне

сесть. Только взглянул на меня и сказал: «Вижу, что вы придумали новый трюк. Я занят, начинайте плести». Я хотел с ним работать не за деньги. У меня своих было достаточно. Я хотел учиться и сказал ему это. Безрезультатно. В конторе не было свободного места, а если б и было,—он бы мне его не предложил, сказал он. Он любит, чтоб вокруг него были работники. Так он мне и заявил. Вероятно, потому, что я сказал о своих деньгах, он и подумал, что я не работник. Однако я много работал всю жизнь, работаю и теперь. Тут я это проглотил. Я сказал ему, что люблю работу. Он покачал головой и стал просматривать лежащие перед ним бумаги, причем, перевертывая страницы, постоянно слюнявил палец. Я шел неверным путем. Поэтому я сразу переменил курс. Первое, что я сделал,—это подвинул стул и сел. Затем рассказал ему, как недавно реорганизовал компанию жестяных изделий Монро и снова поставил ее на ноги. Он только хрюкал и продолжал просматривать свои бумаги. «М-р Клеттербэк,—продолжал я, — вы один из немногих, кто может оценить все, что случилось с компанией Монро. Я вам расскажу эту историю без цензурных поправок. Я единственный человек, который знает ее доподлинно». Он ничего не выразил— ни малейшего поощрения,—продолжал слюнявить большой палец и перелистывать страницы. Я изложил ему подробно все дела компании, не щадя ничего. Это то, что нынче называют—вывернуть все наизнанку. Раньше чем я кончил свой рассказ, он перестал рассматривать бумаги, повернулся на стуле и уставился на меня. Мохнатые брови, пронзительные глаза... Смотрел, не мигая. Я думал, что он видит меня насквозь. Когда я кончил, он сказал: «Вам не надо работы, это только потеря времени».—«Наоборот, я хочу

с вами работать. Я могу помочь вам, а вы мне. Получу я у вас место?» — «Конечно, — сказал он совершенно просто, — если хотите». — «Что делать?» — естественно спросил я. Он минуту колебался. — «Мне нечего поручить вам, — сказал он, — но я дам вам конторку и внесу в список получающих у нас жалованье; через неделю мы поговорим». Он нажал кнопку. Вошел какой-то юноша. Он велел поставить ему для меня конторку. «А на каком я буду жалованьи, м-р Клеттербэк?» — спросил я его. «Не знаю, — ответил он, не глядя на меня. — Скажите кассиру, сколько вам надо».

— Вы хотите сказать, что он предоставил вам назначить ваше собственное жалованье? — спросил с интересом Хэнтер.

— Повидимому, так. Я сказал ему, что привык зарабатывать большие деньги. «Хорошо, — ответил он, все так же не глядя, — скажите кассиру, когда обдумаете, сколько вам надо. Больше ничего».

— Сколько же вы назначили кассиру? — спросил Майкель Уэбб.

— Да, сэр, в этом-то и была загвоздка, — продолжал Эллерман. — Сначала я решил, что могу сразу начать с крупного, и колебался между двадцатью и тридцатью тысячами долларов в год. Я знал, что могу заработать вдвое без всякой службы. Я вернулся к Пальмерсу, чтоб обдумать это как следует, и пришел к убеждению, что потребую двадцать пять тысяч. Потом лег спать. Утром меня снова осенило вдохновение. Я пошел прямо в контору Клеттербэка и сказал, чтобы кассир выписывал мне десять долларов в неделю.

— Десять долларов в неделю? — удивился кто-то.

— Да, десять долларов. Я работал с ним четыре года, и мне ни разу не сделали прибавки. Десять долларов обратились в конторе в притчу во языцах. Я по-

мню, в последний год моего пребывания кассир приносил мне десять долларов одной золотой монеткой на подносе,—такая была маленькая комическая церемония.

— Самая интересная часть вашего рассказа,—сказал Майкель,—та, которую вы выпустили. Не расскажете ли вы нам того, что вы рассказывали м-ру Клеттербэку о компании жестяных изделий Монро?

— Нет, не могу,—ответил Эллерман.—Это касается других лиц. В самом деле это невозможно... Впрочем, оно и не представляет ничего особенного, кроме довольно ловкой финансовой комбинации.

— Я уверен, что это было бы хорошей демонстрацией деловых методов,—настаивал Майкель.

— Может быть... Не знаю...—медленно проговорил Эллерман.—Такими демонстрациями я во всяком случае не занимаюсь. Я просто рассказал вам случай из своей жизни.

6

История окончания деловых отношений со стариком Клеттербэком была еще интереснее, чем начало, но это была одна из бесчисленных тайн Эллермана, которыми он ни с кем не делился.

Он быстро завоевал уважение старика, потому что Клеттербэк восхищался молчаливой ловкостью больше, чем всякими другими качествами. В те времена на хлебном рынке было тихо. В течение нескольких лет спекуляция шла спокойным темпом, без особых колебаний. Клеттербэк устремил свою энергию в другую сторону и главным образом на недвижимую собственность. В Чикаго происходили грандиозные приготовления к международной выставке,—дома и участки вокруг Пятьдесят третьей улицы вплоть до Джоксон-парка ежедневно поднимались в цене.

Эллерман, с его огромной приспособляемостью к идеям добывания денег, в течение нескольких недель прекрасно усвоил приемы спекуляции недвижимостью. Он сделался представителем Клеттербэка в этой области и затем усовершенствовал методы старика.

Чтоб захватить чей-нибудь участок, Клеттербэк пользовался только одним способом—он торговался с владельцами до тех пор, пока они от скуки не соглашались на его условия. Этот метод был неверный, капризный, бессистемный и часто безрезультатный.

У Эллермана были более передовые идеи. Он составил план покупки нескольких участков и застройки их дешевыми бараками, убедившись, что закон не воспретит их там возводить, затем начал заселять их поляками, венграми и неграми. Он скупал угловые дома и открывал в них трактиры. Но официально Клеттербэк и Эллерман были непричастны к этим операциям: их проводила фирма Ливард и Хельсей, занимавшаяся перепродажей недвижимой собственности... на деньги, даваемые Клеттербэком. До сего дня в Чикаго проклинают фирму Ливард и Хельсей.

Результатом этого вида колонизации было быстрое понижение цен окружающих владений. Тогда Клеттербэк и Эллерман втихомолку начинали скупать все, что могли, постепенно выживая соседей. Сделать это было гораздо труднее, чем кажется по рассказу, и молодой Эллерман проявил изумительные таланты в этих операциях.

Владельцы окружающих участков добивались проведения ограничительных законов. Клеттербэк и Эллерман присоединялись к их крестовым походам. Но по каким-то неизвестным причинам провести ограничительные постановления в жизнь оказалось невозможным... Даже Клеттербэк не знал, как это делается,

хотя по указанию Эллермана выплачивал разные суммы каким-то людям со странными фамилиями, не имевшим, повидимому, никакого отношения ни к законам, ни к недвижимости.

В самый разгар этих оживленных операций Эллерман встретил у газетного киоска одного человека из Мидлэнд-сити. Этот человек — видный купец — холодно пожал руку Эллермана и поглядел на свои часы. Репутация Эллермана начала меркнуть в Мидлэнд-сити. Городок постепенно узнал, что Монро были коварно выброшены за борт своего предприятия, что Эллерман тайно помогал стачечному фонду, а расходы новой компании были столь велики, что нельзя было дождаться уплаты дивидендов по акциям, которые продавались теперь по шестнадцати долларов (сейчас же после реорганизации они стоили 72), и что — это было самое главное — контроль предприятия перешел из Мидлэнд-сити в руки синдиката в Клевленде.

Итак, человек из Мидлэнд-сити подал руку Эллерману так холодно, точно рыба вильнула хвостом, и щелкнул крышкой часов.

— Как поживаете? — спросил он небрежно.

— Недурно, — ответил Эллерман, — работаю с недвижимостью.

— Доброе дело. А мы в Мидлэнд-сити думали, что из вас выйдет аукционер.

— Нет, я пошел по недвижимости, — сказал Эллерман, — я в компании с Горацием Клеттербэком.

— Вот как! Это новость! — удивился человек из Мидлэнд-сити. — Есть ли у Клеттербэка дочь?

— Да, есть.

Человек из Мидлэнд-сити внушительно хлопнул Эллермана по животу.

— Запомните мои слова,—произнес он,—эта прелестная девица будет м-с Ричард Эллерман.

— С этой точки зрения, я ее никогда не рассматривал,—запротестовал Эллерман.

— Когда-нибудь рассмотрите. Запомните!—повторил приезжий, снова посмотрел на часы и двинулся дальше.

— Впрочем, это в том случае, если отец не разорится,—прибавил он на прощанье.—Если бы это случилось, я возьму свои слова обратно.

В конце концов случайное пророчество купца из Мидлэнд-сити оказалось совершенно правильным. Дочь Клеттербэка сделалась м-с Ричард Эллерман при совершенно безоблачном небе.

В 1896 году Эллерман нажил сто сорок тысяч долларов на операциях с недвижимостью как представитель своего тестя и другую сотню тысяч долларов, работая на свой страх.

И все это, несмотря на то, что в 1896 году было большое затишье в делах. В то время ему было двадцать восемь лет.

Затем Клеттербэк из какого-то неведомого источника неожиданно узнал, что его зять получал комиссию с обеих сторон. Вскрылись дела еще почище. По крайней мере в одном случае (а может быть, и чаще) Эллерман занял деньги у Клеттербэка, купил на них недвижимость на чужое имя и потом перепродал ее тестю. Таким образом, получив деньги от Клеттербэка—процент был очень низкий—он нажил еще на перепродаже ему же. Это была действительно остроумная финансовая стратегия. Но Клеттербэк не оценил ее с этой точки зрения. Он назвал это грубым мошенничеством, что было противоречием в терминах. Это не было ни грубо, ни мошенничество.

Компания Эллермана с тестем распалась, и они не разговаривали друг с другом в течение пяти лет.

Умирая, Клеттербэк завещал все свое состояние дочери, а после ее смерти—ее детям, причем поставил условием, чтобы Ричард Эллерман не был душеприказчиком и чтоб ему «ни под каким предлогом и ни под каким измышлением или хитростью» не давали деньги на руки.

Таким образом состояние Клеттербэка попало в руки Бинго Эллермана. Время от времени нью-йоркские газеты упоминали об этих деньгах, как «о пенсионном фонде для хористок».

7

— Вы все еще заняты обезвздориванием? — спросил через стол Перси Риддль Майкеля Уэбба.

— О, да!—ответил Майкель.—Я продолжаю этим заниматься. Работы больше, чем я могу сделать. Наука обезвздоривания, видите ли,—новая наука, и мы каждый день делаем открытия... Залежи вздора находятся в совершенно неожиданных местах.

— Ах, это так интересно,—заворковала Блэнч Эллерман.—Все эти новые науки. Скажите, обезвздориванье похоже на теософию. Я ужасно ею интересуюсь.

— Не знаю,—совершенно искренно ответил Майкель Уэбб.—О том и другом предстоит узнать еще много нового, раньше чем можно будет ответить на этот вопрос. Наука обезвздориванья есть наука о действительности.

— Тогда это совсем то же, что теософия!—сказала м-с Эллерман и с удовлетворением обвела взглядом стол.

Бинго Эллерман прошептал что-то мисс Торнтон и засмеялся.

— Я читал в какой-то газете, м-р Уэбб,—сказал Франк Ллойд,—что вы говорите, будто вздор есть грозная опасность, которая неожиданно может разрушить весь мир. Правильно ли переданы ваши слова?

— Я не говорил, что мир может быть разрушен. Я сказал только: есть опасность—и очень большая опасность, что вздор может разрушить цивилизацию.

— Как?—спросил Ричард Эллерман.

— Очень просто — неожиданным взрывом действительности,—ответил Майкель.—В мире, полном вздора, м-р Эллерман, мы живем, подобно людям в пороховом складе. Вы зажгли спичку,—и все вспыхнуло... В небольшом количестве вздор значит не больше, чем ничтожное присутствие взрывчатого газа в воздухе, но когда мир заражен вздором, как в настоящий момент, то это становится серьезным. Катастрофа может случиться без всякого предупреждения.

Люди за столом, казалось, на одно мгновение смутились. Майкель говорил авторитетно.

— А что может повести за собой подобная катастрофа?—спросил Франк Ллойд.

— Неожиданное обнажение действительности,—ответил Майкель.—Действительность для вздора то же, что зажженная спичка для пороха. Поэтому я так медленно приступаю к обезвздориванью. С действительностью следует обращаться осторожно.

В течение нескольких минут царило полное молчание.

Майкель Уэбб подумал: как странно видеть столько народа, занятого самосозерцанием.

— Что касается меня лично,—произнес Ричард Эллерман,—молчание оборвалось, словно туго натянутая нить,—я всегда обращаюсь с людьми так, как хотел бы, чтобы они со мной обращались. Вздора мне не надо... Моя старая мать—она была бедной работящей женщиной, но кое-что понимала—всегда говорила, чтобы я руководился в жизни именно этим. *Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы с тобой поступали.* Я всегда помню эти слова.

— Да, в конце концов, это—самое лучшее, м-р Эллерман,—сказала миссис Шэбольт.

— Это правильно,—отозвался Франк Ллойд. Белый хохол на его голове качнулся, когда он наклонил голову.—При занятии адвокатурой это бывает иногда трудновато, особенно, когда знаешь, что клиент неправ. Но когда попадаются такие казусы—сам я лично стараюсь их избегать,—то я всегда помню, что кому-нибудь надо представлять ту или другую сторону в каждом процессе,—иначе не будет правосудия.

— Конечно,—подтвердил Ричард Эллерман.—То же и в финансовом мире. Человеку, возглавляющему крупные предприятия, вроде компаний и трестов, приходится заботиться об интересах своих акционеров, представителем которых он является. Бывало много раз, что при различных деловых столкновениях я готов был уступить своим противникам, но, вспоминая о том, что мне поручены интересы моих акционеров, я оставался непоколебим.

Мисс Меррифильд сказала Майкелю:

— Мне кажется, что здесь представляется случай применить ваш научный опыт.

— Вы совершенно правы! Очень серьезный случай,—ответил Майкель,—но я сегодня не работаю. Сегодня у меня—отдых.

8

Обед подходил уже к десерту, когда явился, к удовольствию своей жены, м-р Шэбольт.

— В чем дело, Роберт?—спросил Ричард Эллерман,—какие у тебя оправдания, или ты еще их не придумал?

— Оправдания?—переспросил м-р Шэбольт и посмотрел на жену.—Какие предлоги? Ах, что я застрял в городе! Нет, я уже обедал,—это относилось к подошед-

шему лакею,—но буду пить кофе и коньяк. У меня есть кое-какие новости для вас. Я оставался в городе, чтоб их дождаться. Это удивительно, позвольте вам сказать. Поразительно!

— Новости? Какие?—Все спрашивали или вопросительно на него уставились.

— Важнейшая новость: большевики в России разбиты! Уничтожены!—Он махал руками, возбужденно выпаливая слова.—Прогнаны! Все вожди сдались. Кроме Троцкого. Он успел бежать.

Глаза всех обратились к новоприбывшему. Перси Риддль опрокинул рюмку с коньяком, но никто не обратил на это внимания.

— Как это случилось?

— «Бостонское Вечернее Обозрение» победило большевиков. Страшное сражение, в котором «Вечернее Обозрение» победило,—продолжал Шэбольт.

— Я не верю,—сказал Майкель.—Это ложное известие.—Я знаю, что «Бостонское Обозрение» воюет с большевиками, но не думаю, чтобы решительная битва могла уже произойти.

— Ах, не думаете?—сказал Шэбольт,—так вот вам газета! Во всех вечерних выпусках,—он развернул газету,—стоит в заголовках: «Жуткая история». Произошло это так. «Бостонское Обозрение» открыло словесный огонь. Лучшие консервативные источники убедительно доказали, что большевизм не может существовать, что он никогда не существовал и что он издыхает.

— Ах, это уже делали!—сказал с отвращением Ричард Эллерман,—толку никакого.

— Один момент!—Шэбольт поднял руку,—дайте досказать. Залпы слов, выбрасываемые съездами экономистов и фабрикантов, вызвали беспорядок в рядах боль-

шевиков, но сражение еще не было выиграно. Тогда «Обозрение» не стало колебаться ни минуты. Оно достало из словаря слово «пситтацизм» * и открыло им беглый огонь.

«Пситтацизм?—спросила м-с Хэнтер.—В самом деле есть такое слово?

— Да, есть,—сказал Майкель,—но употребление его на войне запрещено Гаагской конференцией вследствие его жестокости. Они не имели права употреблять пситтацизм.

— Говорите, что угодно,—возразил Шэбольт,—но отчаянные болезни требуют отчаянных средств. «Обозрение» совершенно сошло с ума. Но это слово все-таки выиграло битву. Они уже собираются ставить памятник пситтацизму.

Некоторое время все сидели в немом изумлении. Это был исторический момент.

— Каково «Обозрение!»—воскликнула м-с Шэбольт.— Это была всегда крупная прогрессивная смелая газета. Я хорошо помню удивительную поэму Элиот, написанную в ее честь в день столетнего юбилея газеты. Я даже ее запомнила.

— Как она начинается, м-с Шэбольт?—спросила мисс Меррифильд.

— Она совсем короткая,—любезно ответила м-с Шэбольт без всякого лишнего смущения, которое обычно проявляют люди, когда их просят декламировать стихи. Она откашлялась и начала:—Поэма начинается так...

Декламировала она прелестно, хотя несколько меланхолично,—подстать стихам.

---

* Попугайничание.

Точно поле ржаное колосьев под ласковым ветром, —
Так довольный подписчик „Вечерней Бостонской Газеты"...
Вечер подходит неслышно, на улицах сизые сумерки
Пробуждают в прохожих желание жизни, а в избранных
Жажду свежего номера „Вечерней Бостонской Газеты".

Я всхожу по ступенькам и медлю, нажавши
На кнопку звонка, обернувшись лениво, как вы
Обернулись бы, чтобы кивнуть на прощанье ему —
Ларошфуко, если б подобна годам улица стала,
А он стоял бы на дальнем углу в самом конце.
Говорю: Генриетта, сестра, я принес тебе номер „Вечерней Газеты".

— Браво! Отлично!—воскликнул Ричард Эллерман,— «Обозрение» очень почтенная газета. Я уже слышал о том, какую она ведет борьбу против радикализма. Кажется, там помещаются наши объявления? Если нет, я внесу ее в список. Такую газету следует поощрять.

— Как чудно вы декламируете,—прошелестела мисс Фанни Торнтон.

— Ах, я немного училась и немножко диллетантка,— сказала м-с Шэбольт, скромно покраснев.

— Поэма кончается слишком резко,—заявил Майкель Уэбб,—не сказано, что делает дальше кузина Генриетта. Если позволите, я прибавлю несколько строк.

— Просим, просим!—раздалось хором.—Это будет весело.

— Я не поэт, как Элиот,—продолжал Майкель,—поэтому мое добавление будет грубовато, но если бы у меня была поэтическая лавочка, я бы прибавил следующие строчки:

Надев на нос очки, Генриетта — сестра — просмотрела страницы:
Первую — ту, что в конце, а потом все страницы под-ряд,
Что находятся между последней и первой, склоняясь,
Как подсолнечник вслед уходящему солнцу.
„Что я вижу, — она говорит, — Джуэтт Спрауль от старости умер.
Я знавала его хорошо во время гражданской войны.
Его мать урожденная Спрингер. Из Род-Айленда Спрингера род".

— Что же,—очень хорошо,—заметил Франк Ллойд,—не говорите после этого, что вы не поэт, м-р Уэбб. Пошлите это окончание к поэме Элиот в «Обозрение»; я уверен, что они это напечатают. Они должны это оценить.

— О, да,—ответил Майкель,—они будут смертельно рады. Поцелуют меня в обе щеки за это произведение моей музы.

— Да, но главное—это конец большевиков!—сказал автомобильный магнат. Итак, «Бостонскому Обозрению» осталось только взять Россию в свои руки и начать ею управлять.

— Я слыхал, что об этом идут разговоры,—сказал Шэбольт,—но сейчас еще ничего нельзя сказать наверное. Вся страна—особенно Бостон—сегодня ликует.

— Мне кажется, что такое слово, как «пситтацизм» может убить, что угодно,—заметил Эллерман.—Повидимому, это нечто вроде словесного ядовитого газа. Вероятно, бедняги почти все вымерли... Что же они сделают с вождями?

— Вероятно, отправят куда-нибудь в изгнание,—сказал кто-то.—Новые Наполеоны на Святой Елене.

— Никакой Святой Елены!—сказал Шэбольт,—кто-то предлагает—я сейчас прочел в этой газете,—чтоб «Бостонское Обозрение» отправило их в Камден в Нью-Джерси и держало их там.

— Почему именно в Камден?

— Очень просто,—ответил Шэбольт.—Вы знаете, что Уот Уитман жил в Камдене двадцать лет. Пока он жил, никто в Камдене не знал, что он там живет, и о нем никто не слыхал. А когда он умер, жители не знают, ни где он жил, ни когда умер, не знают, что он делал, когда был жив. Они знают только, где фабрика граммофонов и консервный завод. Можно пари держать, что

если поселить так Чичерина, то через три года его покроет такое забвение, что найти его будет совершенно невозможно. Будут написаны книги, чтоб доказать, что он действительно жил.

— Такое наказание слишком жестоко,—сказала м-с Эллерман, поднимаясь из-за стола,—«Обозрение» должно быть милосерднее.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПИТАЛАСЬ СОЛНЦЕМ И РОСОЙ

1

На следующий день Майкель Уэбб, прохаживаясь по лугу, случайно очутился около мисс Фанни Торнтон, которая изящно покоилась в плетеном кресле под огромным белым с оранжевым зонтом и наблюдала издали за играющими в теннис.

— Как поживаете, мисс Торнтон?—тихо произнес он.— В этой позе вы еще более замечательны, чем всегда. Заснять бы вас! Снимок вышел бы великолепный.

— Правда? Вы так думаете?—ответила она оживленно.—Постараюсь непременно запомнить это положение для следующей съемки, раз вам это нравится. Ведь вы, кажется, тоже знаменитость?

— Я? Специалист по обезвздориванию не может быть знаменит, он может только пользоваться дурной славой; вот, как это называется. У меня дурная слава.

— О,—сказала великая кинематографическая звезда, проявляя чувство № 18—дружественную симпатию.— Как жаль. Но, ведь, правда, вы знаменитый писатель. Когда-нибудь я непременно прочту ваши романы... и... и... все остальное.

— Конечно, я известный писатель, если вам угодно. Но раз разговор зашел о писателях... Я вижу, вы читаете

Шекспира.—Он указал на маленький серо-голубой томик шекспировской «Как вам будет угодно», лежавший у нее на коленях.

— Да, я изучаю Шекспира. Я буду играть Розалинду в фильме «Как вам будет угодно» Вильяма Шекспира. Конечно, модернизированная постановка. Но как пьесу— я предпочитаю «Гамлета». А вы?—Она взглянула на Майкеля со страстным вопросом в глазах.—О, Шекспир так ужасно много мне дает. Он чу-де-сен!—Она остановилась и грациозно разгладила платье.—Так огромен! Океан! Подумайте только, какие чувства описаны в «Гамлете»!

Майкель был заворожен ее манерой. Ему казалось, что он слушает удивительную говорящую куклу. Его интересовало,—что если б он ее поцеловал?

— Чувства в «Гамлете»...—Он задумался.—А что именно вы чувствуете в «Гамлете», мисс Торнтон?

Она взглянула на него и улыбнулась. Ее глаза напомнили ему темно-синий дождь на далеком летнем горизонте. Увидав ее улыбку, он перестал удивляться фантастичным рассказам о мужчинах, которые, впервые увидев ее лицо на экране какого-нибудь захолустья, возвращались домой на лыжах, завороженные и совсем не такие, какими были раньше.

— О, Гамлет! Гамлет!—продолжала она, драматически простирая руки.—Я чувствую в нем весь широкий божий мир... всю красоту.

Майкель задумался на минуту.

— Да вы, вероятно, умеете хорошо чувствовать,— сказал он убежденно.—Сильнее, чем большинство.

Это замечание было, несомненно, вполне благожелательно, но оно ей не совсем понравилось, хотя ей трудно было бы сказать, почему... Она сидела молча, выражая чувство № 11—молчаливое неодобрение.

2

Мисс Торнтон была сообразительна, но неумна. Ее эмоциональная натура была пластична, как тесто; красива она была настолько, что казалась нереальной. Эта редкая комбинация качеств неизбежно ведет к успеху на сцене. По существу, она для сцены то же, что радий для природы, и, естественно, стоит дорого.

Кинематографическая фирма оплачивала услуги мисс Торнтон жалованьем, по крайней мере в четыре раза превосходящим жалованье любого служащего по торговой, промышленной или финансовой части в Америке. Чтобы составить о нем правильное понятие, поступите так: возьмите жалованье президента С. Штатов, прибавьте жалованье двух председателей железных дорог посолиднее, вроде Пенсильванской или Центральной Нью-Йоркской, впустите четырех средних председателей банка; разведите до густоты кашицы заведующими торговыми отделами и ловкими душеприказчиками—достаточно четырех или пяти,—если надо, добавьте щепоточку бухгалтеров, учителей, стенографов и механиков. В итоге должно получиться около семисот двадцати тысяч долларов. Но агент фирмы по делам печати был настолько захвачен магией величия крупных цифр, что даже врал, сообщая: «Жалованье несравненной мисс Торнтон превышает миллион долларов в год».

Огромный заработок мисс Торнтон не зависел от каких-либо таинственных махинаций с финансовым столпом фирмы,—она не была также ничьей любовницей. Поместить в нее капитал было выгодно—вот и все.

3

Майкель уловил оттенок молчаливого неодобрения и решил, что лучше переменить тему.

— Драматическое искусство... сцена и экран... дра-

матическое искусство...—начал он и запутался.—Я думаю, мисс Торнтон... Как бы это выразить?.. Я хочу сказать, что драматическое искусство отличается от других искусств тем, что крупный артист заслоняет собой самую тему, о которой идет речь. Я хочу сказать, что крупный артист делает сравнительно неважной фабулу пьесы. В других искусствах это не так. Они более безличны. Архитектура—самое безличное, потом скульптура. Кому какое дело до личности скульптора. В литературе автор не делает книги. Книга делает автора.

— Книга делает автора?—неопределенно спросила мисс Торнтон.—Разве не наоборот? Разве не автор делает книгу? По крайней мере, так полагают.

— Я хочу сказать,—он не заслоняет собой книгу. Если же заслоняет—книга плоха. Но крупный актер заслоняет собой содержание пьесы. Это определенно свидетельствует о вырождении работы драматурга. Люди ходят смотреть не пьесы. По крайней мере—большинство людей ходят смотреть актеров и актрис. Настоящая хорошая пьеса должна выдерживать даже очень плохую игру.

— Да. Я знаю. Вы правы. Я всегда говорю, что самая суть в пьесе. Кажется, это сказал Гамлет. А если не Гамлет, то кто-то другой, все равно.

— Самая суть в пьесе,—машинально повторил Майкель.

— Так трудно достать хороший сценарий,—сказала мисс Торнтон.—Вы писатель. Отчего бы вам не написать для меня сценарий? Если вы напишите, мистер Фэллоуз его рассмотрит. Он очень добр к писателям, даже когда они еще не известны.

Мистер Фэллоуз был импрессарио мисс Торнтон. Очень талантливый человек. Он взял ее в свои руки в самом начале ее карьеры. Это он придумал способ об-

учать ее чувствам по номерам. От № 1—изумленное любопытство (широко раскрытые глаза, полуоткрытые губы, правая рука прижата к сердцу)... и т. д. до № 43—безумная любовь (кататься по полу в распахнутом парижском пеньюаре у ног мужчины, обнимать его колени; видно кружевное белье).

— Относительно сценария, мисс Торнтон, я... я...— Он колебался, но не долго. Вы, вероятно, встречали людей, похожих на Майкеля Уэбба. Они согласны на все в тот момент, когда это их занимает.

— Моя главная сила на экране, мистер Уэбб, это— очарование. И в сценарии мне нужна именно роль с очарованием.

И она так лукаво и задорно взглянула на Майкеля, что сердце у него подпрыгнуло и он сразу поверил, что быть очаровательной для нее вполне естественная роль.

— Несомненно!—прошептал он.

«На что женщине ум,—думал он молча.—У Елены Прекрасной ума не было, между тем из-за ее физиономии двинулась тысяча кораблей, сгорели башни Трои и т. д.».

— Я никогда не пробовал писать сценариев,—сказал Майкель вслух.—Но у меня в голове есть одна пьеса, которую легко будет приспособить для экрана. Я ее еще не написал.

— Если это не секрет, вы могли бы мне ее рассказать,—предложила она.—Конечно, моя роль в ней должна быть выдающейся. Разумеется, вы это понимаете— выдающейся и очаровательной...

— Нет, нет, это не секрет. Я единственный человек в мире, который мог бы ее написать, и я могу рассказать о ней кому угодно. У вас была бы и выдающаяся и очаровательная роль. Рассказать вам?

— Ну, конечно,—ласково сказала она.

Захлопнув томик Шекспира, она лениво потянулась и свернулась комочком в кресле. Завсегдатай кино узнал бы позу из «Марджори», где она играла роль балованной крошки, слушающей сказки дедушки.

— Действие происходит внутри Джона Смита,—начал Майкель.—Место—внутренности Джона Смита. Время—настоящее. Текущий момент.

— Внутри Джона Смита?—неуверенно произнесла мисс Торнтон своим серебристым голосом.—Где-е?

— Это очень просто, мисс Торнтон. Джон Смит—средний обыватель и действие пьесы—это аллегория—происходит внутри его. Величайшие трагедии жизни происходят внутри нас, конечно, это вам известно. Но внутренняя драма мало затронута. Субъективная драма—огромная область... Сцена сначала затянута темнокрасным плюшем; затем—художественные эффекты будут разработаны кубистически.

— Внутри Джона Смита,—тревожно прошептала мисс Торнтон и повернула лицо к Майкелю.

— Не делайте этого,—сказал Майкель,—а то я не смогу рассказывать дальше. Когда вы смотрите на меня, я начинаю думать о другом... Да, так лучше. Благодарю вас.

— Внутри Джона Смита,—повторила мисс Торнтон печально.—Право, это похоже на какую-то немецкую фильму. Я... я сомневаюсь, что это пойдет. Так и будет называться: «Внутри Джона Смита?»

— Нет, не так. Это просто место действия. Потом мы, конечно, придумаем хорошее заглавие... Итак, мисс Торнтон, первое действующее лицо—входит Коктейль. Это веселый малый в желтых обтянутых шелковых штанах, в красной жокейской фуражке, это—Мерри-Коктейль. Некоторое время Коктейль один на сцене. Он

произносит монолог, полный оптимизма, потом ходит вверх ногами и, устав, начинает поворачивать ручки и нажимать кнопки по всей комнате.

Таким образом он нечаянно открывает створку и видит—зрители тоже видят,—что Склонность-к-Добродетели все время присутствовала на сцене. Коктейль робко глядит на нее. Это—маленькое серьезное существо, с большими глазами и лицом, как у Медж Кеннеди. Коктейль на минуту конфузится, потом снова принимается выкидывать разные штуки. Вскоре ему удается рассмешить Склонность-к-Добродетели. Тогда он подходит к ней ближе и тычет ее пальцем в бок. Она ударяет его по лицу.

— Это не будет грубо?—заметила с сомнением мисс Торнтон.

— Нет, это нисколько не грубо. Это—философская аллегория... Дурачась, Коктейль нажимает нечаянно какую-то кнопку, в стене открывается дверь, и входит Отвага. Это—высокий здоровый актер в коричневой фуфайке и штанах. У него хвастливый вид и низкий голос... Отвага стоит за то, чтобы немедленно выкинуть за окно Склонность-к-Добродетели. Но пока они об этом спорят, на сцену входит Обед-из-семи-блюд.

— Обед-из-семи-блюд!—Рука мисс Торнтон, сверкнув бриллиантами, слабо коснулась лба; артистка закрыла глаза—чувство № 15.—Обед-из-семи-блюд—настоящее действующее лицо?

Майкель понял, что ее ум медленно создает образы.

— Конечно. Почему бы нет?.. Он очень милый. Очень толстый, с красным лицом. Он не ходит, а переваливается. Вместо шляпы на нем салатник—тут удивительные возможности для костюмера—и костюм из супа с пирожками.

— Это как?—спросила мисс Торнтон.

— Право, не знаю, как это сделать. Костюм—суп с пирожками... Это дело костюмера. Итак, он в хорошем настроении и прекращает ссору. Склонность-к-Добродетели награждает его улыбкою. Обед-из-семи-блюд—смеется и ходит по сцене, спрашивая, где Любовь. Он принимает Склонность-к-Добродетели за Любовь, но она качает головой. Тогда Коктейль вызывается найти Любовь и исчезает, делая сальтомортале. Он уходит. Отвага, Обед-из-семи-блюд и Склонность-к-Добродетели ведут разговор втроем. Коктейль возвращается с Любовью. Она изысканно прекрасна,—в обработке для экрана. Любовью будете вы. В руках у нее жезл; платье из мягкой мерцающей материи; на лбу звезда... Итак, она появляется и усаживается на трон, покрытый синим бархатом и усеянный звездами... Склонность-к-Добродетели ловит взгляд Любви и молчаливо скрывается. Но когда Обед-из-семи-блюд берет Любовь за подбородок, входит Хроническая-Диспепсия *...

— О боже!—воскликнула мисс Торнтон (это было естественное чувство, не из списка).

— ...и печаль охватывает всех действующих лиц. Хроническая-Диспепсия—маленький сварливый старичок; сгорбленный, в длинном черном плаще. Он ходит по сцене с тяжелой палкой—стук, стук, стук,—жалуется и ворчит... Вдруг свет гаснет, раздается вопль; одна секунда,—свет загорается снова. В центре сцены стоит Ошибка...

— Ошибка?—прервала мисс Торнтон, и ее прекрасные глаза глядели вопросительно.—Какая ошибка?

— Вообще — Ошибка. Это—придурковатый малый, одетый в пестрое тряпье; он дрожит в безмолвном страхе. Любовь и остальные действующие лица глядят на него расширенными от ужаса глазами. «Что такое?—

* Расстройство желудка.

спрашивает громко Отвага,—говори, или я тебя расшибу».

Бедняга не в состоянии говорить: его челюсти истерично двигаются, не издавая ни звука, колени трясутся, он указывает на дверь, в которую в этот момент входит...

— О, постойте, постойте!—отчаянно вскричала мисс Торнтон,—дайте же мне все это сообразить, прежде чем вы скажете, кто еще там входит.

Майкель вежливо помолчал, потом продолжал свое повествование:

— Лицо Ошибки бледно, голос отказывается служить. Она указывает дрожащим пальцем... В этот момент входит Мышьяк.

— О, мистер Уэбб, мистер Уэбб!—воскликнула мисс Тортон.

— Да, Мышьяк. Он одет в занятное переливающееся светло-зеленое платье, с красными кистями, спускающимися с головы, как языки пламени. Глаза у него дикие, и он невнятно бормочет. В воздухе гроза.

«Дальше от него!—кричит в ужасе Любовь,—дальше от него!» Мышьяк бешено бегает по сцене, рвет декорации и бьет действующих лиц. Минутная паника... Отвага мужественно бросается ему навстречу, но падает в обморок. Тогда Хроническая-Диспепсия выходит вперед. Любовь закрывает лицо руками. «Не бойся,—говорит старческим голосом Диспепсия,—не бойся, я его прогоню». И старик начинает бить Мышьяка, молотить по нему палкой, как цепом... Вы как Любовь сидите на троне, наклонившись немного вперед, глаза широко открыты, левая рука поднята к щеке, правая на сердце, так, как вы сидели сию минуту.

— № 26,—тихонько пробормотала мисс Тортон.

— Занавес опускается на том, что Диспепсия прого-

няет Мышьяка со сцены. Это первый акт. Что вы о нем думаете?

— Прошу вас, мистер Уэбб... прошу вас,—сказала она, взяв книгу и собираясь встать,—пожалуйста, не пишите сценариев.

— Вы думаете, что я подорву кинематографическую промышленность, если займусь писанием сценариев?

— Нет,—она важно покачала головой и встала,—но вы можете доставить себе много, очень много неприятностей. Я никому не скажу ни слова об этом. Я обещаю вам.—Мисс Торнтон мягко положила руку ему на плечо.—Если вы будете это делать, я уверена, с вами случиться несчастье... Займитесь чем-нибудь другим. Кинематография очень возбуждает, вам это вредно.

— Я вижу, вам не нравится, моя пьеса, мисс Торнтон.—Майкель тоже поднялся.—Но вы прослушали только один акт. Пьеса кончается счастливо. Честное слово! Появляется герой. Он ухаживает за вами. Это старая, старая история о встрече избраных душ, с силуэтным поцелуем при постепенно гаснущем свете. «Звезды и полосы» в оркестре, под которые идет дальше видовое морское обозрение. Неужели вы не дослушаете до конца?

— Нет, только не теперь, мой дорогой, дорогой мистер Уэбб.—Она протянула ему руку, и он увидел, что в глазах ее стояли слезы.—И, пожалуйста, не переутомляйтесь, что бы ни случилось, будьте хладнокровны. О, мне так жаль вас!

Майкель бросился за ней. Ему пришла в голову неожиданная фантазия.

— Мне хотелось спросить вас, мисс Торнтон, как вы думаете, не вредно в моем состоянии сыграть партию в гольф?—спросил он задохнувшись.

— Почему же, мистер Уэбб? Я думаю, что нет,—

ответила она с прелестным оттенком жалости.— Свежий воздух, знаете ли, свет и солнце, все это вам полезно.

Он смотрел, как она шла через лужайку — грациозная, легкая, сияющая.

4

Лунный свет забытых морей
таится в ваших глазах.

Майкель пошел смотреть на играющих в теннис, но вскоре бросил это занятие, потому что никак не мог сосредоточить внимание на том, что делали игроки. Он был впечатлителен. Он был способен влюбиться в женщину, которой нисколько не восхищался, что, как известно, служит признаком истинного любовника. Майкель был готов любить женщину сегодня и забыть ее завтра. Не слишком волнуясь, если женщина его позабудет, он был готов и к тому, чтобы женщина его любила. Он обладал способностью любить трех, четырех женщин зараз, причем каждую по-особому. Последнее искусство нами забыто. Во времена Боккачио им в высокой степени владели флорентийские джентльмены. Он сам определенно упоминает об этом. Теперь оно утрачено, как утрачена тайна тирского пурпура или искусной выделки хрупкого стекла. Но Майкель Уэбб чувствовал: представься случай, он мог бы это искусство возродить.

5

После обеда Майкель и Ричард Эллерман отправились на автомобиле в гольф-клуб. Великий финансист играл в гольф с злобной горячностью. Казалось, он смотрит на безобидные резиновые мячи, как на личных врагов,—так беспощадно он бил по ним. Почти при

каждом ударе он задевал по земле и выбивал ямку, которую тщательно зарывал терпеливый мальчик.

— В эту игру мой сын может дать мне сто очков вперед,—сообщил он Майкелю Уэббу.

Они быстро прошли от первой мачты до пятой ямки, и это была первая фраза, произнесенная Ричардом Эллерманом, не считая нескольких проклятий по адресу искусственных препятствий, площадки и закатившихся мячей.

— Во всех других отношениях мой сын полный неудачник, но хороший игрок в гольф. Вы с ним играли?

— О, да,—ответил Майкель.—Я играл с ним. Он замечательно играет в гольф... Вы слишком спешите!

— Разве? Возможно. Когда я что-нибудь начинаю делать, мне хочется кончить как можно скорее.

— Ну, а я не Джим Бэрнс,—продолжал Майкель,— я—философ по профессии, а философы не очень искусны в спорте на вольном воздухе, как вам известно.

— Зато, говорят, они замечательно преуспевают в комнатном,—сказал Ричард Эллерман с кудахтающим смехом.—Больше, чем кто другой,—загадочно прибавил он, опускаясь на колени и осторожно положив мячик на маленькую кучку песку. С напряженным вниманием он рассматривал белый шарик на нелепой кучке и даже смахнул несколько песчинок, лежавших перед ним. Затем смерил ее глазом и переделал кучку.—Очень высоко,—бормотал он под нос.

«Все симптомы заядлого игрока в гольф»,—думал Майкель.

Эллерман выпрямился, взглянул на Майкеля и спросил:

— Вы уже мастер-философ или еще ученик? Вот, что мне хочется знать.

— Мастер. Я уж отслужил срок подмастерьев и готов философствовать на любую тему в любой момент

по требованию. А также принимаю починку. Если ваша философская система расшаталась, я ее вам соберу— обезвздорю за подходящую цену.

— Вы не можете обезвздорить меня,—заметил его собеседник.—Я всегда избегал лишнего. Я простой честный человек, говорю прямо и...

— Вы один из тысячи,—прервал его Майкель.

Эллерман медленно поднял палку и обрушил ужасный удар на мяч, который откатился вправо.

— О, чорт!—выругался Эллерман.—Смотрите, пожалуйста. Это потому, что я думал о другом, когда бил.

У десятой ямки он вдруг решил бросить игру. Его интерес к игре упал в забвение, как камень падает в колодезь. Отдав палки мальчику, он порывисто повернул к клубу, по дороге разговаривая с Майкелем о популярности эллермановского автомобился и о его распространении за границей.

— Между прочим, ваш друг Хэнтер—способный молодой человек,—заметил он.—Он служит в нашей компании несколько лет, но до вчерашнего дня мне не случалось с ним разговаривать. Я думаю, он говорил вам о своем плане относительно того, чтобы компания сама изготовляла и продавала запасные батареи? Не так ли?

Ваш друг Хэнтер! Майкель видел его один единственный раз перед тем, как тот приехал в «Тенистый Луг», но не счел нужным сказать об этом.

— Кое-что он мне сказал, немного.

— Итак, вы философ по профессии; мне бы хотелось, чтобы вы пофилософствовали немного насчет этого и сказали, что мне делать.

Майкель улыбнулся.

— Вы уже решили, и я отказываюсь пускать ток, чтоб освещать вопрос, который уже решен. Знаете вы,

во что мне обходится порча и производственные расходы каждый раз, когда я начинаю философствовать?

— Почему вы знаете, что я уже решил это?—Эллерман задал вопрос холодным гнусавым голосом и отнюдь не добродушно.

— Потому что вы решаете в пять минут,—сказал Майкель самым деловым тоном.—Вы были знакомы со мной не более пяти минут, когда решили, что я не стою ломаного гроша.

Несмотря на свое обычное самообладание, Эллерман был несколько озадачен грубой откровенностью этого наблюдения.

— Н-да. Я... я... а разве?—запнулся он.—Разве вы стоите ломаный грош? Видите, откровенностью вы меня не перешибете.

Неожиданно в нем проснулась симпатия к Майкелю Уэббу, и через минуту он уже думал о том, как его пристроить на службу в компанию.

— Вы не могли бы задать вопроса глупее—ни мне, ни кому другому—хотя бы всю жизнь старались,—добродушно возразил Майкель.—В глубине души каждый человек о себе хорошего мнения, несмотря на то, что говорит противное. Если б не это, он не мог бы выдержать своего собственного существования. Держу пари, что вы довольно-таки хорошего мнения о себе.

К Эллерману вернулась веселость. Он желал обладать этим независимым и прямым человеком. Он восхищенно взглянул на Майкеля и положил руку ему на плечо.

— Я нуждаюсь в таком человеке, как вы, очень нуждаюсь. Как вам нравится быть вице-президентом эллермановской компании?

— Я, разумеется, страшно польщен,—ответил Майкель,—но из этого ничего хорошего не выйдет. В самом деле. Кругом так много вздора, что я буду опасен.

— Ну! — сказал автомобильный магнат, — не будьте так стремительны, обдумайте, не торопясь. Я предлагаю вам довольно выгодное дело.

Они молча дошли до клуба. Когда они выходили на веранду, Ричард Эллерман дотронулся пальцем до жилета Майкеля и медленно произнес:

— Теперь слушайте. Около эллермановских автомобилей действительно много вздора. Это вы верно сказали. Я знаю это не хуже вас и так же против этого, как и вы... Но я считаю, что вы и я вместе можем отделаться от него.

Майкель покачал головой и не ответил. Когда Эллерман исчез, чтобы переодеться, наш философ грустно отвернулся и прошептал:

— Какой в этом толк?

6

Пока Майкель Уэбб с хозяином дома играли в гольф, мисс Фанни Торнтон сидела в своей комнате у письменного стола из розового дерева и писала очередное ежедневное письмо своей подруге.

Мисс Торнтон никогда никого в сущности не любила, кроме, конечно, своей дорогой мамы, братьев и сестер, хотя много говорила о любви и претендовала на то, что понимает ее.

В глубине души она не верила в существование такой вещи, как романтическая любовь. Все это игра. Люди женятся, чтобы были дом и семья, а любовь придумана. Она объясняла себе разрушительные сердечные трагедии, о которых пишут в газетах, весьма просто: эти мужчины и женщины сошли с ума и серьезно отнеслись к игре. Но если мисс Торнтон не верила в любовь, то верила в глубокую дружбу. Она знала, как можно обожать подругу. Ее подруга была Кэтрин Хэндерлей в

далеком Лос-Анжелосе. Они ежедневно писали друг другу подлинно реалистические письма. Она радовалась мысли, что пять ее писем находятся в пути к Китти, а пять писем Китти—на пути к ней. Она видела умственным взором, как они пересекают материк—маленькие, белые конверты.

Перевернув страницу, она писала:

«...встретить милую Бленч. Я ее люблю не так, как тебя, моя дорогая, но она очень мила и артистка до мозга костей. Я хочу, чтобы ты знала всех, с кем я знакома. Когда я встречаю нового человека, мне сейчас же приходит в голову: а что о нем подумает Китти?

«Этот мистер Уэбб, о котором я упомянула вчера,— писатель; какие он написал романы—не знаю. Он пытался рассказать мне вчера сценарий, который хочет написать. Я просила его об этом, когда он сказал, что у него есть сценарий, хотя теперь, право, не понимаю, зачем я его просила об этом. Это вышло само собой, как бывает в разговоре. О, Китти, что за сценарий! Честное слово, он перепугал меня до безумия, хотя он настоящий джентльмен и у него такие хорошие манеры.

«У него такие страшные идеи. Одно из действующих лиц в его сценарии называется Больной Печенью, и все происходит внутри человека. Можешь себе представить, что это за вещь, Китти! Он называет это субъективной драмой. Просто сумасшедший! Я это подозревала и повернулась, чтоб посмотреть ему в лицо—это ведь всегда видно по глазам,—и как ты думаешь, что он мне сказал? Он сказал: «Мисс Торнтон, пожалуйста, смотрите в другую сторону, я не могу рассказывать, когда вы на меня смотрите»... Бедняга, знает, что не все у него в порядке, и не хочет выдавать своей тайны. Очень его жаль—настоящий джентльмен».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

БИНГО УДАРЯЕТСЯ В ПОЭЗИЮ

1

Томас Хоктон Хэнтер прохаживался по большому холлу в стиле Тюдоров, когда перед ним появился Бинго Эллерман. Было около одиннадцати утра.

— А, вы уж тут,—весело приветсвовал он Хэнтера.— Как сегодня ваши делишки?

— Недурно, мистер Эллерман,—ответил Хэнтер.— Как вы поживаете?

Он не без восхищения оглядел костюм Бинго: в темно-синей, ловко сидящей паре был невидимый отпечаток Сент-Джемса с Джеринг-стрит.

— Скажите, я вчера не совсем уловил вашу фамилию,—сказал Бинго,—Мэнтер, Гэнтер... как вас? Вы актер, поэт или что-нибудь вроде этого?

— Нет, мистер Эллерман,—с улыбкой ответил Хэнтер,—я не имею чести быть ни актером, ни поэтом. Я для этого как будто слишком практичен.

Он извлек из кармана тонкий кожаный бумажник с монограммой и стал вынимать карточку.

В этот момент мисс Фанни Торнтон прошла через холл, держа в руках свой серо-голубой томик «Как вам будет угодно». Бинго расцвел, как клумба на солнце.

— О, как вы поживаете, мисс Торнтон?—произнес он радостно.—Какое прекрасное утро, не правда ли?

Хэнтер удивленно смотрел на эту встречу. Хотя ему и попадалось в газетах кое-что о подвигах Бинго, но все же он не имел настоящего предтавления об установившейся за ним репутации помеси Казановы с комедиантом.

Бинго жадными глазами проводил мисс Торнтон.

— Хороша штучка,—заметил он Хентеру.—А как задается! Так вы говорите, что вы не актер и не поэт. Как же это вы сюда затесались?

— Я не затесался, м-р Эллерман,—ответил Хэнтер,—не в моих привычках навязываться людям. Может быть, эта карточка,—он сунул свою карточку в руку белокурого гиганта,—даст вам представление о моем положении и о том, почему я очутился здесь.

Передавая карточку, он церемонно поклонился.

Бинго посмотрел на картонный прямоугольник и прочел тихим мерным голосом:

— Томас Хоктон Хэнтер, вице-президент автомобильной компании Эллерман,—и спросил:—Это ваша фамилия?

— Это мое имя и звание,—ответил Хэнтер.

— То-мас Хок-тон Хэн-тер,—повторил Бинго. Он держал карточку в левой руке и дирижировал правой.—Но это же можно переложить на музыку!—воскликнул он.—Вы об этом не думали? Конечно, нет... И не говорите мне этого, не говорите. Вы сами знаете, что я первый это придумал. Вам непременно надо прибавить здесь строчку нот,—он показал на низ карточки.—Попробуйте это на своем тромбоне. Масса народа так бы сделала.

— Я... э-э... я...—заикался Хэнтер с загоревшимися от гнева глазами.

— Постойте, постойте, постойте.—Бинго дружелюбно положил руку на плечо Хэнтера.—Не прерывайте меня, мой ум работает. Теперь слушайте:

Томас Хоктон Хэнтер
Сделал карбюратор,
Ему он не удался.
Тут же переделал
Томас Хоктон Хэнтер...

Тут не вышло. Надо рифму на «удался». «Продался», «задался», «сорвался»... Придумайте же что-нибудь. Не будьте таким кислым... Ой, готово!

...И на шкаф забрался...

Каково?Пожалуй, что не очень хорошо. Карбюраторы не летают. Впрочем, предоставлю это вам. Вы можете сами отделать как следует.

Пальцы Хэнтера дрожали, когда он брал карточку из рук Бинго. Разорвав ее на мелкие куски, он бросил их на пол и отвернулся.

— Эй, вы,—подошел к нему Бинго.—Чего вы обиделись? Если бы я знал, что вы так реагируете, я не стал бы играть с вами. Идите-ка сюда и придумайте что-нибудь на мой счет. Это вас успокоит. А я могу дать вам хороший совет.

Но Хэнтер, не отвечая, вышел на террасу.

Ричард Эллерман-старший медленно поднимался по ступеням. Увидев его, Бинго подобрал обрывки бумаги.

— Взгляни, папа.—Он показал отцу кусочки картона.—Надо приглядывать за этим Хэнтером. Он портит имущество компании.

Они стояли рядом; сходство между молодым человеком и его отцом сразу бросалась в глаза. Та же форма головы, тот же цвет глаз, и всего ярче—сходство же-

стов. Эллерман-старший строго смотрел на сына, но в глазах его неуловимо искрилась веселость.

— Что все это значит?—спросил он.

— Да вот вице-президент Хэнтер рвет и бросает свои карточки,—он указал пальцем на буквы на одном из обрывков,—и ведь гравированные. Держу пари, что не дешевле двух центов оптом. Вам следует донести об этом в отдел экономии. Конечно, это пустяки, но пенни сберег—пенни нажил. Я всегда слежу за такими вещами.

— Что ты наговорил Хэнтеру?—Почему он это сделал?

— Как будто ничего особенного не наговорил,—ответил Бинго.—Что-то о карбюраторах. Дай вспомнить. Кажется, я сказал—так между прочим,—что сегодня хорошая погода для карбюраторов. А он разорвал карточку, бросил ее и с гневным воплем скрылся за дверью: он не любит карбюраторов. Может быть, у него с ними были неприятности...

— Разреши мне тебе сказать,—горячо заявил Ричард Эллерман,—что я не позволю дразнить и насмехаться над людьми в моем доме. Можешь проделывать это где угодно, но только не здесь.

— Хорошо, я постараюсь это исправить,—сказал Бинго.

Он стал необычайно мягок. Отец быстро отошел, чтобы скрыть улыбку, от которой не мог больше удержаться.

Хэнтер стоял на террасе, засунув руки в карманы и мрачно смотрел на расстилавшуюся перед ним аллею. Бинго тронул его за локоть.

— Я обдумал это, мистер Хэнтер,—начал он,—и я должен сказать, что мне очень жаль... мне очень жаль, что вы разорвали и бросили вашу карточку. Я принес вам эти кусочки.

Он вложил обрывки карточки в руку Хэнтера, спустился по ступеням на луг и свистнул собаке, которая прыжками догнала его.

2

— Если он хотел меня оскорбить, почему он не сделал этого открыто и прямо, как подобает мужчине?— выпалил Хэнтер Майкелю Уэббу. Он увидел читавшего на лугу Майкеля и, повинуясь непреодолимому желанию иметь наперсника, желанию, которое является после неожиданной вспышки гнева, изложил ему всю историю о Бинге Эллермане, стихах о карбюраторе и изорванной карточке.

— Он предложил мне сыграть мое имя на саксофоне,—продолжал молодой человек с укором и возмущением во взгляде.—Хорошо! Моя фамилия, конечно, не Эллерман, но она ничем не хуже. И я это ему выскажу. Так оскорблять людей!..

— Нет, Хэнтер, он совсем не хотел вас оскорбить,— сказал Майкель.—Это просто была шутка. Он шутник от природы.

— Ему стоит только спросить отца, чтобы узнать кто я. Пусть спросит! Хорошая шутка, по-вашему?

— Да, всего-навсего шутка,—и больше ничего.

— Довольно глупо для мужчины шутить так с человеком, которого не знаешь. Вот все, что я могу сказать.

— Да, довольно-таки безвкусно, но за это его не приходится осуждать. Существует масса безвкусных вещей, с которыми мы все-таки как-то миримся.

Хэнтер раздраженно проговорил:

— Я и дня не хочу оставаться в этом доме, я разговаривал с ним, как джентльмен с джентльменом. Я...

— Слушайте,—воскликнул Майкель и подвинул пле-

теное кресло к молодому человеку,—сядьте и слушайте. Вы желаете ладить с этими людьми?

— Да, желаю, но я не буду жертвовать своим самолюбием, чтобы ладить с кем бы то ни было!

— Хорошо! Очевидно, у вас некоторое перепроизводство самолюбия,—вставил Майкель,—но я хочу вам дать действительно полезный совет. Люди этого типа и здесь и повсюду часто обладают скрытой демоничностью. Это—современные пираты. Я это говорю не в осуждение. Лично мне современные пираты нравятся, хотя думаю, что их ценность как национального имущества—сомнительна. Кроме того, им смертельно скучно. Поэтому они легко пускаются на всякие грубые шутки, зубоскальство, подозрительные любовные приключения и на всякую комедию вообще. Теперь, если вы будете поддаваться этому настроению, то окажетесь здесь совершенно не на месте. Вы видите, я откровенен.

— О, я хочу, чтоб вы были откровенны,—сердечно сказал Хэнтер.—Действительно, может быть, я отнесся к этому слишком серьезно. Теперь я жалею, что так рассердился. Но я не буду извиняться, нет, сэр, я не буду!

— Извиняться!—воскликнул Майкель,—что вы, дорогой мой мальчик! Если вы вздумаете извиняться, он сочтет вас за пресмыкающуюся дрянь. Нет, не валяйте дурака! Хотите, я научу вас, как разрешить эту проблему?

— Да, что бы вы сделали?

— Сделайте так, как я вам скажу, и вы увидите, что положение сразу прояснится. Как только вы снова увидите м-ра Ричарда Эллермана-младшего, остановитесь перед ним и залайте: вау-вау-вау и лайте громче, вот так...—Майкель залаял собакой, и Хэнтер засмеял-

ся. Лайте на него, где бы вы ни оказались, и кто бы ни был рядом.

— А если тут будет его отец или кто-нибудь из дома?

— Лайте еще громче. Нет, я вас не надуваю. Вы можете мне верить. Тогда он что-нибудь скажет. Я не знаю, что именно, да это и безразлично. Как только он заговорит, повернитесь и скажите: «Гы! А я ошибся, голубчик!»

— О, я не могу сказать такой глупости,—уверял Хэнтер.

— Вы можете, потому что это не так глупо, как кажется. Я вам скажу, почему. Это—глубоко психологично. Поступайте все время в таком духе и через час вы подружитесь с ним, как старый школьный товарищ.

— Я хотел бы подружиться с ним,—сказал Хэнтер,—но я не хочу валять дурака.

— Но вы не можете дружить с ним, не валяя дурака.

— Хорошо,—согласился Хэнтер,—буду!

— И отлично! Валяйте! Между прочим, если вам нечего делать, пойдемте прогуляться после завтрака,—предложил Майкель и поднялся, чтобы итти в дом.

— Конечно,—ответил Хэнтер, страшно польщенный.—Я очень хотел бы обсудить разные темы с таким человеком, как вы.

3

— Я рад возможности поговорить с вами подольше,—сказал Томас Хэнтер, когда после завтрака они с Майкелем шли под вязами аллеи, ведущей из деревни к поместью Эллермана.—Мне редко приходится обмениваться мыслями с человеком, который занимается настоящим мышлением.

— Да, вы попали в самую точку,—сказал Майкель.— Я действительно здорово занимался мышлением.

— Я знаю,—торжественно подтвердил Хэнтер.

За низкой каменной оградой виднелся далекий ленивый Гудсон, медленно текущий между холмами. Над ними простирался величественный синий купол неба. Птичка с глазами, как бусинки, с длинным хвостиком робко следовала за ними, прыгая по стене.

— Сядем здесь у дороги,—предложил Майкель, указывая на заросшую травой насыпь вдоль стены.—Сядем тут и поговорим... Подождите минутку.—Он перебежал дорогу с перочинным ножом в руках и вернулся с прямой палочкой дюймов десяти длиной.—Пока мы разговариваем,—объяснил он,—я вырежу говорящую палочку.

— Говорящую палочку? Что это такое?—спросил Хэнтер, сев на траву и прислонившись к стене.

— Это—тотемный столб в миниатюре. Я научился их делать, живя среди индейцев племени тлинклат. Они вырезывают свои легенды на таких говорящих палках. Все рассказывается в символах—в виде птиц, людей, змей и так далее.—Он критически осмотрел круглую ровную палочку и прибавил:—Из этого должно хорошо получиться.

Вырезыванье палочки, с точки зрения Хэнтера, было весьма человечным обывательским поступком для философа. «В конце концов,—подумал он,—Майкель Уэбб не только поразительный интеллект, но и добрый малый».

— Я успел кое-что сделать с тех пор, как разговаривал с вами в прошлый раз,—произнес страстно Хэнтер.—Кое-что должно мне помочь.

Майкель перестал резать палочку и внимательно слушал. Молодой вице-президент автомобильной компании

Эллерман извлек из своего бокового кармана полдюжины желтых телеграмм и разложил их перед собой на траве.

— Вчера вечером я разослал телеграммы всем начальникам отделов производства и торговли в Чикаго,— пояснил он, повторяя свои слова движением указательного пальца по земле,—телеграфировал я им так: «Вы знакомы с моим планом производства собственных батарей для компании. Телеграфируйте ваше мнение, чтоб я мог доложить шефу, делать нам свои батареи, для продажи или нет». А вот ответы. Взгляните на это. Вот старый Джэф Пильчер, заведующий отделом сборки еще в те времена, когда Роджер был щенком. Он отвечает: «Разумеется, да. Батареи, которые мы покупаем, плохи и работают только шесть месяцев. Привет шефу». А вот ответ начальника электрического отдела. Он несколько задет, потому что это касается его отдела, и думает, что я, проводя это предложение, выхожу из границ своих обязанностей и уклоняюсь от своего прямого дела. Однако он на это не указывает. Он пишет: «Идея здравая, и я не возражаю, если только батареи будут производиться под руководством электрического отдела». Недурно, а? И еще четыре в этом же роде. Мистер Эллерман не пойдет против объединенного мнения своих начальников отделов.

— Почему нет?—спросил Майкель.

— Ну... да... конечно, он бы мог... но я не думаю, чтобы он пошел, если только у него нет каких-нибудь очень серьезных причин.

— Я думаю, что он уже решил это дело,—сказал Майкель.—От того, что вы покажете телеграммы, вреда не будет, но не думаю, чтобы это повлияло на его решение.

Хэнтер был поражен и проявил это громким восклицанием.

— Уже решил? Откуда вы знаете? Он вам сам сказал? Как решил?

— Нет, он мне не говорил. Это говорит логика. Его ум не терпит промедлений; Эллерман страшно нетерпелив по природе. Он все решает почти моментально.— Майкель остановился и раздумывал, как будто пытаясь еще точнее выразить то, что думал.—Разве вы не понимаете, что если бы он был против вашего плана, он сказал бы это тогда же, когда вы впервые начали ему выяснять. Он просто сказал бы «нет»—он любит говорить н е т; это отличительная черта всех удачливых финансистов—или послал бы вас к кому-нибудь другому, кому приказал бы сказать вам «нет»... Но он не сделал ни того, ни другого, и поэтому я убежден, что у него свой совершенно ясный план действий, в который входит как составная часть одобрение вашего проекта. Я...

— Я рад это слышать и надеюсь, что вы правы. Простите, я вас прервал.

— Но где-то тут собака зарыта!—продолжал Майкель.—Это именно моя догадка по поводу конференции, которую он затеял здесь с консультантом—инженером-электриком или как его там. Эллермановская компания набита экспертами. Поэтому для чего же совещание с кем-то посторонним о деле, которое...

— Я этому тоже удивился,—сказал заинтересованный Хэнтер,—но, конечно, такой человек, как наш шеф, поступает по-своему. Он тонкий делец.

— Нет!—Майкель покачал головой отрицательно.— Он не тонкий. Он простой. Есть большая разница между тонкостью и простотой, но на первый взгляд они очень похожи. Тонкий ум не скрывает ничего, кроме своей цели, простой, наоборот, обнаруживает то, к чему стремится, но путает все остальное. Цель Ричарда Эллермана—делать деньги, и он идет к ней самым простым

и прямым путем. Мы так привыкли к обходам, к туману и к путанице, что прямой и неуклонный образ действий кажется загадочным... Сейчас мне ясно только одно: вашим предложением он заинтересован и хочет нажить на нем деньги. Но как?.. Я недостаточно знаком с делом, чтобы точно судить о прямой дороге к барышу в этом частном случае.

— Я мог бы вам это изложить,—страстно прервал его Хэнтер.—Проведение предлагаемого мною плана дает эллермановской компании большой ежегодный доход, и это—самый простой способ...

— Может быть. Не знаю. Если бы я был на вашем месте...—Майкель запнулся.—Право, это не мое дело,—прибавил он и снова занялся своей палкой.

— Но если бы вы были на моем месте, как бы вы поступили?

— Вот как бы я поступил, если вам угодно,—начал Майкель.—Во-первых, Ричард Эллерман либо примет ваш план, либо его отвергнет. Если он его отвергнет—вам от этого будет не хуже и не лучше, чем раньше... Но если он его примет—вы, конечно, желаете именно этого,—здесь-то и начнется неопределенность. Я думаю, что он решил его принять...

— Тогда я не вижу, где начинается неопределенность,—заметил Хэнтер.

— Неопределенность кроется в том, что, весьма вероятно, у него в уме другой план, который он не открывает. План, для которого ваш план служит первым шагом. К чему этот инженер-эксперт? Эллерман позвал его сюда не для того, чтобы с ним советоваться. Совсем нет. Он не нуждается в советах. Он позвал его, чтобы тот слушал. Он хочет, чтобы этот человек выслушал вас в первую голову.

— О! Вы думаете?

— Теперь, в случае если бы он принял ваш план, я на вашем месте заставил бы его подписать контракт на целый ряд лет, прежде, чем уехать отсюда в Чикаго. Запросите самое большое жалованье, которое вам могут дать, и пусть это будет написано черным по белому.

Хэнтер размышлял.

— Нет, я не могу так поступить,—сказал он через некоторое время.—Я не могу! Это будет неблагородно. Мистер Эллерман сказал, что позаботится обо мне, если из этого что-нибудь выйдет.

— Если из этого что-нибудь выйдет?—переспросил Майкель.—Это довольно туманно. Знаете ли вы точно, что он подразумевал под словами «если из этого что-нибудь выйдет»?

— Он сказал, что если из этого что-нибудь выйдет, то он позаботится обо мне. Мне это кажется вполне ясно. Теперь представьте, что я иду и требую контракта. Ведь он подумает, что я ему не верю. Это покажется жадностью.

— Нисколько! Это будет только деловым поступком,—сказал Майкель.—Конечно, дело ваше... не мое... и каждый решает такие дела по-своему. Факт тот, что я вижу в другом свете, чем вы, этих рыцарей индустрии. Я философ, как вам известно, а философы смотрят по-своему на все вещи.

— Некоторые из философов, конечно,—засмеялся Хэнтер.—Но вы самый человечный из философов, какой только есть.

— Да, я-то очень человечен, это верно. Но имейте в виду, что у крупного денежного туза своя логика... Он рассматривает людей, машины и заводы, просто как средства обеспечить за собой власть и богатство. Он пользуется людьми, как собаками, для охоты за деньгами и, добыв деньги, не особенно заботится о собаках.

— Но не мистер Эллерман, — возразил Хэнтер. — Вы не знаете его, как знаем его мы в компании. Он всегда великодушен. Один из служащих моего отдела болел туберкулезом. Шеф об этом каким-то образом услышал и послал его с женой и детьми на два года в Аризону. Заплатил за все расходы. Человек был очень бедный, не мог прервать работы ни на один месяц. — Эллерман взял на себя все заботы о нем, и тот вернулся совершенно здоровым. Он очень часто делает такие вещи... Нет, в печать попадает далеко не все, что он делает, но мы-то знаем! Он сам себя сделал, и знает, каково приходится бедным людям! Прошлый раз в курительной комнате он рассказывал о начале своей карьеры. Было страшно интересно. Как он работал в колледже... Помните, как он был табельщиком на жестяной фабрике, а потом стал мелким банкиром? Подумайте об этом.

— Я думаю об этом, — ответил Майкель. — Как философ я имею право быть странным. Итак, чтоб увенчать эти воспоминания, я расскажу вам басню. Она коротенькая, скоро кончится, а потому слушайте внимательно. Однажды крестьянин, гуляя по берегу реки, увидел тонущую лисицу. «Помогите! Помогите! — звала лисица. — Приходит конец миру!» — «Ты ошибаешься, мой друг, — ответил крестьянин, — я вижу только, что тонет одна маленькая лисичка».

— О!.. И это все? — сказал, помолчав, Хэнтер. — Какая же здесь мораль?

— Мораль? — ответил Майкель. — Запомнить ее легко. Берегись, когда кругом глубокая вода.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВТОРГАЮТСЯ В РЕАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ

1

— Я не буду больше приставать к вам с моими делами,—сказал вежливо Хэнтер.—Я вам с ними надоел.

— Ничуть не надоели,—ответил Майкель.—Все это очень интересно и поучительно для меня.

Хэнтер на минуту запнулся.

— Я не совсем обыкновенный деловой человек, если позволите сказать, мистер Уэбб, — заметил он робко.— Я люблю читать. Правда, жена говорит даже, что я слишком много читаю. Люблю говорить на философские темы.

— Отлично! Давайте говорить. Я философ с обширным и разнообразным репертуаром,—сказал серьезно Майкель, измеряя глазами палку.

— Мне бы хотелось спросить вас, что вы считаете величайшим открытием, сделанным человеком?—начал Хэнтер.—Я скажу вам, почему мне это пришло в голову. Однажды я прочел в «Истории умственного развития в Европе» Дрэпера, что он, т.-е. Дрэпер, считает приручение собаки и употребление огня величайшими открытиями примитивного человека. Это заставило работать мою мысль,—я был в это время членом общества

«Субботних вечерних диспутов» в Винуке,—и я предложил этот вопрос обществу. Я формулировал эту проблему так: «Что можно считать величайшим изобретением или открытием, сделанным человечеством, с точки зрения влияния этого изобретения на цивилизацию?» Знаете ли, сэр, диспут этот занимал нас два или три месяца и, наконец, попал в газеты. Они начали ежедневно печатать письма читателей. Одни стояли за электрическое освещение, другие—за швейную машину, третьи—за паровоз, четвертые—за телескоп. Помнится, кто-то выдвигал даже кинематограф,—он-де сохранит разные сцены для будущих поколений. Как вы думаете, что получило наибольшее число голосов читателей?

Майкель покачал головой.

— Трудно угадать. Паровая машина?

— Нет, сэр, книгопечатанье,—ответил молодой человек.—Таков был вердикт. Не думаете ли вы, с точки зрения писателя и философа, что они были правы, мистер Уэбб? Вероятно, вы тоже задавались этой мыслью?

— Да, я думал об этом. Очень печально, но я решительно расхожусь во взглядах с вашим литературным обществом, но...

— Что же вы думаете?—живо спросил Хэнтер.—Открытие электричества оказалось на втором месте. Какое же, по-вашему, величайшее открытие в мире?

— Я думаю, что величайшее, когда-либо сделанное открытие,—медленно сказал Майкель,—это осел, идущий за охапкой сена, которую держат в трех футах перед его носом.

Хэнтер принял это за шутку и начал смеяться. Но, заметив серьезное выражение Майкеля, он остановился.

— Вы это серьезно?—спросил он.

— Вполне!—ответил Майкель.—Я вижу, что вы не вполне оцениваете огромное значение этого открытия.

Но когда-нибудь вы сообразите... Я не знаю, кто сделал это открытие. Имя этого человека давно потеряно в пустынях времени, но его открытие до сих пор остается непревзойденным.

— В каком же отношении оно велико?—спросил Хэнтер, чувствуя умственное смятение.

— Во всех!—сказал Майкель.—Каким образом массивные мозги и безмозглые манекены в адвокатских мантиях могли бы управлять миром без охапки сена? Уберите ее, и цивилизация будет ниспровергнута. Настанет хаос. Нет,—усмехнулся он,—охапка сена очень важное дело, чрезвычайно важное.

— Я понимаю, что вы хотите сказать,—сообразил Хэнтер.—Это очень глубокая философская мысль, хотя и кажется шуткой. По-вашему, охапка сена, это—плата за верную службу.

— Не совсем плата за верную службу,—засмеялся Майкель.—Я назвал бы это скорее поводом к верной службе. Иногда какому-нибудь горластому ослу и дают охапку сена, но обычно ее держат только перед носом. Опыт показал, что этот способ лучше.

— Жаль что я не знал об этом открытии во время нашего диспута. Это внесло бы некоторый юмор в наши прения.

Майкель улыбнулся, нагнувшись над своей палочкой, и заметил:

— Припомните как-нибудь к случаю.

— Непременно. Вы—странный философ,—произнес Хэнтер, восхищенно глядя на Майкеля.

— О, да, более странный, чем Эмерсон и Герберт Спенсер. В те времена им приходилось заводить себя. Моя же философия действует автоматически. Ею может пользоваться даже ребенок.

— Вчера за обедом, вы много говорили о действительности. Мне показалось ужасно интересно.

— Ну, да. Действительность обычно интересна,— кратко отозвался Майкель.

— Правда бывает более странной, чем выдумка. Не так ли?—засмеялся Хэнтер.

— О, правда бывает невероятно странна, и сначала ее следует принимать в маленьких дозах. Большие дозы иногда вызывают судороги.

— Вот как?—с любопытством произнес Хэнтер.— Я этого не боюсь. Не рекомендуете ли вы мне какую-нибудь книгу, основанную на действительности. Мне бы хотелось прочесть.

— Вы очень торопливый молодой человек,—заметил Майкель.—Много книг наполнено действительностью, но не каждый день они попадаются. Посмотрим... Дайте подумать... Хорошо! Для начала вы можете взять «Правящий Вашингтон» екс-сенатора Петтигрью. Книга о нашей национальной политике и некоторых вождях. Я уверен, что вас интересуют книги об успехе. «Правящий Вашингтон» говорит, как достичь успеха, указывает методы, знаете ли.

— Это именно то, что меня интересует,—согласился Хэнтер.—Вероятно, я смогу найти эту книгу в любом книжном магазине?

— Не думаю... Но, конечно, ее всегда можно заказать.

2

Хэнтер любил читать, но отнюдь не увлекался аденоидными современными романами. Он предпочитал иные книги и мужественно преодолел скуку «Ста лучших книг», выпущенных библиотечной комиссией в Чикаго. Весь яд был извлечен из этого списка и безвредность его гарантирована. Он начинался с локковского

«Опыта человеческого понимания», и кончался «Преступлением Сильвестра Боннара». Прочитав его до конца, Хэнтер с гордостью, но без следа чрезмерного самомнения, решил, что, во всяком случае, он—достаточно начитанный человек.

Врожденное мужество и простота спасли его от развязности, но тем не менее, он был начитанный невежда; голова его была забита всяким вздором. Американскую цивилизацию он считал высшим произведением людского ума, а техническую изобретательность американцев — предметом восхищения и зависти всех иноплеменников. На самом деле его взгляды были столь же примитивны и лишены оригинальности, как принципы вице-президента Кальвина Кулиджа.

Умственное оборудование среднего образованного немыслящего американца, принадлежащего к среднему классу, вероятно, самый курьезный продукт в истории человеческой мысли. Круглые невежды прошлого были просто дураками,—или им просто нехватало мозгов,— но здесь перед нами миллионы умных невежд, мозги которых благодаря какому-то ловкому приему американской жизни набиты всяким сором и чепухой.

В «Тенистом Лугу» Хэнтер выказал себя с невыгодной стороны. Он был подавлен небрежной роскошью и богатством, смущен легкомыслием и бездельем. Он воображал, что жизнь среди людей, для которых миллион долларов не представляет ничего особенного, будет полна сдержанной важности и достоинства; он представлял ее себе чем-то средним между приемом в Сент-Джемсе и заседанием директоров Северо-Американского стального треста.

К своему удивлению, он убедился, что никто из этих людей не читал «Ста лучших книг», никто не знал «Избранной книжной полки» д-ра Элиота. Они обнару-

живали удивительное незнание того, что печатается в газетах о ежедневных мировых событиях. В деловом отношении они также говорили на разных языках, потому что он думал о продуктивности работы, а они — о выгодном помещении капитала. Они почти ничего не знали о цене сырья, о стоимости производства, о заработной плате, но даже женщины в их среде знали, как стоят акции.

Кроме того, они знали многие виды развлечений и спорта — не туманно и теоретически, но с полным знанием дела.

3

— А что вы считаете самой главной чертой организации в предприятии, м-р Уэбб? — спросил Хэнтер после короткой паузы. Он боялся, что удобный случай поговорить с знаменитым философом и специалистом по обезвздориванию может не повториться.

— Уменье продать! — быстро ответил Майкель, вырезывая овальные глаза какого-то мифического вождя на палке. — Да, уменье продать. Без продажи от дела ничего не останется. Оно испарится.

— А вопрос производства? — настаивал Хэнтер. — Производство товаров важнее их продажи.

— А я отвечу вам вашим же вопросом, — возразил Майкель. — Неужели кто-нибудь станет производить товары, если не сможет их продать?

— Нет, я думаю, что никто не станет. Мир может обойтись без продающих, но не может обойтись без производящих.

Майкель улыбнулся.

— Мир-то, конечно, мог бы обойтись без продающих, но предприятие не может: предприятие организуется для барышей.

— И для обслуживания людей,—настаивал Хэнтер.— Оно обслуживает людей, на которых работает.

— Можете ли вы назвать мне хоть одно деловое предприятие, организованное для обслуживания, а не для выгоды?

Майкель отложил нож и палку и ждал ответа.

— Конечно, нет,—ответил, подумав, Хэнтер.—Да я думаю, что это и не нужно. Предприятие обслуживает общество и получает выгоду. Это тесно связано. Выгода—награда за услугу.

— Будем держаться темы разговора,—сказал Майкель.—Вы спросили, что я считаю самым важным в организации предприятия? Я ответил: организацию продажи. Я не говорил, что предприятие не обслуживает публики. Оно обслуживает, но это момент привходящий. Все деловые предприятия организовываются и ведутся ради наживы. Деловые люди заняты именно этим. Каким образом? Стараясь продать побольше и подороже. Чтоб увеличить продажу, создается тонкая и ловкая реклама. Но от начала и до конца, это—организованное нападение на общество. Иначе не может быть. Другое представление о деловых предприятиях невозможно. При таких условиях организация продажи необходима, и продавцы, это—передовые отряды капитализма в его войне против общества.

— Война против общества!—воскликнул Хэнтер.— Я вас не понимаю!

— Поймете, если будете рассматривать капитализм как антисоциальную силу. Впрочем, я должен оговориться, что не считаю ответственными самих капиталистов. Капитал существовал раньше, чем они родились. У нас с самого начала все производство и распределение продуктов было делом частной инициативы. Все, что мы потребляем, приготовлено кем-то, кто преследует

только свои интересы. Так и ваша автомобильная компания производит автомобили по тем же мотивам. И фактически иначе дела вести нельзя. Это индивидуалистично и антиобщественно в высшей степени. С другой стороны, развитие прикладных наук, распространение образования, великие изобретения, культура—все это коммунистично, кооперативно и в существе своем глубоко общественно. Эти противоположные идеи сталкиваются. Отсюда страшный дуализм современной жизни. Мы стараемся приноровить факты к идеализму, к которому они не подходят. Наше национальное сознание пропитано вздором и лицемерием, как губка водой... Неужели вы этого не видите?

— Да, я вижу,—согласился Хэнтер.—По-вашему всякое капиталистическое предприятие в своей работе помышляет только о себе? Пожалуй, что это и верно.

— А разве не так? Как по-вашему?

— Да!—согласился Хэнтер.—Но ваши выводы в значительной степени зависят от термина «антиобщественный». Согласно вашему определению, и рабочее движение будет антиобщественным.

— Конечно,—подтвердил Майкель.—Рабочие также стремятся выжать из общества все, что могут, как и капиталисты, и по тем же причинам.

Это признание удивило Хэнтера. Он уже успел притти к заключению, что Уэбб—радикал. Благодаря косвенному внушению в течение ряда лет он привык рассматривать радикализм как своего рода нравственную проказу, с которой не следует соприкасаться. Так как он, естественно, имел о нем очень смутное представление, то воображал, что все радикалы считают рабочих стопроцентными альтруистами и светлой надеждой будущего.

— Требования рабочих союзов начинают переходить

границы разумного,—продолжал Хэнтер.—Они становятся действительно антиобщественными. Недавно я читал доклад Мунсея Обществу американских банкиров. Он указывает, что плотники получают пятнадцать долларов в день. Этого добились союзы. Так продолжаться не может. Он призывает банкиров спасать страну.

— От плотников?

— Нет, от такого дутого роста цен и от радикализма вообще. Конечно, я не касаюсь личностей.

— А я думал, что плотники получают больше пятнадцати долларов,—сказал Майкель.—Они не такие ловкие дельцы, как я предполагал. А что именно Мунсей выдвигал против такой зарплаты?

— Совершенно очевидно, что плотник не стóит пятнадцати долларов в день,—ответил Хэнтер.

— А почему нет, если он может этого добиться? При нашей системе совершенно ясно, что человек стóит тех денег, каких может добиться. Сколько платят самому Мунсею? Надо думать, что несколько тысяч в день. Стóит ли он этого? Не знаю, но хотел бы знать, что думают об этом плотники.

При всем почтении к Майкелю Уэббу, как к философу и мыслителю, Хэнтер нашел его отношение к выдающимся вождям американского прогресса, каким по его мнению являлся Франк Мунсей, прямо-таки оскорбительным. Что касается плотников, то их роль в цивилизации он не считал особенно важной. Поэтому он ничего не ответил.

— Все элементы промышленной капиталистической системы антиобщественны, — резюмировал Майкель.— Пока людям приходится наступать друг на друга, чтобы обеспечить существование, до тех пор, мир не узнает культуры добра и красоты.

4

Некоторое время оба мужчины молчали. Хэнтер отыскивал в траве гальки и глубокомысленно швырял их через дорогу в кивающий одуванчик. Майкель тщательно отделывал индейские фигурки, которые начали появляться на говорящей палке.

— Вы думаете, что радикалам удастся уничтожить капитализм?—спросил Хэнтер.

— Не думаю. Мало шансов. Они слишком слабы. Капитализм погибнет от своей собственной тяжести. Он основан на неверном понимании ценностей, на каком-то бумажном богатстве. В этом нет здравого смысла, и он рухнет, потому что с этим богатством нельзя будет справиться. Фактически он уже рухнул в Европе и лежит среди дороги, остановив движение с обеих сторон. Ноги его оказались слишком слабы, чтобы вести дальше воз ненужной бумаги—вздора, вроде права владения, права собственности, государственного права и ораторских упражнений, нагруженных на его спину. В настоящее время вспотевшие ветеринары собрались около него, стараясь поставить его на ноги. Их рецепты вы можете читать в ежедневных газетах. На некоторое время они его действительно поднимут.—Майкель остановился и захохотал так громко, что испуганная птичка вспорхнула.—Поднять-то поднимут, но отныне он будет страдать хроническими обмороками.

5

— Итак, по-вашему, бумажное богатство не имеет в себе ничего реального?—спросил Хэнтер.

— Реальное богатство состоит исключительно из предметов потребления. Все, что вы употребляете,—одежда, жилище,—является богатством реальным. Вся-

кое богатство создается приложением труда к естественным ресурсам. Это же очевидно!

— Я тоже так думаю,—запнулся Хэнтер. Но возникает сомнение относительно умственного труда. Книга, например? Здесь не применим физический труд. Это создается умом.

— Но пока автор писал книгу, его кто-нибудь должен был кормить. А пищу производит земля.

— Понимаю,—сказал Хэнтер.

— Пойдем дальше. Рассмотрим любое изобретение, например, электрическое освещение. Оно не имеет никакой цели, пока не оборудованы станции, не имеется проводов, штепселей, лампочек и т. д. Все это дает земля и труд. Ясно, что богатство есть продукт приложения труда к земле.

— А капитал?

— Капитал состоит только из орудий и пищи. Орудий для обработки почвы и пищи, чтобы содержать трудящихся. Но и орудия и пища—продукты труда, а потому и капитал есть дитя труда. Но мы живем изо дня в день. Мир потребляет за год все, что производит в предыдущий. Платье на ваших плечах было в прошлом году на спине у овцы или на полях хлопчатника. Утренняя газета была сосной еще полгода назад. Если бы прекратилось все производство, через год мир умер бы от голода. Поэтому мне кажется достаточно ясным, что человечество не может накопить значительное богатство.

— А как же здания, железные дороги и т. д.,—ведь они являются формой сбережения?

— Да, но очень незначительных сбережений. Даже самые прочные здания требуют постоянного ремонта. А орудия производства изнашиваются в несколько лет.

Железные дороги постоянно перестраиваются. Срок жизни океанского парохода меньше двадцати лет.

— Но как же мы богатеем? Ведь мир все время богатеет?—воскликнул Хэнтер.

— Нет, — медленно произнес Майкель. — В действительности это не совсем так. Непрерывно растет фиктивное богатство. Растут бумажные ценности. Непрерывно растет их капитализация. И по мере увеличения народонаселения поднимается фиктивная ценность земли. Возьмем частный случай. Например, Нью-Йорк. Земля, на которой он стоит, имеет бумажную ценность около четырех миллиардов долларов, т.-е. только земля, без строений. Я говорю—б у м а ж н а я ц е н н о с т ь, ибо ее действительная стоимость ничтожна. Двадцать лет назад эта земля стоила только около двух миллиардов. Вы можете сказать: почему ее стоимость удвоилась?

— Ну да!—сказал Хэнтер.—Увеличилось народонаселение. Это же простой экономический закон—спрос и предложение.

— Верно,—подтвердил Майкель.—Потому-то земельные ценности одного Нью-Йорка прибавили два миллиарда долларов к национальному богатству в течение двадцати лет. Теперь я задам вам другой вопрос—об относительной ценности двух предметов. Представьте себе, что случилось два события. Во-первых, стоимость земли в Нью-Йорке будет сведена к нулю. Стоимость земли просто будет вычеркнута из книг. Это одно событие. Второе событие: скажем, в Миннезотте сгорает амбар с 100 бушелями пшеницы. Какое событие представляет бо́льшую потерю для человечества? Уничтожение ста бушелей пшеницы или нью-йоркских земельных ценностей? Я не говорю об индивидуальных убытках, а с точки зрения разрушения подлинных ценностей?

Хэнтер погрузился в размышления.

— С точки зрения подлинных реальных ценностей, вероятно, утрата пшеницы представляет бо́льшую потерю. Но уничтожение земельных ценностей было бы ужасающей финансовой катастрофой.

— Мы говорим не о финансовых катастрофах,—возразил Майкель,—а о разнице между реальным и бумажным богатством. Это бумажное богатство представлено документами. Эти документы влияют на расценку труда. Каждое новое поколение сталкивается с ними. Это—исполнительный лист, предъявляемый богатству, которое еще будет создано. Вы понимаете это?

— Да, я понимаю, что вы хотите сказать,—ответил Хэнтер.

— В этом сущность капитализма. Вместо реальных ценностей создаются документы, благодаря которым управляют человечеством. Ликвидировать эти документы можно только продуктами труда.

6

Этот разговор принял неожиданный оборот для Хэнтера. Начиная его, он рассчитывал получить от Уэбба несколько ценных указаний об управлении предприятием. Он ждал от Майкеля той премудрости, которая ему попадалась на страницах журналов под заглавием:

«Я—*человек дела*».

«Я—*тот, кто мыслит*».

«Я—*делец, я сумею добиться*».

Это не осуществилось. Майкель говорил совсем не так. И Хэнтер был глубоко разочарован. У него было врожденное недоверие к идеям, не ставшим общепринятыми. Он был из Миссури... Однако он скрыл свое разочарование, ибо как истый американец уважал известных людей. И как ни странны были взгляды, выска-

занные Майкелем, он был, несомненно, знаменит. Поэтому Хэнтер скромно умолчал о своем мнении.

— Все это здание стоит на абсолютно нереальном фундаменте,—продолжал Майкель.—Все это так просто, что каждый может понять с первого раза. И как только большинство людей поймет, как оно сделано, все это нагромождение разных обязательств, бумажных ценностей, банкирских долгов, ханжества, акционерных дивидендов—рухнет, обратившись в липкую грязь. Вот почему людей так смертельно раздражает даже жалкое, слабое радикальное движение. Но многие заинтересованы в сохранении этой системы, доставляющей им огромные выгоды. Ясно, что она не выдерживает ни малейшего соприкосновения с реальностью, и потому они всячески стараются отвлечь от нее внимание и направить его в другую сторону. Нельзя коснуться этой темы, чтоб сейчас же не явилась полиция и не подтвердила под присягой, что вы находитесь на содержании Москвы или Берлина, проповедуете свободную любовь, что вы—атеист и сумасшедший, и вообще кандидат в исправительное заведение. Но этот метод оказался не столь пригодным, как можно было думать, ввиду его динамического характера. Пришлось прибегнуть к другому.

— К какому же?—спросил Хэнтер единственно для того, чтобы услышать какой-нибудь необычайный ответ.

— Теперь они фабрикуют огромное количество вздора и во множестве разбрасывают его в виде умственного порошка от насекомых... Мы имеем полный набор дутой морали, дутого оптимизма, дутых журналов, дутой религии, дутых финансов и дутой демократии!

7

Да! Восхищение Хэнтера сильно убавилось. Печально знакомиться лично с тем, кем вы издали восхища-

лись. Встречали ли вы когда-нибудь вашу излюбленную поэтессу? оперную диву? Вступали ли вы когда-нибудь в разговор с членом сенатской комиссии по иностранным делам? Завтракали ли с рыцарем индустрии?

Если у вас был такой опыт, то нечего больше говорить о разочаровании Хэнтера.

И все же он продолжал чувствовать глубокое уважение к Уэббу. Он помнил, что Майкель сделал для «второсортных». Он считал, что надо быть снисходительным к философам. У них всегда бывают странности.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПОЛНОЕ ПОРАЖЕНИЕ БЛУРРА

1

В этот день глухие голоса земли шептали в вершинах огромных вязов. Пахло сиренью. Радость летних красок ласкала глаз, как поцелуй. Далекие поля на холмах отливали под порывами ветра, как отливает зеленый бархат, когда вы его гладите рукой.

Небольшой зеленоватый двуместный автомобиль с жужжанием показался на дороге. Им правила женщина. Когда она подъехала ближе, оба мужчины узнали мисс Меррифильд. Она их также узнала и затормозила машину. Шины зашуршали по гравию.

— Ах!—весело крикнула она,—вы точно странники, отдыхаете на пути к далекому святилищу.

Майкель и Хэнтер поднялись и медленно подошли к ней, стараясь побороть ту неловкость, которую обычно чувствуют мужчины, разговаривая с мало знакомой им женщиной.

— Зайдите ко мне и выпейте чаю, раньше чем продолжать ваше странствие,—пригласила их мисс Меррифильд, указывая рукой в перчатке на маленькую итальянскую виллу с красной крышей, в ста ярдах ниже от них по дороге. Она пустила автомобиль тихим ходом. Они шли рядом и скоро достигли зеленых

ворот виллы; высокая оштукатуренная стена была увита плющом.

Дом с улицы не был виден. Он расположился среди сада, полного цветов и обломков скульптуры. Кругом росли высокие тополя, а посреди террасы поднимался раскидистый вяз. Под ним был накрыт чайный стол. Серебро сверкало на белой скатерти. У порога дремала черная кошка.

— С мотором что-то неладно,—сказала мисс Меррифильд, останавливая машину.—Это продолжается уж недели две. У него какие-то перебои, а иногда он страшно стучит.

— Не похоже на плохой бензин,—произнес Хэнтер, нагибаясь к капору медленно двигающегося автомобиля.

— Может быть, ослаб подшипник шатуна?—выставил свое предположение Майкель. В наше время в Америке каждый считает себя механиком.

— На вашем месте я бы отправил его в починку,—сказал Хэнтер, когда мисс Меррифильд вышла из автомобиля, остановив его перед террасой.

— Мало толку!—весело засмеялась она.—Подозреваю, что мастер в нашей деревне—ваш ученик, мистер Уэбб. Во всяком случае, он убежден, что надо быть мастером второго сорта.

— Держу пари, что он успешно ведет свои дела,—сказал Майкель.

— Ну да!—согласилась она.—Он всегда уверяет, что с мотором нет ничего особенного. Ужасный оптимист. Потом он кое-как его чинит, так что с месяц можно опять ездить.

Майкель смотрел на нее и тихо смеялся. На ее губах сначала появилась тихая улыбка, потом мисс Меррифильд присоединилась к нему, и оба смеялись, как ребята. Хэнтер поднял капор и погрузил голову внутрь.

— Вы веселый?—спросила она.—Не знаю, что тут такого смешного, но я не могу равнодушно видеть, как вы смеетесь.

— Ах, я смеюсь над моими последователями!—ответил Майкель.

— Хорошо. Пойдемте же пить чай,—улыбнулась она.—Мы найдем еще, над чем посмеяться. Вот—Сикспенс,—указала она на кошку, которая проснулась и зевала, широко открывая рот.—Я заплатила за нее шесть пенсов в Девоншире, где черных кошек считают особенно счастливыми животными.

Горничная-француженка принесла чай и печенье.

— Я думаю, все дело в том, что испортилась передача на распределительном валу,—сказал Хэнтер.

— Это только ваше мнение или аксиома?—спросил Майкель.

Хэнтер усмехнулся.

— Я сказал бы, что аксиома. Конечно, я не непогрешим, но знаю то, что знаю.

— Так я скажу вам, что я сделаю,—объявил Майкель.—Мисс Меррифильд, я возьму костюм у эллермановского шоффера и приду к вам завтра чинить ваш автомобиль.

— Благодарю вас,—сказала она.—Но право, я не могу этого допустить. Вы хотите наказать себя и отвечать за то, что я раньше сказала о ваших учениках... Но это же была шутка. Я совсем не хотела этого сказать. Я отправлю автомобиль к нему.

— Нет, пожалуйста, позвольте мне самому сделать это,—настаивал Майкель.—Я люблю труд механика. Это будет страшно приятно.

— Я тоже приду помогать, мисс Меррифильд,—поддержал его Хэнтер.

— Вот и отлично,—заметил Майкель.—Тогда это мож-

но будет организовать как следует. Я буду наблюдать за работой, а Хэнтер полезет под машину. Я наблюдаю еще лучше, чем чиню.

— Превосходно! Я вам очень благодарна. В таком случае приходите и чините, если вам это нравится. Потом будем завтракать.

— А пока мы будем работать, вы будете читать нам стихи,—предложил Майкель.

— Конечно,—согласилась она.—Как же иначе? Но ведь это ужасно грязная работа, правда? Я все же думаю,—лучше этого не делать.

— Грязная до чрезвычайности,—сказал Майкель.— Именно поэтому мы за нее и беремся. Прекрасный предлог, чтобы испачкаться.

— Вы большой ребенок,—заметила мисс Меррифильд.—Вероятно, если бы вас поощряли, вы стали бы лепить пирожки из грязи.

Человечеству известно: когда женщина называет мужчину ребенком, это значит, что она начинает питать к нему повышенный интерес. Майкель это знал, и это его окрылило. Про себя он удивлялся эффекту такого простого приема. «Будь я женщиной,—думал он,—я звал бы ребенком каждого мужчину до семидесятилетнего возраста и разливал бы вокруг себя счастье».

— Ах, я вспомнила! Завтра как раз нельзя!—воскликнула мисс Меррифильд.—Я завтра еду к знакомым в Гринвич. Можно послезавтра?

Майкель и Хэнтер были согласны.

— Вы оба, в самом деле, любите заниматься машинами?—произнесла, задумчиво глядя на них, мисс Меррифильд.—А женщины не любят. Удивляюсь, почему?

— Потому что женщины—женщины,—заявил Майкель.

— Вы хотите сказать, что женщинам нехватает конструктивных способностей.

— Нет, — ответил Майкель. — Женщины, по-моему, обладают такими же конструктивными способностями, как и мужчины. Часто это только не развито. Но большинству женщин нехватает способности обобщать.

— Какое же отношение это имеет к машинам? — задумчиво спросила мисс Меррифильд.

«Эта дама не любит легких разговоров, — подумал Майкель. — Желает добраться до сути вещей.»

— Техническое изобретение, — продолжал он, — есть результат приложения общих законов сил и энергии. Чтобы отчетливо понимать, надо уметь делать обобщения относительно приложения сил, а женскому уму это обычно не свойственно.

— Я во всяком случае люблю обобщения! — воскликнула мисс Меррифильд.

— Я вижу, — признал это Майкель. — Я и не говорю, что это свойственно всем женщинам... Но гордиться мужской любовью к обобщениям, право, не следует.

— Но это удобно и сокращает работу, — сказала мисс Меррифильд, играя ложечкой и блюдцем. — Это так помогает классифицировать.

— Это — второй порок человеческого разума, — говорил Майкель. — Первый — постоянство. Второй — обобщение. Оно сокращает работу, но часто, почти всегда, оно бывает ошибочно. Рассмотрите несколько обобщений. Например: все южане любезны? Конечно, это не так. Все евреи жадны и ловки? Этого тоже нет. Всякое образование полезно? Тоже нет. Самоучки достойны доверия и одобрения? Это старое обобщение пользуется большой любовью. Оно совершенно ложно. Одни заслуживают доверия, другие — нет. Все люди созданы равными? Это тоже неверно. Они не равны и родятся неравными — с разными способностями...

Раздался шум автомобиля, остановившегося у ворот.

Минуту спустя впорхнула очаровательная мисс Фанни Торнтон. Мужчины неловко стояли у чайного стола, пока раздавались женские охи и ахи. Постепенно положение выяснилось. Мисс Торнтон вызвали телеграммой в Лос-Анжелос.

«Итак, существует же где-то человек, который может вызвать мисс Торнтон,—думал Майкель.—Как он должен гордиться своей властью.»

Она торопилась на поезд.

— Выпейте чашку чая,—предложила мисс Меррифильд.

— Нет, ни минуты!—ответила особа, чье личико получило известность по тысяче снимков.—Ни одной минуты! Я забежала только проститься. Я так хорошо провела здесь время. Все были так милы.

Она радостно засмеялась. Майкель заметил, что когда она смеялась, нижняя губка у нее образовывала подвижной треугольник. Был виден ее кошачий язычок и белые зубки...

Она казалась не такой прекрасной, как накануне. Майкель с мужской недогадливостью удивился, что с ней. Его озадачивала фарфоровая хрупкость ее фигуры и розовый воск лица.

Потом он понял, что она кажется другой потому, что он видит ее одновременно с мисс Меррифильд. Простота мисс Меррифильд, ее серо-зеленые глаза, густые с медным отливом волосы, бледное лицо,—все светилось внутренним душевным светом, перед которым идол экрана казался прозрачным и бесцветным. Искусственный цветок в букете роз.

Она долго и горячо целовала мисс Меррифильд.

— Дорогая, вы должны приехать ко мне в Лос-Анжелос,—настойчиво повторяла она.—Я должна отплатить вам за то хорошее время, которое провела с вами.

— Постараюсь. Может быть, приеду, — говорила мисс Меррифильд.

Простившись с Хэнтером, она обернулась к Майкелю и ласково взяла его руку.

— Прощайте, м-р Уэбб, прощайте,— заговорила она,— старайтесь не волноваться, обещайте мне это непременно. Пожалуйста, прошу вас.

— Да, мисс Торнтон, я обещаю...— сказал он и, движимый духом противоречия, прибавил:— прислать вам остальные четыре акта? Я могу кончить их в неделю, если буду работать как следует.

Мисс Торнтон приложила палец к губам и печально покачала головой.

— Нет, пожалуйста, не надо!

2

— Она очень ласковая женщина,—сказала мисс Меррифильд, когда мисс Торнтон ушла.—Между нами ничего нет общего, но, повидимому, она меня очень любит. Не понимаю, почему!

— Боюсь, что я не имел у нее успеха,—заметил Майкель.

— Но вы как будто упоминали о пьесе?—спросила мисс Меррифильд.—Вы заняты пьесой для нее?

— Не похоже,—сказал Майкель.—Я занят тем, что не пишу для нее пьесы.

— О! Что это у вас в руке?—Мисс Меррифильд показала, на палку, на которой были видны глаза и лица.

Майкель объяснил.

— Я расскажу вам эту историю, если угодно. Вот круглолицая девушка на верхушке палки. Имя ее Гунжу. Она дочь великого вождя (кончик ножа скользит ниже по палке), у него самый большой рот и самый громкий

голос во всем племени. Девица Гунжу, утоляя жажду у ручья, нечаянно проглатывает маленькую змейку. В результате этой неосмотрительности она дает жизнь сыну—Ворону, которого зовут Блурр. Ворон будет вот тут. Видите, его клюв уже вырезан. Блурр—мелкий жулик. Он отправляется на промысел, достает солнце, луну и звезды, прячет в сундучок и приносит матери... Видите, тут сундучок? На нем сидит Гунжу. Вы потрясены: обойтись без солнца, луны и звезд—невозможно... Блурр от природы монополист—не говорит никому ни слова, а все бесятся от злости. Теперь ввязывается в эту историю великий воин, по имени Макко. Вот видите—Макко, он держит в руках дубинку, как ребенок куклу.

Мисс Меррифильд кивнула и потрогала Макко пальцем.

— Макко от природы противник монополии и храбрый вояка. Он громко хвастается своим предприятием. Он собирается убить Ворона дубинкой и вернуть небесные светила на свое место. Он идет по дороге, машет дубинкой и для практики разбивает несколько черепов. Когда он доходит до Ворона, то Блурр быстро выклевывает его глаза. Таков конец Макко. Макко пропал, и все теряют надежду. Большинство признает, что Блурр имел неоспоримое право на солнце, луну и звезды. Тогда с юга приходит человек без дубинки—человек, исполненный всяческой хитрости. Вот он на палке, как раз под Макко. Пока намечен только силуэт. Его зовут Тлак. Он говорит, что пришел любоваться на Гунжу и на ее сына Ворона. Он принес с собой мешок с какими-то странными красными вкусными ягодами. Вероятно, это вишни,—я так думаю,—которыми он угощает Ворона. Блурр съедает их так много, что впадает в оцепенение. Вот он у меня здесь лежит на боку.—

Майкель указал на конец палки.—После чего хитрый человек ухаживает за Гунжу и крадет у нее сундучок с солнцем, луной и звездами. Затем он сажает Блурра в клетку. Ворон приходит в себя, но он уже в плену. Тлак берет в одну руку сундучок, в другую—клетку и уходит. Он великодушно возвращает на место солнце, луну и звезды и таким образом делается благодетелем человечества. До конца своей жизни он вполне обеспечен, тем, что показывает Блурра в клетке. Мораль говорящей палки та, что хитрость—драгоценнейший дар природы.

— Как интересно!—воскликнула мисс Меррифильд.— Это совершенно примитивно. Фольклор?

— Да, фольклор,—ответил Майкель.—Если хотите, я подарю вам эту палку, когда кончу.

— Благодарю,—ответила она.—Как давно я не встречала такого щедрого человека: вы меня развлекаете, вы предлагаете починить машину...

— Предлагаем?—прервал ее Майкель.—Нет, мы ее непременно починим. Хэнтер, верно?

— Конечно,—подтвердил Хэнтер.

3

Возвращаясь к Эллерману в «Тенистый Луг», они издали увидали в широком окне нижнего этажа Бинго, погруженного в чтение газеты.

— Обождите минуту,—сказал коротко Хэнтер.—Я хочу попробовать исполнить ваш совет и свалять дурака.

Майкель ждал у двери. Хэнтер взошел в комнату, сделал гримасу и залаял на Эллермана-младшего:

— Вау-вау-вау!

Потом полаял еще, подражая сторожевой собаке.

— Эй, вы!—удивился Бинго.—Чего вы на меня лаете? Сбесились, что ли?

— Ой, да разве это вы?—ответил Хэнтер.

— Ох, подучил вас кто-нибудь. Ей-богу, я даже знаю кто!—в восторге вопил Бинго.—Садитесь и выпьем.

Майкель заглянул в комнату. Бинго и Хэнтер сидели перед высокими бокалами. Поднимаясь к себе наверх, он чувствовал себя как человек, сделавший доброе дело.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ВЕНЕРА И ФИЛОСОФЫ

1

В душе Ричарда Эллермана не было никакого стремления к красоте. Он был совершенно лишен художественного чутья. Он любил комфорт. Но если был дан комфорт, то ему было совершенно все равно, где жить: в деревянной казарме на голом холме или в мраморном дворце среди парка. Тем не менее, его огромный дом был полон редкими и прекрасными предметами искусства. Он был крупный коллекционер всех редких и дорогих вещей. Это было следствием грызущей его жажды власти, спасением от мучительного чувства неравенства, которым он страдал, как от жестокой болезни, с дней своего нищенского детства. Его самолюбие жило и питалось тем, что он обладал вещами, которыми восхищались другие люди. Ему принадлежало то, перед чем потрясенные красотой люди готовы были упасть на колени.

В его природе была склонность к показному. В других условиях он мог смахивать на Барнума. Здесь это смягчалось тоном большого барина, гостеприимно показывающего свое поместье. Он любил показывать свои коллекции и говорить об их редкости, стоимости и труд-

ности, с которой он их приобрел. Он интересовался приобретением только материальных предметов, отнюдь не идей.

Майкель Уэбб был совсем другой человек. Он собирал идеи, как Ричард Эллерман—табакерки. Они были страшно далеки друг от друга по своим целям и стремлениям.

В десять часов утра Ричард Эллерман лично водил гостей по «Тенистому Лугу». Таков был его неизменный обычай, когда в доме бывали новые гости.

Обычно он придерживался одного и того же плана. Прежде всего—фламандцы в большом холле, Рембрандт, Герар, Доу, Гоббема, Давид Теньер-младший, Ван-Дейк, Рубенс. У него были хорошие образцы работ этих художников—темные полотна, которые заставляли думать о низком небе и зимних закатах. Между ними висел сомнительный Питер де-Хоох, с ясным, резким светом, блеском мраморных плит и безупречных полов. Эллерман был совершенно уверен в подлинности каждой вещи, ибо ничего не покупал без указаний опытных экспертов. Его быстрые описания отличались банальностью, краткостью и точностью и никогда не изменялись, как описания в торговых каталогах.

В одной из комнат висели новые испанцы. Вспышки красок Гойи—торреадор, страстные лица, желтые стены, прозрачное небо, жесткий свет, стальные тени и невыразимая прелесть моря и неба Соноллы-и-Бастида.

В тоне Эллермана слышалось хвастливое презрение: «За этот кусок крашеной тряпки уплачено тридцать тысяч долларов,—говорил он.—Я сомневаюсь, чтобы он этого стоил».

Потом шли бронзы. Он любовно ласкал статуэтку лошади, вставшей на дыбы, работы Гутзона Борглума. Он действительно любил эту вещь и тонкие медальоны

Пизанелло. Потом шли венецианские подсвечники и современные эмали из Парижа и Лиможа.

Затем он открывал дверь в стене и освещал электрическим светом ряд покрытых ковром ступеней. «Сойдемте туда,—предлагал он,—я покажу вам коллекцию, которой нет подобной в мире».

Это была коллекция бутылок в огромной ярко освещенной комнате. Действительно это было поразительно. Тут было более пяти тысяч бутылок—образцы всех веков, начиная от древне-египетских, кончая современными. Бутылки из стекла, серебра, меди, яшмы, кожи... Бутылки красивые, смешные, безобразные, странные. Я помню одну в виде шара. Она была сделана из четырех сплетшихся змей. Головы змей являлись горлышками. Все четыре змеи были разного цвета—красная, синяя, зеленая, и желтая. И тело каждой змеи представляло отдельную бутылку.

Потом шла библиотека, где библиотекарь показывал Кельмскоттского Чосера на пергаменте, первое издание Робинзона Крузо и листы Библии XV века.

Гости с хозяином во главе хором выражали приличествующее восхищение. Следующий номер был лабиринт.

Эллерман заранее радовался, как гости там запутаются.

Майкель чувствовал себя подавленным количеством вещей, вещей, разлученных с создавшим их творческим духом. Лабиринт его не интересовал. Он остался в библиотеке, чтобы освежить душу новыми идеями. В открытые окна долетал смех людей, заплутавшихся в бесконечных дорожках.

2

Майкель не был библиофилом, но был полон ненасытного умственного любопытства. Он не ценил книг

как таковых, но только идеи и эмоции, которые они возбуждали. Он был страшно любопытен, но не питал ни к чему почтения. Он приветствовал новые идеи, как, говорят, дровосеки приветствуют новых товарищей,— ударом кулака по лбу. Если идея не могла устоять на ногах, он предавал ее забвению. Идеи, не выдерживающие грубого обращения, он считал не стоящими внимания. Он обладал колоссальной способностью ассимилировать мысли. Он читал все и думал обо всем... Он был один из тех немногих, кто может ценить идеи безумцев, поэтому выбор книг у него был широк и разнообразен. Он был умственный аристократ и обладал аристократическим чувством юмора. Он видел вокруг себя мир нелепостей. Новое язычество—обожествление механической силы—оказалось так внушительно, так богато обрядами и так щедро на хлеб и зрелища, что породило культ божества. Так появился культ химии, культ биологии и других наук.

За это время бог лишался одной прерогативы за другой, пока ни сделался чисто биологической необходимостью, и в этом виде он продолжает играть свою роль в качестве вселенной.

Вначале он, повидимому, действительно проявлял некоторую активность: создал капельку зародышевой плазмы и несколько электронов. После этого он бросил работу, и законы науки взяли на себя заботу о мире.

Исследуя современное язычество, Майкель пришел к глубочайшему открытию—к убеждению в неспособности ума второго сорта понимать духовные факты. В науке он взвешивает и измеряет; в экономике работает формулами; в религии понимает только награду и наказание; в жизни—только успех и неудачи.

Что касается самого Майкеля, то он мог вытянуть руку и коснуться бога. Иногда он делал это ради шутки.

Что касается существования души—свою душу он ощущал так же ясно, как башмаки на ногах. А по временам он слышал смех бога, раскатывающийся по вселенной.

Его поражало, что всякая логика, доведенная до предела, несет в себе противоречие истине. В этом открытии он видел границы силлогизма как средства исследования реальности. Раздумывая над этим, он собирался писать книгу под заглавием «Мир как масса противоречий», по образцу шопенгауэровского «Мир как воля и представление». Из этого проекта ничего не вышло. Такая книга—он предчувствовал это—будет слишком курьезна, чтобы серьезный интеллект второго сорта принял ее в настоящем философском духе.

(До сих пор остроумные критики считают Майкеля Уэбба комбинацией гения и осла. История, вероятно, подтвердит их приговор.)

3

Итак, наш герой сидел в библиотеке и рассматривал честное лицо Остина Стонера, честного библиотекаря Эллерманов. Представьте себе худого, тщедушного человека, лет пятидесяти, с острой бородкой цвета соли с перцем и детскими голубыми глазами. Он носит галоши, кашнэ, ведет дневник, говорит «клянусь Годфридом» и не ругается, когда ему надоедают.

В ранней молодости мистер Стонер был застенчивым писцом в пыльной захудалой книжной лавке своего отца. Потом десять лет работал в каталожной нью-йоркской библиотеки рядом с милой молодой девушкой, похожей на сову в очках. С этой очкастой девушкой он изредка говорил о книгах.

Он восхищался ею и был невероятно одинок. В течение трех тысяч однообразно следующих друг за другом вечеров—приблизительно около пяти часов вечера—

он старался набраться храбрости, чтобы спросить ее, нельзя ли зайти к ней в гости, но так на это и не решился. Она его тоже любила и три тысячи вечеров думала о том, не пригласить ли его к себе в гости, но так и не сделала этого, опасаясь, что он может счесть ее развязной и доступной.

Потом он ушел из публичной библиотеки и пятнадцать лет был отшельником. Его келья была в библиотеке известного атлетического клуба. Здесь он редко видел лицо человека; после многих лет совершенного одиночества он с трудом удерживался, чтобы не скрываться, как пугливый зверек, когда кто-нибудь входил в библиотеку взглянуть на «Всеобщий альманах».

Он не был образован, но благодаря соприкосновению с книгами был пропитан эрудицией, как повар пропитан салом. Он любил книги как книги, независимо от их содержания, и часто читал их, совершенно не понимая содержания. Глотал страницу за страницей таинственной галиматьи. Но даже этот невинный спорт ему, наконец, надоел, и в течение последних лет службы в качестве отшельника при клубе он начал писать дешевые авантюрные рассказы. Журналы кровавых приключений брали у него все, что он производил, платили полцента за слово и восхваляли в безграмотных статьях.

Ричард Эллерман наткнулся на него в клубе лет за семь до начала нашей истории и сделал его своим библиотекарем.

В поместьи Эллермана он жил в библиотечном раю. Ему было ассигновано две тысячи долларов в месяц на приобретение книг без всякого контроля. «Приходится покупать штук пятьдесят-шестьдесят вот таких ежемесячно,—объяснил он Майкелю Уэббу, показывая на роман с краснощекой девицей на обложке.—Я не накупал бы их столько, но нельзя угадать, что им понадобится.»

Остальные деньги он тратил на удовлетворение своего вкуса к литературным курьезам. Эллермановская библиотека обладала первыми изданиями почти всех поэтов; лучшей существующей коллекцией книг о пиратах; всей литературой о поклонении змеям; манускриптом поэм Юджина Фильда; один отдел был всецело посвящен книгам о странных и безумных религиях.

4

Теперь Остин Стонер был возбужден. Наконец, перед ним был посетитель, который действительно мог оценить странные и редкие создания, которые он собрал вокруг себя. Он смешно нагибался над своими полками; жесткие полы длинной визитки торчали сзади, как крылья кузнечика. Он приносил охапки книг и открывал их на определенных страницах.

— Вот вам будет интересно просмотреть,—сказал он, положив на стол два обширных тома.

Майкель прочел заглавие: «Коварные измышления Венеры», Уолтера Лангмуйра. Он никогда о нем не слыхал.

— Что это такое?—спросил он.

— Это о том, какими способами женщины стараются навести на себя красоту,—ответил Стонер, сел и открыл один из томов.—Автор знает и описывает все их уловки. Тут масса фактов, и все это очень интересно. Знаете ли что они делают, чтобы нога казалась меньше?—с жаром продолжал он, наклонившись над книгой, точно худая птица с блестящими глазами.

— Не знаю. Что?

— Существует несколько способов. Один—это поставить каблук в середину подошвы. Посмотрите,—он показал страницу с рисунками женских ног,—посмотрите на эту женщину: у нее здоровенная нога—седьмой но-

мер,—а все знакомые думают, что у нее номер третий, потому что каблук не на месте. Удивительная книга! Все объясняет. Автор несколько лет потратил на личные исследования. Известно ли вам, что они никогда не моют лица.

— Неужели?—спросил Майкель.—Что же они делают?

Стонер быстро перелистывает книгу.

— Здесь все описано,—примирительно шептал он.—Они употребляют кольд-крем. Ведь это все равно, что втирать в лицо масло. Чем, по-вашему, они подтягивают чулки?

— Такими круглыми подвязками,—сказал неуверенно Майкель.—Разве не так? Я, знаете ли, не женат и не знаю таких вещей.

— Я тоже не женат,—хихикнул Стонер.—И не зачем, если у нас есть такая книга,—прибавил он с торжеством.—Нет, подвязок они не носят! Я вам сейчас покажу.—И он разыскал ряд иллюстраций.—Вы видите, они надевают такую сбрую и все к ней пристегивают. Она тянет чулки кверху, а корсет книзу. Видите,—вот так.

Взяв книгу в руки, Майкель заметил:

— Я думаю, что это устарело, Стонер. Совершенно несовременно. Теперь корсетов не носят.

— Носят! Пари держу, что носят! Это авторитет. Он знает. Знаете ли вы, что они приделывают фальшивые ресницы? Что вы об этом скажете?

— Ерунда!—Майкель покачал головой.

— Уверяю вас, нет! Лангмуйр это определенно утверждает. Но пока вы проглядите эти два тома, я вам принесу еще кое-что.

Появился «Tertium Organum» Успенского. Майкель около часа размышлял над ним. Ум его боролся с бесконечностью. Тема книги—представление о четвертом измерении материи. Майкель читал:

«Ничто (в действительности) не рождается и ничто не умирает. Но это только так кажется, потому что мы видим только сектор вещей. В действительности круг нашей жизни только сектор чего-то, и это что-то, несомненно, существует до рождения, т.-е. до появления круга в нашем трехмерном пространстве, и продолжает существовать после смерти, т.-е. после исчезновения круга из поля нашего зрения.»

Майкель думал так же. Но, когда он пытался размышлять об этом, его ум отказывался уничтожить границы, проведенные пространством и временем.

Концепция души у него была вполне реальная и определенная, как коробка спичек, а потому совершенно не могла уместиться в словах.

5

Мисс Вайолет Флеминг внесла в монастырскую тишину библиотеки плотское очарование своей ауры. Ее появление было неожиданно и вытекало из ее собственного побуждения. Возможно, что оно было даже и непреднамеренно.

Это была круглолицая черноволосая девушка, слегка картавая, с умными черными глазами и манерами черезчур неопытной дебютантки.

— Ох, я так устала, что просто падаю,—сказала она Стонеру, который с обычной предупредительностью двинулся ей навстречу.—Танцовала сегодня до самого утра. Если бы вы теперь мне дали хороший романчик, я бы легла в кроватку и помурлыкала.

Она взглянула на него, и в ее глазах что-то неожиданно и ярко блеснуло, как будто из них вдруг выглянул живой зверек, потом она опустила ресницы. Полузакрыв глаза, она продолжала разговор со Стонером.

— Какой роман вы бы хотели, мисс Флеминг?—спрашивал он.

— Не знаю. Что-нибудь пикантное...

Опершись руками на спинки двух стульев, она с детской игривостью приподнялась и стала на них качаться.

— Говорят, что «Цинтия и звезда»—хорошая вещь, дайте я ее посмотрю, но если начинается неинтересно, я ее вам тут же отдам...

Заметив в стороне Майкеля Уэбба, погруженного в чтение, она моментально переменила свой план.

— Ах, мне так надоели глупые романы! На самом деле я люблю серьезные книги. У вас есть что-нибудь по философии.

— Могу сказать, что кое-что имеется,—ответил Стонер.—А что именно?

— Что-нибудь фундаментальное,—сказала она, произнося «фундаментальное» по слогам.—О, я массу читала серьезного, м-р Стонер. У нас дома есть Ральф Вальдо Эмерсон и Ральф Вальдо Трайн. А как вы думаете, они не родственники? Обоих зовут одинаково.

Стонер отнесся к вопросу очень вдумчиво. Он удивился что ему самому это не приходило в голову.

— Не знаю,—признался он.—Это весьма интересный момент. Я могу взглянуть в...—Его глаза с любовью обратились к полкам литературных биографий.

— Не трудитесь,—сказала она,—это неважно. Мне надо интересную хорошую книжку по философии. Что-нибудь глубокое.

Она понизила голос на слове «глубокое» и встряхнула головой, как это делают женщины, когда хотят быть убедительными. От нее пахло жасмином,—ее горничная перекладывала ее белье жасминовым сашэ. В широкий открытый вырез платья Стонер видел изящный изгиб ее

груди. Она казалась холеным игривым животным, которого судьба сделала общим баловнем.

— Не хотите ли взять «Критику чистого разума» Канта?—спросил Стонер.—Это довольно глубокая вещь.

Стонера смущало какое-то неуловимое, неопределенное внутреннее ощущение. Он вспомнил, что испытывал нечто подобное в былые дни в старой нью-йоркской публичной библиотеке, когда похожая на сову девушка склонялась над ним, задавая вопросы, и ее теплое дыхание касалось его щеки.

— Это чудесно! Кант такой удивительный!—прокартавила она и перевела глаза на Майкеля, сидевшего в своем углу и не замечавшего ее присутствия.

Она вызывала в уме представление о веселом игривом леопарде в клетке с кроликами.

«Чорт возьми!—сказал сам про себя Стонер, вынимая шедевр Канта и сдувая с него пыль,—чорт возьми!»

Взяв подмышку сугубо трудный трактат кислого кенигсбергского профессора, мисс Флеминг направилась в угол, где сидел Майкель.

— Ах, мистер Уэбб! Так вот вы где!—прошептала она.—Работаете здесь, пока мы тратим время на пустяки. Неудивительно, что ваш разговор так интересен. Можно здесь сесть? Или я мешаю?

Майкель протянул спичку к ее папироске, и она опустилась в одно из глубоких библиотечных кресел; когда вы в них сидите, вам кажется, что вы уселись на полу.

— Да. Я укрылся тут,—сказал он.—Чем вы там развлекаетесь?

— Да ничего особенного. Как всегда. Вчера очень весело танцовали в клубе... Почему вы не были? Мне вас очень недоставало.

— Вам меня недоставало, мисс Флеминг? Вы шутите! Я вам не нужен. Я почти не танцую.

— Но мне вас недоставало,—продолжала настаивать мисс Флеминг. Говоря это, она опустила глаза и рисовала пальцем узоры на переплете книги, лежавшей у нее на коленях.—Танцы меня вовсе не занимают. Для меня это просто общественная обязанность. Я ненавижу пустых людей.

— Я очень сожалею, что там не был, если вам меня недоставало,—сказал Майкель, внимательно глядя, как она выводит цифру 8.—Очень мило с вашей стороны.

— О, я страшно люблю людей, которые что-нибудь создали,—сказала она неожиданно и подняла голову. Он подумал, что ее глаза похожи на темные озера, невероятно глубокие или нелепо мелкие.—Я восхищаюсь также и женщинами, у которых замечательное дарование. Правда! Мисс Торнтон, например—удивительна! Пока она была здесь, я просто... ну, я просто обожала ее!

— Да, она замечательная девушка,—ответил Майкель.

— Кажется, вы ею восхищаетесь так же, как я, м-р Уэбб?—засмеялась она.—Вы полдня проболтали с ней на лугу. Она счастливая женщина, но в некотором отношении ей не приходится завидовать.

— Вот как? В каком же именно?

— Она холодна, как лед,—произнесла мисс Флеминг, меланхолично склонив головку.—Но вы, конечно, должны были это сами заметить. Ужасно жаль! Такая талантливая и такое отсутствие способности чувствовать! Она мне признавалась, что никогда не может полюбить мужчину—ни за что. Она сама это говорит.

— Как это печально. Но, может быть, это происходит не от недостатка чувствительности, а от самообладания?—сказал Майкель.—Самообладание—прекрасное чувство.

Мисс Флеминг тряхнула головкой и лукаво усмехнулась.

— Нет, она мне сама говорила, что сколько раз про-

бовала полюбить какого-нибудь мужчину, но у нее ничего не выходило.

— С вами этого не может случиться, мисс Флеминг?— равнодушно спросил он.

— Я могла бы... Но не следует задавать таких интимных вопросов. Я вам на них не стану отвечать.—Она рассмеялась серебристым смехом.—Не зовите меня мисс Флеминг. Это ужасно официально. Меня зовут Вайолет. Я не решаюсь назвать вас не по фамилии. Вы такой великий философ. А я глупая девочка.

— Не клевещите на себя, Вайолет,—сказал Майкель серьезно,—вы не глупы, и отлично это знаете. И я знаю. Я удивляюсь вашим способностям.

— Вы шутите. Но и во мне есть серьезная сторона, м-р Уэбб. Я интересуюсь массой вещей, о которых никто не подозревает.

— Не сомневаюсь... Я вижу, что вы читаете Канта. Это действительно очень серьезное дело.

Изящно склонив головку на-бок, она заглянула в первые страницы «Критики».

— Я убеждена, что буду просто обожать эту книгу! Такие писатели заставляют нас думать. Но, повидимому, это довольно-таки трудно.—Она закрыла книгу и с внезапным вдохновением взглянула на Майкеля.—Пожалуйста, расскажите мне о Канте. Расскажите про его философию. Конечно, я кое-что знаю о нем, только очень мало. Но я так интересуюсь всем этим, и мне страшно бы хотелось послушать, что вы о нем скажете.

— Э-э, это довольно сложная тема,—с сомнением сказал Майкель.

— Пожалуйста, расскажите хоть немного. Не будьте со мной таким молчаливым.

— Хорошо. Кант был старый чудак, скончавшийся приблизительно тогда, когда родилась ваша пра-пра-

прабабушка. Он был немец, профессор. Эта книга—его величайшее произведение—чистая метафизика, как вам известно; но он был также крупным ученым. Он создал теорию туманностей.

— Ах, мы проходили это в школе,—оживленно прервала его мисс Флеминг.—Это о происхождении мира, не правда ли?

— Да, это о происхождении мира и прочее. Я обращаю внимание на этот пункт, потому что это открытие обычно приписывают Лапласу. Но исторически установлено, что Кант на сорок лет предвосхитил идею Лапласа. Он много работал в этом направлении. Механическая теория вселенной! Он был настоящий ньютонианец, чего не следует упускать из виду, оценивая его философию. Между прочим, он доказал, что замедляющее действие приливов удлиняет дни и...

— Я это тоже заметила,—сказала девушка,—они стали гораздо длиннее, чем были раньше.

— Нет, Вайолет. Я сомневаюсь, чтоб вы это могли заметить. Он доказал, что они удлиняются приблизительно на одну секунду в тысячелетие. У нас введена экономия света, поэтому, вероятно, вам кажется, что дни стали длиннее.

— Может быть,—усумнилась она в свою очередь.— Так это Кант придумал экономию света?

— Нет, это придумал не он... Его громкая репутация создана его метафизикой. Стройным логическим процессом он установил четыре ряда противоречий, так называемых антиномий. Он брал проблемы пространства и времени, проблему создания мира и т. д. и в каждом случае приходил к совершенно противоположным, но одинаково логичным умозаключениям. Например, одним логическим построением он доказывал, что время не имеет ни начала, ни конца, а потом другим, столь же

убедительным, что оно имеет и начало и конец. Таким образом, его философия совершает самоубийство, и ценность книги, которая находится в ваших руках—поскольку она является вкладом в человеческое знание,—может быть представлена нулем. Но с точки зрения философского метода, она чрезвычайно важна. Мы имеем здесь дело с ограниченностью мысли, с неспособностью человеческого ума охватить представления, включающие полноту феномена.

— Как хорошо вы знаете, о чем говорите,—горячо заявила мисс Флеминг.—Вы гладите языком спину каждого слова, как гладят кошку по спине. Это прелестно! Как будто вы хотите сказать: иди, словечко, и будь умницей.—Она взглянула на Майкеля и медленно опустила глаза.

Майкель несколько секунд молча смотрел на нее.

— Как кошку по спине, вы говорите?

— Да, именно так,—засмеялась она.—Я бы хотела этому научиться.

Она съехала в кресле, и ее короткая юбочка поднялась кверху дюймов на шесть. Майкель смотрел на ее округлые, обтянутые шелком колени и смущался. Раздражающее чувство гнало из головы философию.

«Ах, чорт!»—выругался он про себя. Он не один произнес подобный монолог. Неуклюжий пожилой библиотекарь в своем углу, перебирая свои книги, также твердил про себя: «Чорт возьми!»

— Вы бы лучше поправили юбку, Вайолет,—мягко предложил ей Майкель,—она выше колен.

Она быстро одернула платье, удивленная и сконфуженная.

— Юбки теперь такие короткие,—пробормотала она.— Расскажите же еще что-нибудь о Канте.

— Но у вас есть книга,—сказал Майкель.—Там все

сказано лучше, чем я могу передать. Я думаю, что методы философского исследования вам знакомы,—прибавил он с улыбкой.

— Я... я знаю...—запнулась она.—Я читала Хэвлок Эллис.

— Тогда вам эта книга ни к чему,—резко сказал он.—Можете ее тут же вернуть на место.

— Почему?—спросила она.

— Вы знаете больше, чем знал Эммануил Кант. Он ненавидел любовь и влюбленных и презирал женщин.

— Какой ужасный человек!—воскликнула мисс Флеминг.

— Нет, в самом деле. Кант вам ни к чему.

— Мне бы хотелось как-нибудь поговорить с вами о Хэвлок Эллис,—сказала она с легким смущением, внимательно открывая и закрывая заглавные листы бессмертной книги Канта.—Вы знаете так много, и при вашей учености, я уверена, вы могли бы научить... научить меня...

— Вы бы хотели, чтобы я вас учил?—тихо спросил Майкель, положив бессознательно свою руку на ее.

Она ничего не сказала, только опустила глаза и молча кивнула.

Наступило минутное молчание, во время которого внимание Майкеля со страшной непоследовательностью было привлечено белизной ее руки, сравнительно с его темной и загорелой лапой.

— Я думаю, вам бы теперь лучше уйти, Вайолет,—предложил он.

Не глядя на него, она спокойно взяла книгу и встала.

— Я тоже так думаю, милый,—сказала она.

Интимная нотка в ее голосе напоминала быстро отдернутый занавес.

6

Когда она ушла, Майкель снова обратился к книге, которую читал. Но, к своему удивлению, заметил, что десять минут перечитывает один и тот же параграф. «Ах, чорт!»—сказал он про себя и отложил книгу.

— Кажется, я больше не буду читать, м-р Стонер,— заявил он библиотекарю.—Вероятно, я устал. Что-то не могу сосредоточиться...

— Я тоже,—мрачно заметил Стонер.—Должно быть, весенняя лихорадка действует на меня. Надо пойти прогуляться.

Час спустя оба мужчины шли рядом по Уэстчестерским холмам, останавливаясь на их гребнях и указывая друг другу на красоты природы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

СОБЛАЗН ЗОЛОТА

1

— Книга называется «Пираты и их логово»,—объяснял Стонер Майкелю Уэббу, когда они шли по полю.— Сначала она капитану Диксону не понравилась. Все, как обычно: рассказ о пиратах. Захваченное судно, перерезанные глотки, пьянство, зарытые сокровища. У меня в эллермановской библиотеке около трехсот таких книжек. Книга стоила пустяки, и он ее забросил. Он говорит, что много раз потом удивлялся, почему не выкинул ее сразу за борт. Но что-то его удержало. Потом пошли необыкновенные вещи. И началось все это со следующего дня, как он купил эту книгу. Это—факт.

— Очевидно, таков перст судьбы,—заметил Майкель.

— Я тоже это говорю,—продолжал Стонер.—Именно—перст судьбы! В это время его судно стояло в ост-индских доках, грузилось в Австралию. Каждое утро юнга ходил покупать газету и подавал ее капитану за завтраком. Он, знаете, читал газету за завтраком. Хорошо. На другой день после покупки книги берет он «Таймс», а может быть, «Дейли Мэйл» или «Морнинг Пост»—уж не скажу вам точно, какую именно газету— и видит на первой странице объявление такого рода:

«Особу, купившую вчера книгу под названием «Пираты и их логово» в маленький книжной лавке на Шэфтсбери-авеню, просят вернуть ее прежнему владельцу. Пять фунтов стерлингов вознаграждения за беспокойство. Книга ценится по личным воспоминаниям и продана по ошибке». Адрес был дан на Норд-Одлей-стрит. Хорошее место, говорит капитан. Когда капитан Диксон прочел объявление, он говорит, что чуть со стула не упал. Вырезал объявление. До сих пор его сохраняет. Я скажу ему, чтобы он его вам показал. Потом вспомнил: когда он покупал книгу, приказчик ему сказал, что эта книга в их магазине какой-нибудь час или два и что ее вместе с полдюжиной других разрозненных книг принесла продавать красивая молодая дама. Хорошо! Чтобы быть кратким, скажу, что капитан был хитер. Он понял, что за этим что-то кроется, и провел все утро, рассматривая старую книгу. Первая мысль была, что в ней спрятаны деньги, но их не оказалось.

— А он не искал какого-нибудь тайного ключа?— спросил Майкель.—В этих старых книгах иногда бывает секретная запись шифром, известным только немногим. Но если его найти, то можно приобрести состояние.

— О да! Именно это и пришло капитану в голову. И я вам расскажу, что из этого вышло. Капитан сделал все, чтобы найти тайну. Он прочел почти всю книгу: он сидел в своей каюте и корпел над ней целые дни. Вскоре он дошел до главы об одном особенно свирепом пирате, по имени Робинсон. В этой главе рассказывалось, что Робинсона в конце концов повесили на Ямайке. Но всем тогда было известно, что Робинсон свои преступно добытые сокровища зарыл на каком-то острове. На каком—неизвестно. Ямайский губернатор целую неделю пытал его, чтобы выудить тайну, но

тщетно. Он умер, не сообщив ничего, кроме того, что действительно зарыл свои сокровища, а было их на два миллиона золотом. Губернатор чуть не умер, с досады! Автор «Пираты и их логово» сообщал, что по общему убеждению, клад Робинсона зарыт где-то на Маркизских островах. По мнению автора книги, есть основание подозревать, что карту с обозначением клада Робинсон успел передать кому-то из своей команды или в этом роде. Как раз на этом месте капитан Диксон заметил на полях чуть видно написанные карандашем слова: «Смотри в. л.». Понятно, сначала он не мог в этом разобраться, но подумав хорошенько, пришел к выводу, что это значит «вкладной лист». Капитан—человек очень догадливый. Он тут же открыл вкладной лист, но на нем ничего не оказалось. Тут только он заметил, что два вкладных листа были аккуратно склеены вместе по краям. Он их разрезал, и представьте его удивление!—На одном из них была тщательно нарисована чернилами карта! «Ага,—сказал он сам себе,—теперь я вижу, где зарыта собака». Карта острова была с обозначением долготы и широты. Одно место на острове отмечено крестиком и словом «клад». Очевидно, это была копия старой подлинной карты. Капитан рассмотрел ее ближе и увидел, что она наклеена на вкладной лист. Это была старая выцветшая карта, вклеенная в книгу. Тогда он достал свои корабельные карты и посмотрел на долготу и широту. Совершенно верно—остров оказался на месте, как раз один из Маркизских.

— Что же он сделал?—спросил Майкель.

— Промолчал. Через день появилось другое объявление. На этот раз предлагалось солидное вознаграждение за сообщение фамилии и адреса моряка, купившего книгу. Тут капитан понял, что за ним следят сыщики.

— А он не узнал, кто печатал объявление?

— Это и есть самое странное. Он разузнавал на Одлей-стрит и узнал, что объявление печатал некто по фамилии Робинсон, джентльмен, прикованный к постели, живший в каменном доме, некий м-р Уольтер Сэведж Робинсон. Был ли он потомок пирата Робинсона, или нет, нам узнать не удалось.

— Вероятно, потомок,—высказал свою догадку Майкель.

— Перед отъездом из Лондона капитан осторожно расспрашивал в книжных лавках и установил, что книга считается редкой. Я мог бы сказать, это тоже: она числилась в моем списке распроданных книг по крайней мере лет пять или шесть. Хорошо. Все это было лет десять тому назад, и с того времени жизнь капитана Диксона обратилась в ад. Он может рассказать вам историю о том, какие поразительные вещи могут происходить с человеком в наш цивилизованный век. Когда он прибыл в Сидней, то пришел к убеждению, что заинтересованные лица в Лондоне пронюхали о том, что книга в его руках. Вероятно, благодаря сыщикам. Делалось все, чтобы вырвать ее у него. Букинисты второго сорта каждый день являлись в док и предлагали купить старые книги. Однажды его заманили в притон и напоили пьяным. Когда он вернулся на судно, он нашел, что его каюта разграблена и все ценное унесено. Только книги они не нашли, хотя вспороли даже тюфяки.

— Почему же он не нанял судна и не отправился на остров?

— Он пытался это сделать, но ему всячески препятствовали: никак не мог достать ни судна, ни команды. После этого таинственная рука из Лондона настигала его по всему свету. Он это чувствовал. Раз взбунто-

валась команда, другой раз случилось кораблекрушение. Его упорно, из года в год, держали в Средиземном море. Когда же он просил перевода в южные моря, то судовладельцы над ним насмехались и советовали не сходить с ума. Уверяли, что не хотят, чтобы он плавал далеко от дома... В конце концов он был вынужден бросить море. Тут я с ним и познакомился.

Майкель долго шел молча.

— А теперь он хочет организовать компанию для отыскания этого сокровища?—спросил он.

— Именно так,—подтвердил библиотекарь.—Все это крайне конфиденциально. Мы с ним долго это обсуждали и решили приступить к делу, как только найдем подходящего третьего человека. Все трое получим одинаковую долю. Но для этого предстоит долгое небезопасное путешествие по океану, возможность столкновения с отчаянными злодеями и, наконец,—несметное богатство на троих! Что вы на это скажете?

Высокий бледный библиотекарь пришел в возбуждение. Видения сверкающих островов, окруженных белой пеной рифов, теснились в его голове. Он был опьянен мечтами, размахивал руками, и низкое вечернее солнце далеко отбрасывало на веселые луга его уродливую тень.

— Я ничего не имею против несметного богатства,—признавался Майкель,—особенно, если оно не связано с работой...

— Тогда пройдемте прямо в деревню и повидаем капитана,—предложил Стонер.—Если вы сговоритесь, то напишем договор.

— Кровью?—спросил Майкель.—Только не кровью. Я не люблю, когда пишут кровью.

— Нет! Просто чернилами,—сказал Стонер.—Составим обыкновенный деловой документ черным по белому.

2

По дороге, освещенной пылающим закатом, они дошли до единственной улицы деревни Доббс-Ферри. Стонер, молчавший в течение четверти часа, неожиданно сказал, точно бросил камень в воду:

— Я думал сейчас, что мы похожи на трех мушкетеров.

Уже стемнело, когда они подошли к освещенному деревянному строению с вывеской на фасаде: «Диксон, Скобяной товар и домашнее хозяйство».

Окна были завешаны разными инструментами и кухонными принадлежностями. Вход был заставлен детскими колясками. В каждой коляске торчал плакат с надписью: «Неделя детских колясок». Какая-то женщина катала одну из них взад и вперед, пробуя пружины.

— Вот капитан Диксон,—прошептал Стонер, указывая на плотного рыжего человека лет пятидесяти, стоявшего за конторкой. Лицо у него было круглое, глаза голубые и веселые. Майкель заметил, что на руках у него волос было много, а на голове мало.

— Мистер Уэбб,—представил его Стонер.—Вы, капитан, можете говорить с ним откровенно. Он тот джентльмен, о котором я вам уже сообщал: мистер Уэбб, известный философ.

Капитан вышел из-за конторки и захватил руку Майкеля в свою большую мохнатую лапу.

— Так это вы известный философ? Я никогда не имел дела с философами, но думаю, что это ремесло, как всякое другое. Так вы, значит, с нами заодно?

— Ну, да,—подтвердил библиотекарь.—Ведь это правда?—обратился он к Майкелю.

— Правда,—повторил Майкель.—Но если там несметное богатство...

— Ну-ну!—Капитан замахал руками.—Это дело верное. Миллионы, миллионы и миллионы, говорю вам. Только бы добраться туда и вернуться обратно живыми. Хороший ли вы стрелок, мистер Уэбб?

— Конечно,—сказал Майкель,—я попадаю в муху. В дверь просунулась голова приказчика и сообщила:

— Мы продали еще одну коляску, капитан. Но только эта женщина хочет, чтоб мы устроили в ней зеркало.

— Зеркало?—крикнул капитан гневно.—Зачем это? Чтобы смотреться в него, пока катает ребенка? Нет, этому не бывать.

По тону капитана было видно, что он закоренелый холостяк.

— Нет,—ответил юноша,—она думает, что зеркало будет успокаивать ребенка. Такое, знаете, зеркало, вроде погремушки, чтобы вертеть его перед ребенком, чтобы он в него смотрелся. Она просит...

— Ах, продайте ей зеркало за пятьдесят центов, и пусть ее делает с ним, что хочет,—рявкнул капитан,—мне некогда заниматься разными пустяками! Очень рад, что вы хороший стрелок. Возможно, что нам придется еще попасть в переделку.

— Первым долгом нам следует нанять судно, я так думаю,—высказал Майкель свое предположение.

— Разумеется,—согласился капитан,—только это не так просто, как вы думаете.—Честное слово. Вы не знаете, что мне пришлось испытать. Видите, несгораемый шкаф совсем испорчен. Месяц тому назад они его взломали. Взяли только деньги. Но бумаги все были вынуты и разбросаны. А книга-то у меня спрятана в другом месте. Подождите минутку...

Они услышали его шаги, спускавшиеся по темной лестнице в погреб. Через несколько минут он возвратился с небольшой ветхой книгой в руках.

— Вот вам!—Он смахнул платком приставшую к книге пыль.—Они всячески выслеживают меня. На прошлой неделе я поймал в этой комнате человека, перебиравшего мои книги на полке. Когда я вошел, он сказал, что пришел потелефонировать. «В книгах телефонов не держат»,—говорю ему, а он мне ни слова на это.

Майкель рассматривал книгу. Это был подарок автора, некоего Смизера—«Моему старому верному другу Вильяму Сэведжу Робинсону». В конце, на вкладном листе, была наклеена старая выцветшая карта на пожелтевшей бумаге.

— Моя гипотеза,—важно заявил Стонер,—что этот Робинсон—потомок пирата. Но он это скрывает.

— Повидимому,—сказал капитан.

— Скрывает,—повторил библиотекарь.—Карта досталась ему, но он не имел понятия о ее ценности, пока не прочитал книги своего друга. Потом понял, к чему была карта и как ее использовать. Болен он, вероятно, только временно и поэтому наклеил карту в книгу, чтобы, когда выздоровеет, отправиться на поиски клада. Это, конечно, только гипотеза,—скромно прибавил Стонер,—но, по-моему, она вполне соответствует фактам.

— Положим, несовсем!—заметил капитан.

3

Все трое поужинали в единственном трактире Доббс-Ферри. Они просидели там долго. Им упорно не хотелось расходиться—черта, отличающая холостяков от всех других видов человеческой породы.

Кроме того, они мало знали друг друга, и им инстинктивно хотелось познакомиться.

Майкелю нравились оба—и капитан и Стонер. Подходя к поместью Эллермана, он задавал себе вопрос:

стоит ли в знак дружбы обезвздорить их—разубедить в этой экспедиции за кладом?

Нет, он решил их не разубеждать. Вздор, их увлекающий,—бальзам в их жизни. Их точит скука, как червь точит яблоко. Чем плохо, если они уедут в южные моря, будут копать там песок, ловить черепах, бренчать на укслеле, надевать цветочные гирлянды и строгой рукой отстранять ласки прекрасных темнокожих женщин?

Подумав, что они уедут без него, он на минуту почувствовал себя несчастным.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ЗАПИСКА, НАДУШЕННАЯ ЖАСМИНОМ

1

По бокам массивного фасада дома в «Тенистом Лугу» поднимались две восьмиугольные башни. Нижняя комната в одной из них (восьмиугольник тридцати футов в диаметре) была курительной для мужчин. Такая же комната в другой башне была отведена для дам. Проходя мимо двери, Майкель услышал в курительной мужские голоса и решил присоединиться к обществу.

Перед камином сидело пятеро: троих он знал—Франка Ллойда, Томаса Хэнтера и Перси Риддля. Двое были ему неизвестны. В комнате было темно, только в камине горел огонь. И в этом свете лица казались странными и необычными. Темные тени рисовали на стене гигантские раздутые силуэты. Это был час воспоминаний. Уютная обстановка располагала умы к образу прошлого.

— Да,—говорил Ллойд,—многие из нас начинают с малого. Взять хоть Гамильтона... Вы знаете автомобиль Гамильтона? Ужасно тут жарко.—И он отодвинул кресло от огня.—В больших каминах то плохо, что всегда разводят огня больше, чем надо.

Все также отодвинули кресла и образовали более широкий полукруг около оратора.

— Да, так вот—Гамильтон. Был он простым коммивояжером и зарабатывал деньги комиссионной продажей скобяного товара. А потом перешел на автомобили.

Незнакомый человек, сидящий рядом с Майкелем, проявил желание заговорить. Ему было лет сорок пять, он отличался совершенно лысой головой и длинной черной вандейковской бородой. И борода и лысина были настолько своеобразны, что всякий мог бы его узнать в случае, если бы он потерялся... Очевидно, он был молчалив или косноязычен: он не говорил, а цедил слова, точно капал ими из засорившегося крана.

— Альберт Гамильтон начал делать автомобили в одно время с Эллерманом,—процедил он и перестал капать.

— Верно, Джордж,—продолжал Ллойд,—они начали в одно время. В те дни автомобили были новостью. Я еще помню, как около автомобиля на улицах всегда собиралась толпа. Альберт Гамильтон—умный человек и хорошо знает дело. Конечно, он не Ричард Эллерман, но в своем роде—у него отличная марка.

Хэнтер был удивлен. В чикагской штаб-квартире они считали Гамильтона слабым конкурентом.

— Что вы!—воскликнул он.—На каждую их машину мы продаем целый десяток.

— Да, точно так,—согласился м-р Ллойд.—И тем не менее, принимая все во внимание, Гамильтон достиг большого успеха. Сколько он стóит, как по-твоему, Джордж?

Он повернулся к лысому человеку. Джорд долго собирался отвечать.

— Д-да,—наконец, процедил он,—н-не знаю. Думаю что по самой низкой—понимаете, самой низкой расценке—я считал бы Гамильтона в, скажем,—в пяти миллионах долларов!

— Я тоже так думаю, Франк,—сказал Ллойд,—около пяти миллионов. Он ловкий делец.

Он покачал головой.

— Положим, он знает дело и заслуживает доверия, но ему нехватает сметки Дика Эллермана.

Оба—лысый и Ллойд—молчаливо наклонили головы в знак подтверждения сказанного.

— В Дике Эллермане это и замечательно,—горячо сказал Перси Риддль.—Он провидит! Возьмите такого, как я—настоящая дубина в финансовых операциях. А он—нет. Уж этого за ним нельзя не признать.

2

— Как начал м-р Эллерман свое автомобильное дело?—спросил Майкель.—Вы не знаете, м-р Ллойд?

— Конечно, знаю,—ответил Ллойд доверчиво и самодовольно.—В то время я еще не состоял его юрисконсультом, но вскоре был им приглашен. Очень интересная история! Настоящий деловой роман! Началось все с того, что первая жена Ричарда Эллермана была дочь старого Горация Клеттербэка. Ричард участвовал с ним в деле, а потом—около того времени, как женился,—сильно поссорился с ним. Не знаю, как и из-за чего, но только дело кончилось тем, что к Ричарду перешла часть недвижимого имущества на южном берегу. Между прочим, была там старая машинная мастерская, за которую арендатор не платил денег... Старая, развалившаяся мастерская для производства автомобилей или экипажей без лошадей, как их называли в те дни... Это было в 1897 году. В это время уж многие пробовали заниматься автомобилями, и почти все на них разорялись. Так вот, джентльмены, Ричард Эллерман спекулировал недвижимостью, а об автомобильных заводах помышлял не больше, чем о том, чтобы сделаться

дантистом. Поэтому он поместил объявление о продаже мастерской. Однако охотников купить мастерскую не находилось, пока не пришел к нему некий Аддисон. Человек он был без большого образования, но первоклассный механик. Думаю, что о моторах он тогда знал больше, чем кто-либо. Он работал над локомобилями у Джона Брисбен Уолкера на заводе в Ирвингтоне. Совсем недалеко отсюда.

— В Ирвингтоне?—заметил Перси Риддль.—Это не более двух миль от Доббс-Ферри.

— Аддисон работал там,—продолжал Ллойд,—а потом перешел в Кокомо, в Индиане, к Хэйнсу—отцу газолинового автомобиля в Америке... Аддисон был фанатик. Он ел, пил, спал и говорил, думая только об автомобилях. Он утверждал, что придет время, когда в Соединенных Штатах будет сто тысяч автомобилей, или безлошадных экипажей, как он их тогда называл.

В комнате раздался заглушенный смех.

— Сейчас их десять миллионов,—вставил слово Хэнтер.

— Да, я знаю. Теперь нам кажется это странным,—продолжал Ллойд.—Но тогда это казалось безумным в обратном смысле. Итак, Аддисон желал купить старую мастерскую и делать автомобили. У него был готов план новой, усовершенствованной машины. Нехватало только денег. Однако он рассчитывал достать и деньги, если ему дадут время. Ричард ждал месяца два, но в конце концов Аддисон пришел и заявил, что не мог ничего добиться. Он был очень расстроен этим обстоятельством. За это время Ричард изучал Аддисона. Мастерская оставалась у него на руках, и надо было что-нибудь с ней предпринять. Ричарду Аддисон нравился. Он всегда любил энтузиастов, которые не боятся работы... Я обращаю ваше внимание на это,

потому что потом рассказывали совсем другое об его отношении к этому человеку. Я могу засвидетельствовать, что он до самого конца относился к Аддисону хорошо. Когда Аддисону не удалось достать денег, Ричард предложил ему все-таки взять себе мастерскую и работать с ним на равных началах.

Между собой они состряпали контракт домашним способом. Аддисон должен был получать шестьдесят долларов в неделю и половину чистой прибыли. Ричард обязался оборудовать мастерскую и дать рабочий капитал не свыше тридцати тысяч долларов. Контракт действителен был на три года.

Тогда я не был юрисконсультом Ричарда Эллермана, фактически я не был ничьим юрисконсультом, и это обстоятельство меня крайне заботило. Представительство Эллермана я получил года два спустя... А тогда оно было поручено известному чикагскому светилу—Хэтчеру.

Я часто потом удивлялся, отчего Дик не поручил Хэтчеру составить этот контракт. Но Дик объяснил это тем, что считал его пустяковым и не думал, что он может привести к недоразумениям, потому и не хотел утруждать этим Хэтчера. Кроме того, у Аддисона не было адвоката, и Ричард думал, что будет неблагородно иметь на своей стороне все преимущества.

Документ этот, позвольте вам доложить, был составлен в высшей степени несообразно и с большими упущениями. Сразу было видно, что составляли не специалисты. А вы знаете, что это значит?—обратился он к соседу.

— Знаю ли я?—ответил тот.—Пока я занимался адвокатурой, такие контракты попадались мне редко, а с тех пор, как стал судьей, их бесконечное количество. Некоторые из них—совершенно китайские загадки. Если невозможно их распутать, то приходится угадывать намерение сторон.

— Но автомобильное дело пошло лучше, чем кто-либо мог ожидать,—продолжал Ллойд свое повествование,—лучше даже, чем рассчитывал Аддисон, а это немало. Аддисон был изобретатель, не только механик. И некоторые из его изобретений все еще применяются на эллермановском автомобиле. Дело быстро росло, и вся прибыль вкладывалась обратно на расширение завода. В течение трех лет Ричард не взял ни одного цента из этого предприятия.

В конце концов Аддисон был только механик, и когда через три года истек срок контракта, то предприятие разрослось настолько, что стало совершенно необходимо поставить во главе делового человека... Ричард сообщил Аддисону о переменах, которые думал ввести, и предложил ему остаться заведующим заводом на жаловании. Жалование назначено было крупное, потому что Ричард был очень высокого мнения об Аддисоне.

Но, господа, Аддисон махнул через оглобли, и на-
чалась ужасная кутерьма. Он уверял, что ему принад-
лежит половина дела на правах собственности, что он
вложив в дело свой опыт и знания, а Эллерман—мастер-
скую и тридцать тысяч долларов. Чистая ерунда! Я дока-
зывал Аддисону—в это время я стал адвокатом Эллер-
мана,—что контракт говорит только об участии в поло-
вине прибыли, а не в половине капитала. Начался
судебный процесс. Контракт был составлен туманно:
в некоторых местах говорилось о правах Аддисона на
половину всего дела, но в главном пункте, где опреде-
лялась эта половина, ясно говорилось об участии в по-
ловине прибыли.

— Каковы же были первоначальные намерения сторон?—спросил судья.

— Ричард мне говорил, что ему и присниться не

могло передать половину прав собственности Аддисону. Насколько я его знаю, я тоже так думаю. Как по-вашему, м-р Уэбб?

— Конечно, нет,— возразил Майкель.— Удивительно, как Аддисону могло притти в голову, что ему принадлежит половина предприятия?

— Недоразумение,— сказал судья.— Обоим нужно было пригласить юристов для составления контракта.

— Я думаю, что Аддисон был сутяга,— снова начал Франк Ллойд.— Дело пошло настолько удачно, что он не желал довольствоваться первоначальным контрактом и хотел перетолковать его в свою пользу. Он думал, что сможет справиться с Ричардом Эллерманом. В этом все дело... Но Ричард никогда этого не думал и всегда говорил, что Аддисон неверно понимает условие, хотя писал контракт с ним вместе.

— А сколько составляла половина прибыли, принадлежавшая Аддисону?

— Сейчас скажу. Он проиграл первый процесс о своем праве на половину всего дела и начал второй— о возвращении ему его части прибыли. Он доказал, что дело дало сто восемьдесят тысяч долларов чистого дохода в течение первых трех лет. Это было верно. Но в контракте было указано, что ничто не могло рассматриваться как прибыль, пока не удовлетворены нужды завода по установке новых машин и т. д. Фактически все до цента вкладывалось назад в предприятие, и делить было просто нечего. Он проиграл и этот процесс... Адвокат у него был хороший, но дело было проиграно. Дик Эллерман очень его жалел. Перед последним судом он повторил свое предложение Аддисону назначить его управляющим завода на жаловании в пятнадцать тысяч долларов. Но тот еще больше обозлился. Дик пригласил меня и со своей особенной улыбкой пред-

ложил мне передать Аддисону чек на двадцать тысяч долларов в знак признательности за верную службу. Я был поражен. Я напомнил Дику, что Аддисон шел против него. Он сказал, что забыл об этом. Это было самое странное и самое чистое дело, которое мне было поручено за всю мою адвокатскую практику. Но мы в те времена еще понятия не имели о вздоре,—с улыбкой обратился он к Майкелю.

— Очевидно,—согласился Майкель.

— Иначе мы не послали бы этот чек Аддисону,—продолжал Ллойд.—Оказалось, что со всем своим талантом к механике Аддисон был художником по части вздора. Во-первых, он оставил у себя чек, во-вторых, написал Дику самое злое письмо, какое я только читал. В письмо он вложил счет на девяносто тысяч долларов, из которых вычел двадцать, и приписал на счете: «Прошу уплатить по нему семьдесят тысяч долларов, тогда будем в расчете». Как вам это нравится?

— По-моему, это неблагодарность,—заметил Хэнтер,—принимая во внимание, что иск был проигран и деньги были подарком.

— Хорошо. Потом он начал автомобильное дело с другим компанионом, и начали они изготовлять так называемый автомобиль Аддисона. Честное слово, это был точный дубликат эллермановского, и в нем были все наши патентованные приспособления... В практических делах Аддисон был круглый дурень... Ричард очень терпеливо относился к этому. Два года мы уговаривали Аддисона бросить это дело. Он не соглашался. Мы привлекли его за подделку патентов. В защиту он приводил, что сам изобрел эти приспособления. Да оно так и было...

— Но он их передал Эллерману?—важно спросил судья.

— В этом все и дело... И обязался крупной неустойкой их не повторять. Он проиграл и этот процесс. Тем и кончились автомобили Аддисона.

3

— Да, вот как Дик начал автомобильное дело,—прибавил Ллойд после минутного молчания.

— А что стало с Аддисоном?—поинтересовался Майкель.

— Не знаю хорошенько,—ответил Ллойд.—За последние десять лет я о нем не слыхал. Выдохся, должно быть. Последний раз, когда я о нем слышал, у него был маленький гараж и починочная мастерская под Мильвоки.

— Очень, очень интересная история,—важно сказал Хэнтер.

— И типичная,—заметил Майкель.

— Не правда ли? — согласился Ллойд. — Подумать только, как этот Аддисон счел себя в праве требовать половину предприятия Ричарда, несмотря на то, что ему предлагали хорошее место в пятнадцать тысяч долларов в год! По крайней мере в пять раз больше, чем он когда-нибудь зарабатывал! Но я считаю самым замечательным в этом деле—щедрость и великодушие Ричарда, пославшего двадцать тысяч долларов побежденному противнику. Что вы на это скажете?

— Скажу, что все это очень типично для него,—ответил Майкель и ушел к себе.

4

Четверть часа спустя Майкель сидел в своей комнате в полном одиночестве, если не считать терзающей его совести. Очередная статья в «Человечество» не была написана. Надо было писать ее после обеда, а он про-

вел время в библиотеке и потратил время на болтовню с мисс Флеминг, на подготовку нелепой, детской экспедиции кладоискателей, на слушанье ранних подвигов финансового короля...

Завтра день будет занят починкой автомобиля мисс Меррифильд. Писать будет некогда.

Печально он вставил лист бумаги в свою дорожную пишущую машинку и сидел, опустив пальцы на клавиши. С чего начать? Он ощущал полную душевную пустоту. Тщетно призывал он вдохновение и в течение десяти минут пристально смотрел в северо-западный угол комнаты, в то место, где стена сходится с потолком. Очевидно, вдохновение оттуда не появлялось. Голова попрежнему была пуста. Все возможные темы казались пошлыми.

Невеселое переживание писателя, когда он чувствует, что было бы гораздо лучше, если бы он работал в бакалейной лавке своего дяди!

Не так трудно создавать мысли и передавать их словами на бумаге. Трудность всякого рода писательства в том, чтоб привести себя в подходящее настроение. Сидя перед чистым листом бумаги, прислушиваясь к тиканью часов и голосу долга, Майкель старался заставить себя смотреть на вещи свысока. Писатели должны уметь на все смотреть свысока. Для них фатально, когда они смотрят снизу вверх! В школах при обучении литературным приемам детей учат смотреть свысока на каждого автора, поэтому эта работа бывает так интересна.

Майкель мирно курил трубку и старался смотреть свысока на Гергарда Гауптмана, хлопкового вредителя, либеральную литературу, на сенат Соединенных Штатов и т. д. Ничто не действовало!

Он сунул руки в карманы и стал перебирать другие

сюжеты: Юджин Дебс... самогон... радиоконцерты... германская валюта... «Только бы начать, а там пойдет само собой,—рассуждал он про себя:—Шекспир, ценность реклам, Клемансо, английские сигары...»

Неожиданно, вынув руки из карманов, он написал в начале листа: «Кипящий котел» и начал рассказ о том, как бойкий антрепренер вывез трех жен турецкого экс-султана для сцены театра. Дальше пошли рассуждения о незнакомстве с подлинным характером турок, и неожиданно в его мозгу блеснуло решение вопроса о Дарданеллах. Он писал быстро, не перечитывая, опасаясь, что найдет в статье массу ошибок.

«Пусть читатели сами разберутся,—сказал он про себя,—для них полезно!»

После этого все пошло, как по маслу. Один параграф следовал за другим. Вдруг он остановился на вопросе о дамских шляпах. В дверь слегка постучали... Он оглянулся. Маленький белый конверт вылез из-под двери и лежал на полу. Потом послышалось шлепанье туфель, и вдалеке тихо хлопнула дверь...

5

Он подошел к конверту осторожно, точно к динамитной бомбе. Когда поднял его, то ощутил слабый, но настойчивый запах жасмина.

Злободневные вопросы и ход человеческого прогресса—все вдруг стало далеким и потеряло свой интерес... Потом совсем исчезло. Записка была написана крупным, но изящным и установившемся почерком. Почерк этот напоминал Майкелю красивые письмена, начертанные на пергаменте, которые он видел на базарах в Персии. Он не умел их читать, но думал, что это поэмы. Возможно, что это были просто кухонные рецепты. Во всяком случае, этот почерк был похож на них.

«Вы, удивительный!.. Я лежу в своей одинокой комнатке через холл, читаю Канта и прислушиваюсь к стуку вашей машинки... Теперь я заставила вас остановиться и подумать немножко о моей маленькой особе.

А теперь—покойной ночи! Вы, удивительный!

Вайолет.»

Майкель поднес записку к свету и пристально ее рассматривал. Лицо его было серьезно, точно он изучал судебный приговор. Он был один в комнате, была полночь, в руках у него была записка, надушенная жасмином... В таких случаях мужчины не улыбаются... Он ее понюхал... Жасмин! Сел на ручку кресла и снова перечитал.

После минутного размышления, он сунул записку в карман и машинально провел рукой по подбородку. «Кажется, надо побриться,—сказал он сам себе.—Или не стоит,—продолжал он свой монолог,—причешу только голову...»

Раздался голос. Для Майкеля громкий, как удар колокола. Голос души. Он много раз слышал его и раньше.

Душа. Что ты хочешь сделать с запиской?

Майкель. Как что? Хочу перейти холл и зайти к этой девице.

Душа. Не время заходить к девицам.

Майкель. Именно время! Она, несомненно, этого ждет.

Душа. Не время для тебя. Ты должен заниматься другими вещами.

Майкель. Это ничему не мешает. Никому не повредит, если я пойду.

Душа. Тебе не следует этого делать.

Майкель. Не будь ханжой. Ты часто говорила, что я живу на земле, чтобы приобрести опыт.

Душа. У тебя совершенно достаточно такого опыта. Даже чересчур!

Майкель. Тем не менее, я еще не лишен галантности. Ведь она же меня ждет!

Душа. И пусть подождет.

Майкель. Это легко тебе говорить. Ты только душа. Ты не знаешь, что значит встретиться лицом к лицу с оскорбленной женщиной, которую ты отверг? А со мной это случалось.

Душа. У тебя есть другие дела. Вот и все. Ты должен итти делать свое дело... потерпеть поражение и быть уничтоженным.

Майкель. Поражение и уничтожение?

Душа. Да, это было со многими, более достойными, чем ты. И тебе нечего терять время на хождение к девицам после полуночи.

Майкель. Весело, него сказать! А что, если я откажусь терпеть поражение?

Душа. Тогда я уйду.

Майкель. И оставишь меня без души?

Душа. Оставлю тебя без души, и ты будешь ничем— не лучше банкира в мелком городишке!

Он думал, что это говорит душа, но на самом деле это говорили его тридцать четыре года... В этом возрасте мужчине не нужна любовница, а нужна жена... Поэтому душа надувается от важности, делается требовательной и полна веских соображений.

Майкель тоскливо дописал пером статью. По непонятным для него причинам, скрытым в его подсознательной умственной деятельности, он не желал, чтобы мисс Флеминг слышала стук его пишущей машинки через холл. Он старался тише двигаться по комнате.

Утром он решил занять костюм у шоффера Эллермана и отправиться пораньше чинить машину мисс Меррифильд. Он был рад этому делу. Его можно будет растянуть, так, чтобы весь день не возвращаться в «Тенистый Луг».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГАНТИЗМА

1

Томас, старший эллермановский шоффер, имел свои предрассудки относительно некоторых экономических вопросов. Он считал, что джентльменам совершенно нечего делать около автомобилей, особенно если есть люди, которые могут на этом месте кое-что честно заработать. Посему он мрачно отнесся к плану Майкеля, который в десять часов утра явился к нему в гараж просить костюм и набор инструментов для починки машины мисс Меррифильд.

Томас стоял в широких холодных воротах огромного гаража и жевал свою жвачку, засунув руки в карман. Он говорил, глядя не на Майкеля, а на далекое облако, плывшее за правым ухом Майкеля. То обстоятельство, что он жевал, несколько затрудняло его речь, и слова выходили только из левого угла рта.

— Вы весь измараетесь, сэр,—повторял он,—я знаю машину мисс Меррифильд, она хорошо смазана: рук потом в жизнь не отмыть.

— Знаю. В этом вся суть,—весело отозвался Майкель.—Я люблю ручной труд и не боюсь грязи.

Предпочтение, оказываемое демократическому труду, не возбуждало никаких симпатий в Томасе. Он не ценил демократизации работы.

— В крайности,—предложил он,—я мог бы сам туда сходить и подтянуть подшипники.

— Благодарю вас, но мне нечего делать, и я займусь этим сам.

Томас никогда не слыхал о глубокой учености и литературных заслугах Майкеля Уэбба. Литература была для него зарытым кладом. В глазах этого простого человека Майкель являлся просто одним из щеголей, гостивших у господ. Однако сейчас он совершенно инстинктивно выделил Майкеля из их числа и решил, что это «голова».

Представление о «голове» рождается одинаково инстинктивно во всех классах общества.

— Как вам угодно, сэр. Если непременно хотите измазаться маслом и поработать над машиной... идите.

В эту минуту на сцену явился Хэнтер.

— А вот молодой человек, который собирается мне помогать,—сказал Майкель,—дайте одежду и для него.

Но оказалось, что Хэнтер не может итти. Он рассыпался в извинениях, что испортил план Майкеля. Ему необходимо было сделать краткий доклад о своем деле личному секретарю Эллермана, и на это требовался весь день.

— Я-то сам думаю, что старая машина готова совсем развалиться,—заметил Томас замогильным голосом.— Мисс Меррифильд—она ничего не смыслит в автомобилях...

— Хорошо, постараюсь ей это сам объяснить,—успокоил его Майкель.—Так, значит, вы можете дать мне костюм? Думаю, что инструменты у нее найдутся.

— Это я могу. Штаны я вам дам, только они будут для вас узковаты. Что же касается инструментов, то есть у нее одни клещи да ржавая отвертка, за которыми и нагнуться не стоит, если найдешь на дороге. Можете взять у меня инструменты, только... ежели что с ними случится...

— Будьте благонадежны,—сказал Майкель,—и вот вам за беспокойство.

— Благодарю вас, сэр.—Томас взял два доллара и торжественно вложил в свою записную книжку, набитую карточками разных фирм, торгующих автомобильными принадлежностями.—Конечно, я дам вам все, что надо. Прихватите вот эти тряпки, пригодятся вытирать руки.—Томас поспешно ушел в гараж.—Сейчас принесу одежду и инструменты,—крикнул он, обернувшись.

— Они заинтересовались моей идеей,—сказал Хэнтер с некоторой гордостью.—Я говорил с секретарем м-ра Эллермана, и она очень заинтересовалась. Она очень важное лицо в компании. Номинально она—личный секретарь, а фактически занимает очень большой пост.

— Мисс Марголин?—спросил Майкель.

— Да, мисс Марголин. Это—замечательного ума женщина. Такая вам под пару.

— Да, такие женщины встречаются редко,—согласился Майкель.

— Совершенно верно. Когда с ней говоришь, становится жутко. Она вполне вежлива, но вопросы ставит ребром. Многие мужчины могли бы у нее поучиться.

— Наверное, кое-кто и учится.

— Да, сэр, это сила. Пари держу, что если она кого не взлюбит, то это опасно.

— Вероятно,—согласился Майкель.—Я... я...

Он увидел подходящих к гаражу мисс Вайолет Флеминг и Бинго Эллермана. Они шли медленно, тесно прижавшись.

— И все-таки мисс Марголин для меня не так опасна, как вот эта девушка,—прибавил он и, повернувшись к гаражу, спросил, скоро ли ему дадут инструменты и одежду.

Хэтнер с удивлением смотрел на его маневры.

— Так я ухожу. До свиданья вечером,—сказал он и ушел, не будучи в состоянии объяснить себе смущенный вид Майкеля.

— Здравствуйте, профессор,—запел Бинго.—О чем вы шумите сегодня? К чему эти штаны? Чей прекрасный автомобиль вы собираетесь портить?

— О, это вы?—сказал Майкель торопливо. Ему хотелось уйти.—Здравствуйте, мисс Флеминг! Я хочу немного подправить машину мисс Меррифильд. Боюсь опоздать.

— Ах, вот вам что пришло в голову!—продолжал Бинго,—хотите обзавестись практикой по соседству в качестве механика. Желаю вам удачи!

Томас ухмыльнулся. Он нашел сарказм Бинго вполне уместным.

— Вай и я хотим сейчас прокатиться... Подайте нам «Штуца», Томас. Взгляните на этого кавалера,—Бинго фамильярно взял за плечо мисс Флеминг и повернул ее к Майкелю,—я вас оставлю с ним, пока машина не готова. Но предупреждаю... он, может быть, и умен, но нравственно он опасен, как корь. Берегитесь.— И Бинго исчез в гараже.

— С вашей стороны было так очаровательно прислать мне эту записку,—начал Майкель, с костюмом и инструментами под мышкой,—я очень ценю это.

— Я, должно быть, совсем сошла с ума, когда ее писала,—быстро возразила мисс Флеминг. Это было сказано очень холодным тоном.

— Ах, не говорите этого,—начал Майкель,—вы не можете себе представить, как она меня обрадовала.

— Правда? Я боялась, что только помешала вам в вашей важной работе.—Она повернулась к нему спиной и занялась обзором инструментов.

— Я спал с вашей запиской под подушкой!.. (Наглая ложь!)

— Вы не заслуживаете такого внимания. Вы избалованы.—Она повернулась и развязно посмотрела на него.

— Я знаю, что не заслужил,—возразил он,—поэтому я так и ценю. Я хотел подойти к вашей двери и пожелать вам в щелку спокойной ночи.

Мисс Флеминг на мгновение остановила взгляд на его лице. В ее глазах была притягивающая ласка. Ее манеры стали гораздо мягче.

— О,—засмеялась она,—вы полны добрых намерений, не правда ли? Смотрите же, осуществите ваши добрые намерения относительно мисс Меррифильд. Она, наверное, вас уже ждет—чинить машину. Идите же к ней.

Уходя, Майкель мысленно потрепал себя по плечу и решил, что благополучно выпутался из беды.

2

Мисс Меррифильд была занята всю свою жизнь мелочами, а думала о важных вещах. Она была пуританка с ослабленной инициативой, раба бесцельного, бесплодного чувства долга. Без веры в нравственность, но с привычкой к нравственности, как к наркозу.

На этой мрачной душевной основе лежала блестящая эмаль изящной французской культуры.

Франция не боится открыто целовать красоту. Мисс Меррифильд это нравилось. Она говорила Майкелю, что любит Францию и французов, но это было неверно. Она им завидовала. Можно завидовать радости прелестного, роскошно одетого ребенка, играющего в грязной луже и с радостным криком вылавливающего головастиков и пескарей. Такова Франция. Но Эдит Меррифильд сидела высоко на камнях и только смотрела.

Она боялася снять чулки и башмаки. Ее внутренняя жизнь омрачалась разногласием чувств и мыслей. Мысли были у нее как-то разбросаны, ничем между собой не связаны. Она не понимала себя. Понимание себя есть одно из редчайших человеческих качеств. И большинство женщин неспособно приобрести его без помощи мужчины. Любовь мужчины, даже только его симпатия благодаря какой-то темной душевной химии весьма для женщины существенна.

Но жизнь не задерживается из-за того, что люди не понимают себя. Она идет вперед. Пока же Эдит вышивала занавески на окна, читала книги, звала гостей и сама ходила в гости, помогала Маргарите стряпать и старалась обучить ее английскому языку, слушала «Самсона и Далилу», занималась благотворительностью и каталась на своем автомобиле по летним знойным дорогам.

Нужна только искра, чтоб такая натура вспыхнула и разрозненные элементы в ней сплавились. Для мужчины такой искрой или толчком может служить новая идея, удача, поражение, любовь, достижение, опасность—все, что угодно. У женщин это почти неизбежно—любовь.

Нормальная женщина не может дожить до тридцати лет, не влюбившись ни разу. Эдит увлекалась раза два или три, но слабо. Она слишком хорошо понимала этих людей, чтоб серьезно любить их. Пустые фразеры, люди без прошлого. Девушка еще может увлечься юношей без прошлого, но не зрелая женщина.

Теперь пред ней предстал Майкель Уэбб, с костюмом и инструментами подмышкой, с извинениями, что опоздал.

Мисс Меррифильд не знала Майкеля так, как знает его читатель. Его инстинктивная способность валять дурака еще не была перед ней демонстрирована. Хоро-

шо, что она обладала чувством юмора. Он ей пригодился.

3

Майкель действовал основательно, как слесарь, нанятый поденно. Он медленно выложил свои инструменты на выдвижную доску. Мисс Меррифильд уселась рядом и сказала:

— Я буду смотреть, как вы работаете. Может, понадобится вам помощь. Подержать что-нибудь, или в этом роде.

— Вы мне очень поможете, если сядете так, чтоб было вас видно.

Диалог: Эллерманы... «Тенистый Луг»... Доббс-Ферри... Цветущий дерн... Вашингтон Ирвинг... Американская революция... Театр... Цвет яблонь...

Разговор потом перешел на разные предметы, вроде того, как трудно достать настоящий апельсинный мармелад.

Немного спустя Майкель вдруг начал перекладывать инструменты.

— Зачем вы это делаете?—спросила мисс Меррифильд.

— Не знаю, зачем,—ответил он,—но только всегда так делается. Я практически изучал механику. Когда практик-механик приступает к делу, он первым долгом раскладывает инструменты. Потом курит трубку. Потом снова перекладывает их другим манером. Потом открывает, что нехватает самого нужного инструмента, и отправляется за ним в мастерскую.

— Но это же вздор! Чистый вздор!—весело заметила мисс Меррифильд.—Я думала, что вы-то от него совершенно свободны как великий специалист по обезвздориванию.

— О, нет, вы ошибаетесь!—живо произнес Майкель.—Я подвержен припадкам вздора, как и все другие. Доктора не гарантированы от заразы.—Он покачал отрицательно головой.—Я подвергаюсь постоянной опасности заразы в этом отношении, работая над очень заразными формами вздора.

В этот момент Маргарита вошла в сад и доложила, что завтрак подан.

4

В хорошую погоду мисс Меррифильд приказывала накрывать стол на террасе, шедшей вдоль дома. Обычно она сидела там одна и, глядя в книгу, ела с бессознательно грациозными жестами.

Иногда она подолгу разговаривала с Маргаритой—француженкой-служанкой, говорившей об Америке с покорным удивлением. Океан английской речи грозил поглотить ее простую душу. Странные люди! Странные обычаи! Как Марко Поло во владениях татарского хана, она была решительно ко всему готова. И все же случались вещи, которых она не ожидала.

У Маргариты было много достоинств. Она была родом из Нормандии и умела готовить crême confiture à la galette, как его готовят в этой стране пологих холмов, упирающихся в Северное море.

Кулинарное искусство Нормандии само по себе может сохранить в веках память об этой стране, как память о Дамаске хранится в его узорной стали.

Майкель и Эдит вспоминали Францию и болтали, как старые друзья.

— Как жаль, что мы не были знакомы во Франции,— сказал Майкель,—мы там славно побродили бы с вами.

— Да, пришлось встретиться в Доббс-Ферри... Странно... Хотите сахару?—Она передала ему сахарницу.

— Нет, благодарю вас. Я слишком прибавляюсь в весе, когда пью с сахаром... Да, могли бы вместе посмотреть Париж...

— Я думала, как раз об этом,—сказала Эдит.—Как бы хорошо было! Мне совершенно не с кем было ходить по Парижу. То-есть не было никого, кто бы интересовался тем же, чем я... Вы знаете, что я не была даже в «Café de la Rotonde» за Монпарнасом, там, где бывают все литераторы.

— Вы ничего не потеряли,—возразил Майкель.—Пришлось бы разочароваться. Место грязное, кормят плохо. А литераторы... литераторы такие же, как в Нью-Йорке. Большинство—американцы и англичане, французов совсем мало... Я усвоил французскую культуру на бульваре Клиши. Для этого не надо быть высокомерным. Эта культура всасывается так же легко, как замороженная сальсапарилла через соломинку... Так и называется—безболезненная культура.

— Бульвар Клиши?—удивилась Эдит.—Я никогда не слыхала, чтобы эта часть Парижа славилась какой-либо формой культуры.

— О, да, это—специфическая культура бульвара Клиши. Вы вообще знаете парижские бульвары? Бывали на них?

— Конечно. Но ничего особенного не заметила. По бокам кафе—маленькие лавочки, театрики.

— Не театрики, а кафе-шантаны. Все едят сыр и сласти и пьют вино. На сцене идет представление, и поют песенки... Бог мой, да во Францию стоит поехать, чтобы услышать декламацию Аристида Брюана! Он—настоящий народный поэт. Профессиональные литераторы относятся к нему свысока, но и он тоже смотрит на них свысока, и потому это не столь важно.

Мисс Меррифильд засмеялась.

— Вы больше француз, чем сами французы,—у вас такой ясный и прямой взгляд на вещи. Вы ненавидите претенциозность... Мне это очень нравится!

— Я рад, что вам нравится. Многим наоборот. Многие смертельно ненавидят мое обезвздоривание.

— О, я лично стою за него,—горячо сказала мисс Меррифильд.—Вчера вы сказали, что наука обезвздоривания есть наука действительности, я думаю, что это верно... и записываюсь в число ваших учениц или последовательниц. Как хорошо видеть все так, как оно есть!

Майкель был польщен. Он не часто находил последователей. Большинство людей ненавидит действительность и всячески стремится от нее уйти.

— Конечно, я очень рад, что нашел последовательницу,—сказал он,—это—редкий случай.

5

Маргарита подала сигару на сложенной вчетверо салфетке.

«Как милы эти женщины,—думал он про себя,—позаботились даже о сигаре.»

Он обрезал кончик и закурил.

— Вы начали говорить о народной поэзии и литературной атмосфере бульвара Клиши,—напомнила мисс Меррифильд.

— Хорошо,—задумчиво произнес он.—Знакома ли вам бретонская поэма о погибшем в море капитане: «Capitaine Péri-en-mé»?

— Вы слышали ее в Бретани?

— Нет, на бульваре Клиши. Все хорошие вещи доходят туда. Они очень внушительно ее декламируют.

Все хором повторяют припев и притопывают ногами. Очень хорошая поэма.

Лишь полночь бьет во тьме ночной,
И лон-лон-ля, и лон-лон-лой,
В тиши ночной дрожит земля,
И лон-лон-лой, и лон-лон-ля!
Какие тяжкие шаги!
И лон-лон-лер, и лон-лон-ли,
Спеши же, Пьер, Лизет, беги,
И лон-лон-лер, и лон-лон-ли.
Из бухты вышли мертвецы,
И лон-лон-лер, и лон-лон-ли.
И ветер свищет в деревах.
И лон-лон-лер, и лон-лон-ах!
Идет в ущелье, где туман,
Погибший в море капитан,
Собаки воют на луну,
И лон-лон-лер, и лон-лон-лу!

— Не люблю привидений,—сказала мисс Меррифильд.—Это мило, но содержание небогатое. Нет ли чего повеселее?

— Конечно,—засмеялся Майкель,—есть и другие. Вы знакомы с гантизмом? Это последняя поэтическая школа. Происходит от gant—перчатка. В этих стихах слова должны облекать сюжет, как перчатка облегает руку. Замечательная идея, не правда ли?

— Как будто убедительно,—согласилась она.—Это тоже производство бульвара Клиши?

— Нет. Это на Рю-Бланш. Отличительная черта школы: при постройке поэмы не должно оставаться никакого лишнего мусора. Вы берете слов как раз столько, сколько их требуется для выражения вашей мысли, и дальше—стоп!.. Каждая поэма называется gant—перчаткой. Хотите прослушать gant?

— Конечно, хочу.

— Так слушайте. Вот вам простая gant.

Его звали Рандибè,
Ее звали Рандада̀,
Он был родом из Кобэ,
Она—родом из Блида̀.
Она встретила Рандибè,
А он встретил Рандада̀,
„Ах поди со мной, бэбэ!“
Он ответил: „Да, да, да!“

— Замечательно,—хохотала она.—Я никогда не могу разобрать, серьезны вы или нет.

— Я тоже,—признался Майкель.

— Но это же детские стишки.

— Ничего подобного,—невозмутимо заявил Майкель.—Гантизм—крупное литературное движение. Через год оно появится здесь, и вся наша литературная молодежь примкнет к нему.

(Это исторически верно: гантизм появился в Америке через шесть месяцев.)

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ЗАЧАРОВАННЫЙ САД

1

После завтрака Майкель провел два часа, лежа под автомобилем, завертывая и отвертывая болты, которых не видел. Руки до локтей были покрыты жирным черным маслом, лицо испачкано, шофферский костюм в сальных пятнах.

Эдит Меррифильд была поражена продолжительностью и грязью работы. Она воображала, что это будет четверть часа приятных и легких упражнений. Ей хотелось чем-нибудь помочь. Но что может сделать с коленчатым валом девушка в чистом кисейном платье? Особенно, когда она не понимает разницы между коленчатым валом и генератором... Поэтому она сидела на траве у передних колес и в перерывах разговаривала с Майкелем.

— Вы прошлый раз сказали, что любите машины,— заметила она.—Теперь я вам верю.

— Люблю,—глухо раздалось из-под автомобиля.— Точность их движений меня привлекает, как работа тонкого логического ума.

Он подтянулся на руках и вылез на траву. Она взглянула на его сальные, грязные руки, взяла полотенце и вытерла ему одну руку, потом другую. Стало лучше.

Он отдыхал на спине, пуская в небо дым папироски.

— Ужасно жаль, что я ничего не знаю о всех этих шатунах, передачах и прочем,—заметила она.—В наш механический век я невежественна, как ребенок.

— Вот уж о чем не стоит жалеть,—сказал Майкель, пуская вверх клубы дыма.

— Однако наша цивилизация создалась благодаря машинам и ими поддерживается,—продолжала она.—Поэтому всякому бы следовало...

— ... быть механиком,—улыбнулся он, заканчивая ее фразу.—Да, этот век создал машину и будет ею разрушен. Разрушен так, как Рим был разрушен северными варварами. Машина погубит наш мир.

— Как? Я вас не понимаю,—спросила она.—Машина нам служит.

— Нет, Она не только служит нам, но и господствует над нами.—Майкель облокотился на руку и лениво рвал траву.—Мы позволяем машинам захватывать власть над человечеством. Они стали орудием и символом капитализма. Что такое машина? Только развитие и усиление человеческих способностей. И ничего больше! Эти клещи—только развитие указательного и большого пальца, они увеличивают силу их захвата. Автомобиль—увеличение человеческой способности к передвижению—у него круглые ноги. Замечательна эта идея круглых вращающихся ног. С таким представлением о машине можно было бы думать, что развитие машины увеличит престиж и достоинство рабочих. На деле мы видим совсем не то. В средние века фламандский ткач ткал десять ярдов сукна в день; ткачи на механических станках ткут до пятисот ярдов, а покупательная способность наших современных ткачей почти та же, что в средневековой Фландрии. Больше того,—горячо продолжал он,—рабочий превратился в слугу машины, а не в хо-

зяина. Не машина приспособляется к человеку, а человек к машине!

— Тело человека—та же машина,—сказала Эдит.— Самая гибкая и красивая из машин.

— Да, только при нашей промышленной системе человеческое тело считается менее ценным, чем безжизненный механизм.

Он лежал на спине и жестикулировал в небо.

— На заводах Форда в Детройте я видел человека, который целый день—да и всю жизнь—только и делал, что подставлял болты под машину для пробивания отверстий... Так всю жизнь и провел за этим—подставлял под машину болты. А на фабрике пикулей я видел женщину, накладывавшую горчицу в горшочки. Горшочки подъезжали к ней на бесконечном ремне, и она быстро накладывала в них горчицу. Она была чудом— исполняла работу двух женщин, работавших раньше на ее месте. Директор фабрики так гордился ее производительностью, что всегда водил посетителей смотреть ее. Беда была только в том,—как сказал мне сын владельца,—что она пила запоем два дня в неделю и в понедельник не являлась на работу.

— Бедняга.

— Да. Бедняга. Может ли народ, порабощенный до такой степени, создавать хороших граждан? По-моему— нет. Человеческое существование при таких условиях делается безрадостным и бесцельным, лишается творческого импульса. Человек, всю жизнь подкладывающий болты, порабощен до глубины души. Он никогда не сможет ничего создать. Он не живет, а прозябает.

Мисс Меррифильд хотела что-то сказать, но удержалась. В течение последних минут ее внимание привлекал человек по ту сторону ограды. Он прошел мимо несколько раз и каждый раз пристально смотрел на авто-

мобиль и лежащего под ним Майкеля. Раза два он, казалось, был готов войти в сад, но передумывал.

Она сказала о нем Майкелю, и оба поднялись на ноги.

— Да ведь это капитан Диксон!—воскликнула она, удивившись.—Вы знаете, он торгует в деревне. Конечно, это он! Он приделывал мне ставни. Я никогда не видела его таким странным. Удивительно, почему он не заходит?

— О!—выпалил Майкель.—Я знаю. Он хочет видеть меня. У нас с ним маленькое дельце. Он думает, что может нам помешать... Пожалуйста, извините меня! На одну секунду!—Майкель подоше к решотке, и Эдит увидела, что они углубились в разговор. Она села на траву и открыла книгу.

Майкель исчез на четверть часа. Он вышел на дорогу, и она потеряла его из виду.

2

Когда он вернулся в ограду сада, ему показалось, что все окружающее фантастично изменилось. Небо было светло-зеленое, а то, что раньше было яблонями, превратилось в пальмы, их темно-зеленая зубчатая листва выступала на яшмовом небе. Когда он тяжелыми шагами поднимался по тропинке, яркая тропическая птица быстро пролетела мимо, мелькнув пурпуровым, белым и бирюзовым оперением, и уселась на скалистый утес, который он раньше принимал за итальянскую виллу.

Нет, он ошибся. Это был действительно дом, хотя в то же время и утес. А пальмы были яблони, хоть в то же время и пальмы. Ясно, что птица была реполов, но до странности похожий на какаду.

Все это было загадочно и не поддавалось научному объяснению. А где же женщина? Он ее потерял. Какое безумие! Разве можно оставлять женщину одну в дикой

стране! Это слишком опасно! Ах, вот она! Мирно сидит на траве. А рядом с ней чудовищное животное... Нет, нет! Что за дичь? Это автомобиль. Разве? Нет! Майкель видел достаточно автомобилей, он не мог так ошибаться. Это был какой-то первобытный зверь, огромный, угрожающий, коварный.

Он чувствовал какое-то опьянение. С ним происходило что-то странное... Он не понимал, в чем дело... Два потока мыслей неслись бок-о-бок в его сознании. Все казалось таким, как было, и в то же время чем-то совершенно другим.

— Этот сад заколдованный?—слабо спросил он.

— Нет,—ответил ее прекрасный золотой голос.—Вы здесь один колдун. Если он заколдован, это сделали вы.

Он нерешительно остановился перед ней... У чудовища глаза были, как тарелки, и на них очки. Ему захотелось броситься на него, но он удержался, вспомнив, что когда-то в Испании один человек сделал нечто подобное и что его имя может стать достоянием потомства, как имя премированного осла... Нет,—подумал он,—пусть животное сделает первое движение... У него были серые ноги и кроткое выражение... Во всяком случае Майкель решил защищать эту женщину ценой своей жизни. Она ему нравилась.

— Вы бы лучше сели,—сказала она,—вы устали.

В эту минуту с соседнего холма раздался призыв. Ревел голос, привыкший командовать со шканцев. Он гудел на весь сад.

— Что это такое?—спросила мисс Меррифильд с оживленным любопытством.

— Это капитан,—ответил Майкель,—держит контакт со мной. Что он говорит?

Рев раздался снова. Они разобрали:

«О-го-го! Га-алки, во-о-ро-о-ны!»

Майкель сложил руки рупором и крикнул:
«Про-о-давайте хо-о-ро-о-мы!..»
— Видите ли,—объяснил он Эдит, неуклюже опускаясь на траву рядом,—капитан хотел меня видеть... видеть... Как это я сказал?.. Видеть у себя дома. Но я этого не могу... не могу... никак не могу вас оставить. Так он отплыл к себе и сохраняет контакт, контакт, вы понимаете?
— Капитан — неподходящее для вас общество,— серьезно заметила она.
Майкель торжественно накрыл носовым платком плечо Эдит.
— Это зачем?—спросила она, посмотрев сначала на него, потом на носовой платок.
— Ваш повелитель устал,—ответил он,—и хочет отдохнуть. Я не хочу портить... портить чистое платье.— После этих слов положил голову ей на плечо.
Какой-то римлянин—чуть ли не Марк Аврелий—сказал, что искусство цивилизации—способность ничему не удивляться. Мисс Эдит Меррифильд была цивилизована. Она не шелохнулась. И только пригладила ему волосы.
— У меня плохие манеры, простите,—бормотал он.— Знаю... плохие манеры... исправлюсь... может быть... нехорошо.
— Да, у вас довольно-таки грубые манеры,—сказала она,—но не исправляйте их. Люди так удивляются, встречая настоящего человека, что не думают о его манерах.
В сад снова донеслось гуденье, на этот раз еще дальше.
«Са-а-ми за леса-а-ми-и-и!»—пропел капитан.
Майкель поднял голову и ответил длинной руладой:
«По-о-ют го-о-ло-о-са-а-а-ми-и-и!»

И, снова положив голову на ее плечо, задремал, как усталый ребенок.

— Это самая глупая вещь, какую я слышала в жизни,—сказала она.

— По-моему, тоже—самая глупая, какую я слышал,— пробормотал он.

— Вы точно маленький ребенок.

Майкель быстро поднял голову.

— По-моему, вы сказали, что я большой ребенок,— пожаловался он и снова прикорнул на ее плече.

— Да, но я ошиблась в возрасте,—возразила Эдит,— вам оказывается не больше четырех лет.

3

Голос капитана, могучий, как сирена, донесся совсем издали.

«Уда-а-рили в доску-у-!»

— Что он говорит?

Майкель слегка поднял голову.

— Не разберу. Не обращайте на него внимания,— ответила Эдит.—Лучше спите.

«Уда-а-рили в доску-у-у-у!»

Как эхо слабо донеслось с какого-то холма.

— У меня пропал голос,—сказал Майкель.—Пожалуйста, встаньте и крикните как можно громче; «Поехали к мóсту». Только это и больше ничего: «Поехали к мóсту».

— Ничего подобного,—ответила она.—Вы можете делать глупости, если вам нравится, но...

— Я не хочу оскорблять капитана,—огорченно сказал Майкель.—Он могучий колдун.

— Я это вижу, и вам нечего с ним больше возиться.

Он закрыл глаза, и она своим платком вытерла грязь с его рук.

— Как это могло случиться? — размышляла она. — Я видела этого человека всего три раза, и вот он спит на моем плече.

Сад был заколдован.

4

Эти странные события могут казаться совершенно невероятными некоторым из наших читателей, но не тем, которые умеют отгадывать загадки. Мы говорим символами. Мы — дервиши, кружащиеся вокруг каббалы современной жизни. То было время, полное печальных предзнаменований. Великая республика пребывала в депрессии. Люди брюзжали. Хуч * был хуже и дороже, чем когда бы то ни было. Источники народного разума иссякли. Человеческий дух испарился. Обезумевшие массы давили людей. До сих пор, сидя у очага, люди рассказывают друг другу об этом страшном времени.

5

Починка автомобиля в этот день не кончилась. Прохладным вечером Майкель, после чая с печеньем, вернулся в «Тенистый Луг». Он чувствовал уныние и отвращение к себе и искренно надеялся, что на экспедицию капитана Диксона нападут пираты, змеи или что-нибудь в этом роде... Он старался не размышлять о том, что может думать о нем мисс Меррифильд... Если бы он знал, что она в самом деле думала, то ему было бы легче... Войдя в дом после его ухода, она испытала странное возбуждение.

---

* Hooch — соответствует нашему самогону; введением „сухого“ закона, hooch в С. Ш. — напиток весьма популярный. *Прим. ред.*

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
МЕТОД ЭЛЛЕРМАНА

1

Официальная связь Ричарда Эллермана с гигантским предприятием, носившим его имя и которым он управлял, была тонка и не поддавалась точному определению. Он не числился даже служащим компании. В списках он значился одним из пятнадцати директоров, составлявших совет компании. Газетным корреспондентам он часто говорил, что не имеет никакого отношения к политике компании, кроме самого обычного («в качестве члена совета—знаете ли—я располагаю таким же голосом, как все»). По бухгалтерским книгам компании ему принадлежало не более одной десятой всех акций предприятия,—остальные пятьсот тысяч акций были распределены между подставными лицами.

Он был насквозь пропитан врожденной, инстинктивной плутоватостью ума второго сорта. В Америке эта плутоватость возведена в науку и окружена глубоким почетом. Ее называют ловкостью. Несомненно, наблюдательные и проницательные читатели видели, как просвечивает этот дух плутни в газетных статьях под заглавиями, напечатанными жирным шрифтом: «Душа ловкого адвоката входит в рай». «Умная ложь финансистам во спасение». «Талантливый пастырь доказывает, что Христос думал не то, что говорил».

В комиссии по расследованию взаимоотношений рабочих и капиталистов, учрежденной конгрессом, ловкость Ричарда Эллермана вдохновляла менее даровитых людей.

Он не знал ни существующей на эллермановских заводах заработной платы, ни стоимости производства. Его память была весьма плоха. Он помнил, что один раз там была стачка, но не мог припомнить, ни чем она была вызвана, ни чем она кончилась. Он производил впечатление наивно неосведомленного и даже глуповатого человека, но каждый, приглядевшись ближе, нашел бы его позицию крайне остроумной и ловкой.

После встречи с сыном и инцидента с карточкой Хэнтера, старший Эллерман повернул в свою контору, в западное крыло дома. Он вошел туда, улыбаясь. Настроение у него было веселое, и оранжерейная гвоздика в петлице прекрасно сшитой пары молодила его приятную внешность.

Эта контора была нервным центром широко раскинувшегося эллермановского предприятия и была скромна и незаметна, как обычно свойственно нервным центрам... Мозги—дело другого рода. Они шумны. Мозги автомобильной компании Эллермана занимали четыре этажа в здании из стали и камня, с фасадом на озеро в Чикаго. Четыре этажа были набиты мозгами, рекламами, экспертами по поднятию производительности, карточными каталогами и людьми, прикладывающими штемпеля. Из этого здания через поля, луга, леса по всей стране тянулся провод, конец которого находился в той комнате, в которую только что вошел Ричард Эллерман. В данную минуту у конца этого провода стояла Б. М. и говорила мягким, но твердым тоном.

На эллермановских заводах в Иллинойсе и в их мозговом центре в Чикаго Б. М. считалась символом

динамита. Ее звали Беатриса Марголин. Она состояла личным секретарем Эллермана. Это была тридцатипятилетняя женщина, с холодными голубыми глазами, бесцветным лицом, тусклыми темно-каштановыми волосами. Одета она была в красный простой служебный костюм. Получала она жалованье двух вице-президентов.

Б. М. являлась тонким механизмом в большом деле — механизмом без сердца, без ненависти, без страсти, без любви и без страха. Ее знания были таинственны и могли обескуражить кого угодно. Она знала об эллермановской компании больше всех на свете. Ее письма, начинающиеся «М-р Эллерман поручил мне сообщить вам...» и подписанные «Б. М.», вселяли радость и ужас в сердца людей, находившихся очень далеко. «Мудрецам» из служащих в предприятии было известно, что Ричард Эллерман редко предпринимал что-нибудь, касающееся компании, не посоветовавшись с нею; известно было и то, что иногда в конце недели все дела решала она одна. Ее подпись на деловых сообщениях имела такое же значение, как подпись самого Эллермана. Опытные подлипалы в штабе компании рассчитывали воспользоваться этим обстоятельством. Многие из них писали ей тонко составленные любовные послания. Она их рвала, а писавших переводила в Южную Америку.

Какая странная сила управляла этим существом? Она не любила общественной жизни. Была очень умна, но не читала ничего, кроме докладов служащих компании. Повидимому, у нее не было никаких симпатий, но по воскресеньям она спокойно ходила в церковь одна, с роскошно переплетенным молитвенником в руках, а свои скромные чеки в разные благотворительные общества отправляла с астрономической точностью. Она была здоровая и зрелая женщина, но воображение отказы-

валось представить ее влюбленной, в растрепано-вакхическом виде.

Пока Б. М. мягко говорила по прямому проводу с Чикаго, Ричард Эллерман бродил по конторе, бесцельно перебирая вещи и насвистывая легкомысленную песенку.

Заложив руки за спину, он остановился и приподнялся на цыпочки перед свидетельством, висевшим на стенке под стеклом. Вверху был изображен распростерший крылья орел Соединенных Штатов, внизу была красная печать с голубой лентой. Он разглядывал это с любовью. Свидетельство удостоверяло его службу в течение великой войны в качестве рядового служащего во главе одного из правительственных бюро в Вашингтоне. Душа его преисполнилась гордости и патриотизма—его бюро работало чрезвычайно успешно. Лично он активно там не работал—в этом не было никакой нужды,—но он выбрал одного из способнейших служащих в эллермановской конторе, привез его в Вашингтон и, хлопнув по плечу, сказал ему: «Ну-с, Мак-Келлер, все это между нами... Надо с этим справиться. Приступите». Мак-Келлер приступил, и свидетельство висело на стене. «Выбор Мак-Келлера был доказательством замечательного уменья выбрать нужного человека»,—думал Эллерман, глядя на пергаментное подтверждение услуг, оказанных родине.

Он взглянул на мисс Марголин. Она все еще говорила по телефону. Стройная, свежая—сзади она казалась двадцатилетней девушкой. В тысячу первый раз он задавал себе вопрос, был ли когда-нибудь влюблен в нее мужчина? И действительно ли она так добродетельна, как казалась? «Какого чорта? Какая странная вещь!» Он смотрел на гибкую спину мисс Марголин, и ум его устремлялся к запутанным и сложным пробле-

мам любви и пола. «Добродетель? Порок? Любовь? Какие фантастичные представления у людей об этих вещах!» Он не мог себе представить, как женщина может дожить до тридцати пяти лет, не имея любовника... Конечно, в том случае, если у нее нет мужа... Это было неестественно. Однако в глубине души он знал, что у мисс Марголин никогда не было любовника.

«Что ж... Дон-кихотский аскетизм... Ерунда!»

Вдруг он вспомнил то, чего никто другой не знал об этой холодной счетной машине... Да, к ней можно подойти. Ему стало жарко от этой мысли.

Как-то давно—года три тому назад—он целый день пил шампанское и пришел в контору как раз к пяти. Она сидела одна, некрасивая, но холодная и свежая, как цветок, выросший в тени. В нем вспыхнуло желание, как вспыхивает огонь в сухой траве. Не говоря ни слова, он подошел к ней сзади и начал целовать шею. Рука его грубо рвала тонкое кружево на ее груди. Он ясно помнил ее удивленное—«о!..» и мягкое сопротивление, когда она тщетно пыталась оттолкнуть его своими нежными руками... Потом вдруг она поддалась, как сломанная ветка, и, обняв его шею, стала сама отвечать на его поцелуи... Это продолжалось долго... минуты!

В тот же день, вскоре после этого, он сидел в своем тяжелом кожаном кресле и старался сосредоточить внимание на бумагах, которые она перед ним раскладывала. Он помнил, что она стояла рядом и гладила его волосы... На другой день голова его была свежее, и он злился на себя. Никогда больше он ее не целовал и не намекал на этот случай. Она также... Ах, но, значит, она доступна, несмотря на свой неприступно добродетельный вид.

Он глядел на нее и снова ощущал желание прила-

скать ее—не серьезно, а шутя, как котенок играет с мячом. «Нет не годится! Не следует... Она слишком ценный человек, чтоб сделаться объектом глупого чувства. Не следует осложнять вещей.» Кроме того, она была определенно некрасива,—худая и угловатая.

2

Он услыхал стук положенной трубки.

— Что нового, мисс Марголин?—спросил он, быстро повернувшись к ней.

— Немного,—ответила она. Перед ней на письменном столе стоял стакан молока, покрытый блюдцем. Она сняла блюдце, отпила молока и снова накрыла его.— Лаури вам полезен,—сказала она ровным металлическим голосом,—вы похудели за этот месяц. И цвет лица гораздо лучше.

— Да, я хорошо себя чувствую. Только спина еще побаливает, но уже меньше. Я убавил десять фунтов. Лаури—чудо.

Лаури был инструктор по физкультуре, существо, состоявшее из одних узловатых мускулов. Эллерман нанял его с месяц тому назад и поселил во втором этаже над гаражем, где была устроена гимнастическая зала.

Мисс Марголин передала Эллерману два-три нераспечатанных письма с пометкой на конвертах «личное». Он медленно вскрывал их, вынимая сложенные листы и тщательно их расправлял.

— Мистер Грегори будет здесь в пятницу,—сказала мисс Марголин,—в пятницу, в одиннадцать утра. Я извещу м-ра Хэнтера. А вы будете точно?

— Грегори?—переспросил бессмысленно Эллерман, отрываясь от недочитанного письма и глядя на нее отсутствующим взором. Этот пустой взгляд был для

него обычным. Иногда казалось, что он не понимает того, что происходит вокруг. Когда он был мальчиком, с ним случалось, что он подолгу и внимательно смотрел в стену, не сводя с нее глаз. Матери приходилось трясти его за плечо, чтобы вывести из этого оцепенения.

Мисс Марголин саркастически подчеркнула самозванный титул мистера Грегори.

— Да, м-р Грегори. Тонкий такой худой человек... Эксперт-консультант по автомоторной промышленности.

— Ах, да. Эдуард Грегори. Да, да, Грегори!—быстро произнес он.—Я не мог понять, о каком Грегори идет речь. Вы послали ему хэнтеровские бумаги?

— Послала,—ответила она.—Третьего дня. Сегодня утром он звонил, что приедет в пятницу на наше совещание. Вероятно, он за это время снял копию проекта.

— Вы подозрительная особа,—сказал Эллерман.—Не хотел бы я быть таким подозрительным.

Эта мысль по каким-то причинам пробудила в нем чувство юмора, и он, весело посвистывая, дочитал свои письма.

Б. М. не обращала внимания на его поведение. Она по-кошачьи выпила еще глоток молока и сидела, обняв руками свое тонкое колено.

— Вы знаете, почему я выбрал Эдуарда Грегори для нашей консультации? Вы понимаете?—спросил вдруг Эллерман.

— Конечно,—ответила она, и улыбка растянула ее тонкие губы, но холодные непроницаемые глаза не улыбнулись. Потом она наклонилась над столом и затряслась от сдержанного смеха.

Толстые бока Эллермана дрожали от хохота. Невысказанная шутка была вполне понятна обоим.

Невысказанное! Именно оно и связывало таким крепким узлом этих двух людей в их интимных деловых

отношениях. Ричарду Эллерману незачем было объяснять свою политику мисс Марголин,—она понимала ее и без слов. Она улавливала перемену его фронта по одному-двум случайно оброненным словам, даже по тону сказанной фразы. Всем другим, с кем он имел сношение, даже Джозефу Стенфильду, председателю компании, надо было давать полные инструкции, диаграммы и карты, чтобы они его поняли и приняли на себя ответственность. Иногда это создавало затруднения... С мисс Марголин этого не требовалось... Иногда ему не хотелось высказывать то, что было ему нужно,—мисс Марголин это понимала.

Он считал, что ей цены нет. Недостатки мисс Марголин были слишком ничтожны, чтобы о них стоило упоминать. Она была так глубоко занята обширным делом Эллермана, что ей нехватало времени—или склонности—даже на такое невинное развлечение, как сплетни. Но надо сказать, что в обществе своего единственного близкого друга (некой мисс Мэйдар Морган, профессора химии в одном из женских университетов) она изредка позволяла себе острить, называя м-с Бленч Рейнер Эллерман «доцентом высшей косметики», и прибавляла, что «нет ничего более жалкого, чем бывшая театральная звезда». Эта нескромность была единственным пятном на ее вполне безупречной выдержке.

— Было бы глупо ввязываться в это дело с батареями,—задумчиво произнес Эллерман.—И так много хлопот. Но, честное слово, если бы взяться, то мы бы могли пустить его в ход.

— Конечно,—сказала мисс Марголин,—взяться можно. Но к чему?

— Я так и говорю. Однако кое-какую выгоду из него извлечь следует,—если не хочешь быть дураком... М-р Грегори...—Эллерман остановился на минуту, и высоким

фальшивым фальцетом произнес:—Эксперт-консультант по автомоторной промышленности.

Оба засмеялись.

— Вот, например!—вдруг горячо вырвалось у Эллермана.—Чорт бы побрал этих франтов в Чикаго—Стэнфильда Элликота, Даунса и всех остальных,—думают только об изготовлении автомобилей и пропускают все выгодные дела. Мы с вами, сидя здесь, в одну неделю сумеем извлечь из этого проекта столько денег, сколько они за год не получат. Это предложение с батареями—очень хороший пример.

— Так они же не Ричарды Эллерманы,—заметила мисс Марголин.

— А что вы думаете о Хэнтере?—спросил Эллерман мимоходом.

— О, это старший клерк...—Мисс Марголин сжала губы и покачала головой.—Вероятно, хорош. На своем месте...

— Какое же это место? Они назначили его вице-президентом для управления железнодорожным отделом—действительно подходящее место для клерка,—но кому это нужно? Теперь он говорит, что железнодорожный отдел идет сам собой и...

— Второй Мэтисон,—прервала его мисс Марголин.—
Второй Мэтисон, а Мэтисона пришлось в конце концов
теоретиком.
убрать. Вы звали его словесным
Второй Мэтисон! Вы

— Именно так. Вы угадали. помните, как он фактически бросил работу в отделе и тратил время на фантастические планы, как устроить домик каждому рабочему на заводах Эллермана. Если бы мы от него не отделались, у нас снова была бы забастовка.

— Лебольт говорит, что Хэнтер неважный исполнитель,—вставила мисс Марголин.

— Да, я знаю... я сделал нечто, что вас может удивить.

— Что?—удивленно спросила она и подняла на него глаза. Неожиданные выходки и решения Эллермана иногда были ни с чем не сообразны, и нужна была вся ее ловкость, чтоб победить его упрямство и не приводить их в исполнение.

Увидав ее обеспокоенный взгляд, Эллерман запнулся на секунду.

— Надеюсь, мы не будем об этом спорить. Я предложил Майкелю Уэббу место вице-президента в компании. Вы одобряете?

На одно мгновение ее глаза зажглись, и лицо покрылось слабой краской.

— Одобряю?—сказала она.—Да это гениально! Просто гениально! Майкель Уэбб—эксперт по обезвздориванию. Прекрасно! На будущий год у нас в рекламе появится: «В эллермановских автомобилях нет вздора». Это замечательно! Величайший в мире специалист по уничтожению вздора состоит вице-президентом эллермановской компании. Но сможем ли мы держать его в руках?

— О, да! Это просто! Предоставим ему писать статьи или что-нибудь в этом роде. Если нам не понравится,— не будем печатать... Беда в том, что он еще не согласился... пока еще, по крайней мере.

— А вы думаете, что он согласится?

— Н-не знаю. Трудно сказать. Я не настаиваю. Пусть подумает с месяц, а там я опять закину удочку.

3

— Ах, между прочим!—немного спустя сказала мисс Марголин.—Сегодня утром я говорила с заводом и распорядилась, чтобы Робертс поддерживал там обе

партии на выборах; пять тысяч долларов ассигновано республиканцам и столько же демократам.

— Только не чеками компании?—испуганно вскричал Эллерман.

— Конечно, нет. Кокран—демократ, он даст свой личный чек, а Максвэл даст республиканцам. Я распорядилась, чтоб Роджерс заплатил им обоим наличными деньгами.—Она взяла номер «Эллермановского Ежедневного Курьера» со стопки, лежавшей рядом на столе, и развернула газету.—Я провела это через контору кассира, а не через казначея в Чикаго, так что, если это когда-нибудь сделается известным, то Стенфильд может сказать, что он ничего не знает об этом. Предполагается, что и вам ничего не известно. Я сделала это без вашего ведома.

— Ах, не беспокойтесь,—заметил Эллерман,—за мной давно установилась репутация забывчивого человека... Но я должен сказать, что вы очень щедры к этим лохматым политикам. Я бы столько не дал.

— Нет, это немного, принимая во внимание то, о чем нам вскоре придется их просить. Рабочие беспорядки у нас неизбежно будут. А когда они разразятся, мы будем иметь полную возможность с ними справиться.

— Рабочие беспорядки?—повторил Эллерман с злобным раздражением. Самый звук этих слов расстраивал его так, как расстраивает сенатора из южных штатов упоминание о негритянском вопросе.

Мисс Марголин кивнула.

— Да, рабочие беспорядки!—сказала она кратко.— Вы удивляетесь? Не понимаю, почему. Вы же читали доклады людей, проведенных нами в рабочие союзы? Это давно можно было предвидеть.

— Я не удивляюсь... Мне все это до тошноты надоело,—медленно произнес он,—надоело до тошноты!

В течение войны мы дважды повышали им заработную плату в силу необходимости: нехватало рабочих рук... Когда война кончилась, мы ее незначительно сократили. Почему бы нет? Люди вернулись из армии и просили работы. Буквально ее клянчили. И хорошие рабочие! Тысячи хороших рабочих! Если бы мы хотели, то зарплату можно было спустить куда больше. Но мы этого не сделали. Мы убавили только военную прибавку, и то не много. Они зарабатывают сейчас на двадцать пять или на пятьдесят процентов больше, чем до войны. И требуют еще! Но мы не дадим. Это свинство! Чистое, неприкрашенное свинство.

Мисс Марголин взяла связку листов, отпечатанных на машинке, и спокойно начала их просматривать.

— Вот последний отчет наших наблюдателей в рабочих союзах,—задумчиво говорила она, отыскивая какую-то страницу.—Я вполне согласна с вами. Лучше сейчас остановиться и дать решительный бой. Подождите минуту. Я ищу. Вот оно,—продолжала она и прочла вслух:

«...на этом месте поднялся Фред Джонсон из электрического отделения...»

— Я читаю вам секретный доклад о союзном заседании,—пояснила она еще раз.

«...а этот Джонсон агитатор и социалист, и сказал, что хотя средняя плата на заводе повышена приблизительно на тридцать процентов против довоенной, но зато и компания берет на семьдесят пять дороже за свои автомобили и получает таким образом втрое больше, чем до войны. Джонсон сказал, что даже при десятипроцентном повышении всех ставок и жалования, компания будет получать вдвое больше, чем несколько лет тому назад...»

— Ах, вот куда они гнут!—вспылил Эллерман.—

Какое же отношение это имеет к их заработной плате? Конечно, компания получает больше, чем до войны, но этим мы обязаны не этой своре, сверлящей цилиндры. Они делают то дело, которое всегда делали. А мы строим лучшие машины, мы расширяем рынки, мы увеличиваем сбыт, и мы берем бо̀льшую цену за автомобили, потому что страна стала богаче, чем раньше, и их покупают больше, чем раньше. Если бы предоставить вести это дело рабочим с завода, то они давно передохли бы с голода. И мы платим им настоящую рыночную цену за работу. Разве не так?

— О да,—ответила мисс Марголин.—Мы покупаем работу по рыночным ценам, как все другие. Все дело в социалистах. Они проникли во все союзы и муссируют недовольство.

— Верно. Именно так,—подтвердил Эллерман.—С рабочими союзами раньше можно было всегда сговориться,—или итти навстречу им или подкупить вождей. Рабочие союзы существуют только для повышения заработной платы. Мы знаем, как с ними разговаривать. Но социалисты говорят на другом языке. Чего они хотят?

— Относительно этого не может быть сомнения,— сказала Б. М. —Вы правы. Они говорят на другом языке. Во-первых, они утверждают, что в мире нет места ни для капиталиста, ни для банкира, ни для финансиста. Все это, по их мнению, паразиты труда. Вся основная промышленность, по их мнению, должна работать в пользу народа. Они считают нелепым, чтобы каменный уголь был частной собственностью; земельная и недвижимая собственность, по их мнению, также составляют народное достояние.

— Они не признают частной собственности!—воскликнул Эллерман, покраснев от гнева.—Это револю-

ция! Это анархия! А мы сидим и позволяем распространяться этой заразе! Это не по-американски.

— Конечно,—согласилась спокойно мисс Марголин.—Но сердиться на это бесполезно. Это—так. И надо с этим бороться... Я старалась анализировать их учение. Повидимому, основной его принцип сводится к тому, чтобы все производство—добывание всего, необходимого для жизни,—рассматривать как побочное занятие, которое не должно отнимать все время у человека. Это один из нелепых идеалов, захватывающий слабоумных людей.

Справедливость требует отметить, что Ричард Эллерман был несогласен с такими взглядами. Впрочем, «несогласен»—неподходящее для этого слово, вернее, они совсем не проникали в него, он не мог их даже анализировать. Нельзя обсуждать аргументы сумасшедшего, а он считал такие идеи продуктом дефективного ума. Сам он смотрел на Америку, как на обширную арену, где борцы получают призы наличностью. Человеческий труд он рассматривал как предмет торговли. Впрочем, так он рассматривал решительно все—волю, добродетель, религию... Для него все это были предметы, которыми можно спекулировать, которые можно продавать и покупать.

— Значит, мировая промышленность и торговля, по их мнению,—сказал он,—побочное занятие? Ничтожная ерунда, с которой можно покончить в несколько часов? А чем они предполагают заполнить остальное время? Лежать на боку?

На холодном ясном лице Б. М. показалась презрительная усмешка.

— Полагаю, что было бы именно так. Полное безделье. Но они говорят другое,—она засмеялась деревянным смехом,—они утверждают, что если уничтожить

конкуренцию и все связанные с ней лишние процессы и если все займутся действительно производительным трудом, то вся необходимая работа потребует не больше 3—4 часов в день. А остальное время можно будет тратить на украшение жизни, на занятие спортом, на образование, на создание произведений искусства. Они много говорят о том, как избавить человечество от страха.

— Какого страха?—спросил Эллерман.

— Страха бедности. Они доказывают, что в цивилизованном мире существование бедности постыдно, принимая во внимание огромную производительную силу современной машины.

— Позвольте мне сказать,—горячо начал Эллерман.— Я знаю человеческую природу. Людей надо заставлять работать. Отнимите страх нищеты, и вы ничего не добьетесь. Исчезнет честолюбие. Мы никогда не поладим с социалистами. Нам надо найти средство избавиться от них на заводе.

— У нас их там целое гнездо,—сказала Б. М.—Я не знаю, как это могло случиться. Социалистическая газета на заводе расходится в двух тысячах экземпляров и весьма успешно конкурирует с этой тряпкой,—она хлопнула по стопке «Эллермановского Курьера»,—которую мы субсидируем. А теперь они выставляют своих кандидатов на выборах. Конечно, они не пройдут. Но если эти нелепые идеи будут распространяться, то мы доживем до того, что муниципалитет перейдет в руки большевиков.

— Таких людей надо лишать права голоса!—крикнул Эллерман,—нельзя давать права голоса и административных должностей людям, восстающим против конституции Соединенных Штатов.

— Я абсолютно убеждена в том, что у нас все

поставлено неправильно,—сказала Б. М.—Это движение надо истребить теперь же в корне и не давать ему укрепляться дальше. Вы знаете, как дело обстояло в Нью-Йоркском штате? Четверо или пятеро социалистов прошли в законодательную палату, спикер Свит их решительно выставил. Это было смело и мужественно. Он взял закон в свои руки и заставил законодательную палату их исключить. Публика его совершенно не поддерживала. Большинство социалистов переизбрано. Они вернулись на свои места и заявили, что их исключение было неконституционно.

— Ну, и что же если неконституционно?—стукнул кулаком по столу Эллерман.—Бывает время, когда не следует обращать внимания на конституцию и вообще ни на что. Линкольн преступал конституцию. Освобождение негров было неконституционным актом.

Мисс Марголин повернулась к столу и снова отпила молока.

— Хорошо. Нам придется с ними бороться, и чем скорее, тем лучше.

— Если мы в Соединенных Штатах не сможем справиться с рабочим вопросом, то нечего и жить,—убежденно сказал Эллерман.—Мы хотим быть честными—я говорю за других предпринимателей так же, как и за себя,—но если рабочие не ценят того, что мы даем им хорошую заработную плату и возможность прилично жить...

— В этом-то все и дело—прервала она его,—что они этого не ценят. Они говорят, что они делают все, а что мы живем на их счет... Неблагодарные... Ш-ш!—она подняла руку,—пожалуйста, не волнуйтесь. Мы справимся с ними, когда понадобится. Помните, что завод и машины принадлежат нам, ума у нас также больше, и мы думаем быстрее, чем они. Если дело дойдет до борьбы

на жизнь и смерть, то мы всегда можем закрыть завод и заморить их голодом.

Эллерман вскочил и начал ходить по комнате. На ходу машинально отрывал полоски бумаги от письма, которое было у него в руках, скатывал из них шарики и бросал в корзину для ненужных бумаг. Это был его обычный жест, когда он бывал расстроен.

— Да, вот вам нечто более успокоительное,—сказала Б. М.,—письмо от этого пучеглазого редактора «Эллермановского Курьера». Он посылает вам несколько своих передовиц и просит назначить его на мое место.

— Неужели он так буквально и говорит?—спросил Эллерман.

— Нет, только намекает. Пишет, что считает себя способным к более широкой деятельности и что его преданность вам безгранична. А потому, принимая во внимание его знание местных условий, он чувствует, что был бы более полезен в качестве конфиденциального лица, стоящего близко к вам.

Эллерман с минуту смотрел отсутствующим взором.

— Вы знаете, у меня мысль. Пошлем этого парня в конгресс. Это—абсолютный прихвостень, и мы могли бы контролировать каждое его слово.

— Бездарен,—сказала с циничной усмешкой Б. М.,—абсолютно! Тратит всю свою энергию на подлизывание. С нашими деньгами и нравственной поддержкой он допустил такое развитие социалистического листка! Они основали его с наличностью нескольких сот долларов в полуразрушенной типографии, а теперь фактически они совершенно подорвали нашу газету.

Спокойным движением старой девы она снова отпила молока.

— Было бы выгоднее,—заключила она,—если бы этот дурак перешел на их сторону и стал к нам в оппозицию.

— Покажите-ка мне эти передовицы,—сказал Эллерман, опустившись в большое конторское кресло и осторожно надевая на нос очки в золотой оправе.

Она взяла стопку бумаг и положила перед ним.

— Если это так,—заметил он,—то лучше нам от него избавиться, а в редакцию посадить кого-нибудь другого.

Он взял газету, и его сразу точно обдало жаром.

— Нечего сказать: одно хуже другого!—раздраженно проворчал он.

Б. М. вернулась к своему столу и взяла трубку одного из четырех телефонов, стоявших в ряд перед ней.

— Алло. Гараж. Говорит мисс Марголин. Подайте через десять минут машину с шофером. Я выеду в два.

Эллерман смотрел на нее поверх очков.

— Куда это вы?—спросил он.

— Играть в гольф,—ответила она,—я тоже состою пациентом м-ра Лаури. Он велел мне играть в гольф три раза в неделю... Если случится что-нибудь пока меня нет, то м-р Тэпман или мисс Томсон могут этим заняться.

— Вам это полезно. Перестанете так злиться.

— Я?—заметила она.—Злиться? На этот раз вы ошиблись!

4

Карьера Ричарда Эллермана служит прекрасной иллюстрацией того, что неуклонное стремление к раз намеченной цели есть главный залог финансового успеха.

Это карьера узкого ума, слепого ко всему остальному и занятого исключительно материальными приобретениями. Вот почему биографии финансовых королей до такой степени скучны и бедны содержанием. У них есть свои идеалы—человеческое существование без них

немыслимо,—но эти идеалы обычно чрезвычайно наивны, детски и покрыты фальшивой позолотой.

Благодаря своей власти они навязывают цивилизации свои жалкие идеалы и заставляют таким образом считать высшим достижением то, что совершенно недостойно человеческого духа.

Чтоб иметь возможность беспристрастно судить об уме крупного дельца или финансиста, мы не должны поддаваться впечатлению окружающего его внешнего блеска. Тогда нам станет ясно, что главные его двигатели — корыстолюбие и самоутверждение. Он путает талантливость с ловкостью и не сочувствует тому типу ума, который «не умеет продать себя». Он насквозь проникнут социальным ядом продажности и потому особенно старательно выдвигает годных на все руки людей, наивно и совершенно искренно принимая их за действительно талантливых. Он безмерно увеличивает путаницу и мешает производительности во всех областях. Среди путаницы ему куда легче достичь своих корыстных целей, чем при наличии порядка, ибо путаница смешивает проблемы, извращает ценности и отвлекает внимание. Продуктивные процессы, которые могли бы протекать совершенно легко, благодаря этому делаются страшно сложными.

Эти черты тесно связаны с неуклонным преследованием цели, которое служит отличительным признаком такого ума. Яркость и обаяние человека рождаются из борьбы его импульсов. Сила характера и понимание жизни развиваются в людях, стремящихся найти равновесие. Но подобная внутренняя борьба отсутствует у великих дельцов или финансистов. Ими руководит одна определенная цель. Поэтому их понимание ограниченно, они приобретают сведения, но не знания. Но хуже всего то, что таким умам недостает предусмотри-

тельности. Этот недостаток, повидимому, врожденный и неисправимый, потому что даже в своей деловой области они не прозревают будущего и бредут через жизнь, спотыкаясь и жадно хватаясь за все, что попадается на дороге и представляет какую-нибудь материальную ценность.

Как слепые попадают в яму, так они попали в мировую войну, потащив за собой стадо обманутых наций. Они удивляются всему и всем раздражаются. Они лишены созидательного социального гения, неспособны придумать никакого практического плана улучшения мира и поэтому довольствуются жалкой бесцельной филантропией. Как злобные собаки над костью, они рычат на каждого подходящего к ним с предложением создать мир красоты и благости.

Такие умы поддаются только катастрофам. Их они понимают и уважают. Это печально, ибо это значит, что разговаривать с ними можно только на языке бедствий. Мир сейчас как раз произносит речь на этом языке, и эта филиппика обещает стать еще красноречивее в течение ближайших лет.

5

Ричард Эллерман принадлежал к этому типу людей. Он был не техник, а финансист. Его талант заключался в остроумных финансовых комбинациях, которыми отличалось развитие его компании. Он умел косвенными путями уничтожать конкуренцию и ловко распоряжаться акциями на бирже.

Фактически производство эллермановских автомобилей выросло как отдельный самостоятельный организм под управлением опытных инженеров.

Он чувственно наслаждался властью, сосредоточенной в его руках, которой должна была подчиняться эта

прекрасно организованная производственная машина. Он мог остановить ее моментально с такой же легкостью, с какой тушат электрическую лампочку. Если бы он захотел, он мог бы остановить ее, не давая никому отчета, и шестнадцать тысяч человек, жизнь которых была связана с заводом, не могли бы ровно ничего сделать. Им оставалось бы только молча бродить по затихшим улицам заводского местечка, как бродит скот, когда пересохнет река, в которой он привык утолять свою жажду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ДУХОВНОЕ РАДИО

1

Большой каменный дом в «Тенистом Лугу» стоял далеко в конце аллеи, ведущей к нему вверх от ворот решотчатой ограды. Расположен он был с таким расчетом, что сразу, как белое платье, бросался в глаза всякому, кто шел мимо ворот. От великолепного дома весело тянулись лужайки, безукоризненные, как новое сукно. Кое-где по ним были разбросаны тенистые купы тщательно выхоленных деревьев. От них поместье получило свое название.

Вся эта красота была строго обдумана. Она была заказана архитекторам и ландшафтным садовникам, как заказывают сыр в бакалейной лавке. Все было задумано без особенного вдохновения, но умно, и выполнено с величайшим совершенством. Но, кроме того, эта красота была вызывающа. Не будь она вызывающей, она бы не понравилась Ричарду Эллерману, а не будь она несколько кричащей—не удовлетворила бы его жену. Между скромными, заросшими деревьями улицами и стыдливыми Уэсчестерскими холмами дом был похож на чемпиона-атлета во фраке. Газеты называли его достопримечательностью. Так оно и было в действительности. Это был не просто дом, а символ власти: и дом,

и поместье, и ковры, и картины, и статуи, и книги, и бронза. Символ власти не духовной и не интеллектуальной, а материальной. Владелец его и не признавал никакой другой власти. Для наблюдательного ума это представляло роковую трещину в его броне—брешь в стенах созданной им крепости. Брешь, в которую со временем войдет победоносная армия.

На тех, кто был настроен в тон,—этот символ и все, что его окружало, действовало остро возбуждающе. От него шли волны, воспринимаемые миллионами людей, неспособных принять ничего более тонкого и высокого.

Присоединимся на минуту к духовному радио и послушаем, что до нас донесется.

— Чей это дом, Генри?—Наклонившийся над колесом руля Генри чувствует, как его трогают за плечо.— Вот этот—большой белый дом направо? Посмотри, посмотри-ка!.. Вот это поместье! На чугунной решотке монограмма Р. Э. Да, Р. Э. Совершенно верно.

— Это?—Генри слышит и замедляет ход.—Это эллермановский дворец. Того самого, кто сделал этот автомобиль. Великолепно, не правда ли?

— Да. Эллерман может быть оптимистом. Богат, должно быть, страшно.

— Н-да. Богат. И все сам нажил. А сначала был победнее нас... В маленькой машинной мастерской в Чикаго начал делать автомобили, вкладывая в дело каждый цент... Над ним смеялись, а теперь—посмотри!

— Что же! Это показывает, что может сделать человек, если обладает мозгами и хочет работать. Пример такого успеха в самом деле поощряет человека.

— Конечно, поощряет.

Пауза. Присоединяемся к другой станции.

Лилиан сладострастно потянулась на душистых по-

душках кушетки, привела в порядок розовое неглиже, вытянула ножку в золотой туфельке, зажгла папироску и развернула воскресный номер.

— Посмотри, Долли,—позвала она через комнату,— вот фотографии Эллермана и его накрашенной старухи. Катаются верхом на сернистых водах. Посмотри, до чего она похожа на мумию Тут-ан-ка-мэна.

— Ах, она совсем не так стара,—ответила Долли, старательно полируя ногти,—а просто расстроена. Маргарэт Прат совсем пленила ее супруга, и, должно быть, ей об этом сообщили.

— Разве это продолжается? А как же австрийский граф? Я слышала, что они с графом сговорились, как будто она дает ему уроки музыки. Так они его и проводят.

— Да. И она еще в фаворе. Граф очень старается. А недавно вышло очень забавно. Горничная Прат рассказывала моей Джюдит. Граф был у нее совсем по-домашнему, понимаешь? Они думали, что милый Дик уехал из города. Вдруг,—увы и ах!—кто-то снизу звонит, Эллерман поднимается к ним наверх. Кавардак ужасный! Граф только и успел юркнуть в шкаф, и пришлось ему простоять там битых шесть часов. Бедняжка! Как только Эллерман уехал, они открыли шкаф. Пришлось вызвать медицинскую помощь.

В обоих концах комнаты хихиканье.

Еще станция.

Вечером, когда отделанная темным дубом приемная клуба была почти пуста, вошел Девор и подошел к креслу, стоявшему перед ярко горевшим камином. В кресле дремал человек с газетой в руках.

— Эй, Хьюлет,—сказал Девор,—ты кончил свою книгу?

— Я? Ах, прошу прощения, Девор, я не видал, как ты вошел. Да, только что кончил.

— Я слышал, что очень удачная вещь.

— Не знаю. Мне кажется, средняя.—Хьюлет поправил пенснэ на черной ленте и, как сова, уставился в огонь.—Писал ее с увлечением. Заглавие, кажется, нашел удачное: «Вверх и выше»... Я показываю, как может пробиться трезвый, честный, способный юноша.

— Да. Это, должно быть, неплохо. И надо думать, что пойдет хорошо.

— Надеюсь... Не знаю, разрешит ли Ричард Эллерман посвятить книгу ему.

— А почему бы нет? Это тот тип, который ты описываешь. Почему бы его и не спросить об этом?

— Думаю написать ему письмо. Мне кажется, что неудобно обращаться к нему по телефону.

— Нет, по телефону нельзя. Будь я на твоем месте, я бы написал ему на клубном бланке. Это всего приличнее. Если книга будет посвящена ему, то он может купить тысячу экземпляров и разослать своим знакомым.

Теперь послушаем, что говорят сомнительные субъекты, работающие около биржи.

— Иной раз, Джэк, мне очень жаль, но ты производишь впечатление круглого дурака.

— Совершенно напрасно. Тебе всякий человек с инициативой кажется круглым дураком.

— Джэк, дело не в этом! Инициатива—дело хорошее, но это слишком опасно. Продаем мы публике бумаги, стараемся изо всех сил. Но все у нас в законном порядке—и все как следует. Отлично! А ты недоволен. Хочешь спустить акции и положить деньги в свой карман. Очень это рискованно.

— Ах, старая крыса... Совсем не то... Я предлагаю

совсем другое. Я предлагаю продать эти акции, и чтобы компания на эти деньги купила у нас нашу землю. В чем же дело? Запись совершенно чистая, и я никому не позволю утверждать противного. А послушаешь тебя, так можно подумать, что я хочу украсть деньги.

— Н-да, дело чистое, если ты сможешь его провести. Но земля стоит не больше десяти центов за акр. Что, если дело дойдет до суда?

— Ровно ничего! Я собираюсь сделать то, что сделал Ричард Эллерман, когда управлял компанией Эверглэд, а я думаю, что ему-то подражать безопасно. Верно я говорю? Он продал компании сто тысяч акров болота за пятьсот тысяч долларов. Земля обошлась ему не более сорока центов за акр, а он нажил на ней по пяти долларов на акр. Каково это по-твоему?

— У него был адвокат.

— Да, и у нас есть адвокаты. Два самых ловких адвоката на Манхатане. Нет, это не ерунда. Предоставь это дело мне.

А вот это доносится из города, полного дыма и копоти под Питтсбургом.

Рука матери, жесткая и красная от постоянного пребывания в горячей мыльной воде, любовно гладила щеку мальчика. Пучок желтого света падал из-под абажура на открытые книги и тетради с задачами, исписанные крупными цифрами. Нос мальчика уловил запах обмылков и кухни.

— Я для тебя сберегла вот эту газету, сынок,— сказала мать, и в голосе ее слышалась ласка.—Хотелось мне, чтобы ты это прочел.—Она развернула перед ним иллюстрированный лист.—Тут все об этом Ричарде Эллермане, у которого столько миллионов, и о том, с чего он начал... Бедный был парень, а мать тоже была вдова. Пробился через колледж...—В ее голосе звучала гор-

дость.—Здорово учился, здорово работал. А теперь — вот какой важный.

Мальчик взял листок.

— Ага, уже начал сниматься,—сказал он непочтительно.

— Да. И снимается. Видишь, вот сам мистер Эллерман, а вот его жена. Какая красивая и добрая! А вот их дом. Смотри, дом-то какой... А вот какой колледж он построил. Как только разбогател, сейчас же подарил новый дом для колледжа.

Присоединяемся к Централь-Парк-Уэсту.

Слушайте, мальчики и девочки!

— Ах, Вербена,—говорила м-с Прат сильно расстроенная.—Сколько раз вам было сказано не класть писем на стол, когда здесь мистер Элсуорт. Что вы теперь наделали?

Она волновалась, сидя в шелковом белье перед своим туалетом с трельяжем. В правой руке она держала жирный черный карандаш, которым проводила по бровям... Негритянка стояла среди комнаты, глупо глядя на нее.

Вдруг неожиданно в негритянском мозгу зародился ряд отрицаний.

— Нет, м-с Прат, я никогда не клала никаких писем ни на какой стол.

— Я вам много раз повторяла, когда мистер Элсуорт здесь, не подавать сюда почты, а держать ее в кухне, пока он не уедет.

— Да, мадам. Правда, мадам. Только мистер Элсуорт сам взял их у меня из рук, посмотрел на них и взял одно письмо, а остальные отдал назад.

— Какое было письмо, Вербена?—взволнованно допрашивала м-с Прат.—Мужской почерк или женский?

— Я не разбираю этого, мадам.

— Какой был конверт? Маленький, хорошенький, квадратный или...

— Нет, мадам, конверт был самый простой. А штемпель как будто из Атлантик-сити.

М-с Прат положила на стол карандаш для бровей и испустила глубокий печальный вздох.

— Ох, милая, милая моя...

Нечего смеяться. Вы бы тоже сказали «дорогая», если бы ваши деловые расчеты были нарушены благодаря неловкости преданной негритянки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

КАК ДЕЛАЮТСЯ ДЕНЬГИ

1

Оставим духовное радио и обратимся к душевному состоянию м-ра Грегори, эксперта-консультанта по автомоторной промышленности, въезжающего в чугунные ворота «Тенистого Луга» на эллермановском автомобиле, высланном за ним на станцию. Грегори был знаком с Эллерманом много лет, но не близко. Это его первый визит в поместье автомобильного магната. На коленях у него лежит большой пакет. Это—проект Хэнтера, который он везет назад.

М-р Грегори терзается от нерешительности. Даже в этот последний час он не знает, будет ли он советовать Эллерману изготовлять свои собственные батареи, или нет. «Хорошо бы,—думает он,—заполучить компанию Эллермана в число своих постоянных клиентов с регулярным годовым окладом. В таком случае нечего колебаться ни одной секунды: компания во что бы то ни стало должна изготовлять свои собственные батареи.» Но эллермановская компания вызывала его в первый раз, и если этому разу суждено быть и последним, если это приглашение случайное и не ведет ни к чему в дальнейшем, то следует руководиться совершенно другими соображениями. Ему казалось, что от него

скрывали настоящую причину, по которой его вызывали.

Раньше, чем высказать свое мнение, он решил сделать несколько намеков на постоянную службу у Эллерманов и посмотреть, что из этого выйдет.

Возвышающийся перед ним огромный белый дворец подействовал на него подавляюще. Его великолепие было тяжелым. М-ру Грегори казалось, что тяжелая белая каменная рука опустилась на его плечи... Он вспомнил свою скромную виллу в Монклэре. Вилла была скромная, но все же он был гораздо состоятельнее окружающих его представителей племени страховиков, пароходных маклеров, банковских служащих и т. д. В его доме было пятнадцать комнат, большая веранда с гамаком, английская гостиная с витриной для редкостей, в которой хранились маленькие слоны из слоновой кости и эмалевая коробка для папирос. У него был и гараж с шофером и тенистый корт, втиснутый между домом и службами, на котором играли в корректном соутгемптонском стиле две его дочери с соседними молодыми людьми в рубашках с открытым воротом. У его девочек был свой счет в банке, они слегка важничали, каждую осень бывали на футбольных состязаниях.

Все они бывали в Европе, куда отправлялись на «Аквитании». «Знаете, это—самый удобный пароход»,— всегда прибавляла его жена, упоминая об этом. Две маленькие отдельные каюты на палубе Д... А там, на Гудсоне, виднелась длинная изящная океанская яхта Эллермана «Белая дама». Он видел ее с поезда... Да, они были в Европе во всех знаменитых местах, даже в Эксе, где целую неделю изнывали от жары в душных мансардах под покатой крышей.

Прямой, негнущийся лакей проводил м-ра Грегори

по обширному холлу, мимо больших комнат, где на стенах висели исторические полотна. Он вспомнил о картине, украшавшей камин в его столовой. Этой картиной они все очень гордились. То была «настоящая» масляная картина, принадлежащая кисти дедушки Пикеринга. Дедушка Пикеринг был «хорошего рода из Новой Англии». Впервые здесь Грегори усумнился в художественной ценности произведения дедушки Пикеринга.

«В чем дело?»—думал м-р Грегори.

Двадцать пять лет он изучал автомобили. Его ежегодные предсказания относительно хода автомобильной промышленности пользовались (и пользуются) огромным уважением. Он был признанным экспертом уже тогда, когда автомобильное дело едва начинало развиваться, и раньше, чем был построен первый эллермановский автомобиль. В дни своей молодости он изучал это дело с энтузиазмом фанатика, забросив все остальное. И совершенно справедливо утверждали, что никто не знает этого дела лучше его. Он написал три книги об автомобилях, их механизме, организации автомобильной промышленности и методах продажи. И несмотря на все это, он не мог заработать больше тридцати тысяч долларов в год,—а иногда и меньше,— и то только при величайшем напряжении.

Он чувствовал подавленную зависть, смутное ощущение поражения... Он понимал, что это нелепо, потому что его жизнь в сущности была вполне счастлива. Его семья, его друзья—все считали, что ему все прекрасно удается, и несмотря на это... все как-то мало удовлетворяло.

Одно было для него совершенно ясно,—он слишком дешево брал за свои услуги. Поэтому он решил заставить Эллермана заплатить ровно тысячу долларов

за эту консультацию. «Я из него их выжму,—чуть не произнес он вслух. Если же компания Эллермана сделается его постоянным клиентом, то он возьмет с нее не менее пяти тысяч долларов в год.

2

— Я помню, что сказал вам прошлый раз на гольфе.—Ричард Эллерман остановился, привычным жестом положив руку на плечо Майкеля Уэбба. Майкель стоял на террасе, Эллерман проходил мимо. Он шел своими быстрыми, отрывистыми шагами, приподняв палец в знак приветствия. Потом вдруг вернулся и подошел к нему.—Я помню, что говорил. Надеюсь, что вы как следует это обдумали?

— Что именно?—спросил Майкель.—Что я гроша ломаного не стою? Или что вы хотите, чтобы я на вас работал? Вы сказали и то и другое. Что же из двух? Или и то и другое вместе?—Он засмеялся так весело и заразительно, что Эллерман не удержался от улыбки.

— Вы шутник и прекрасно меня понимаете,—усмехнулся он.—Немногие меня понимают, но вы понимаете. И мисс Марголин.—Он на мгновение замолчал и серьезно прибавил:—Мои мотивы часто понимаются превратно.

— А мои нет!—ответил Майкель.—Меня все понимают. Я ничего не оставляю воображению. Поэтому я имею такой крупный успех. Вы представляете себе, сколько я стою... в добрых старых долларах?

— Нет, не знаю,—сказал Эллерман, продолжая улыбаться.—На вашем месте я бы плюнул на всю эту философию и на весь этот второй сорт... Вам следовало бы серьезно за что-нибудь взяться. Я вижу, что из вас выйдет толк. Меня всегда считали довольно проницательным судьей людей.. И на мое предложе-

ние вице-президентства не следует чихать. Это прекрасный случай. Многие люди полжизни работают, чтобы добиться такого положения,—и даже хорошие, талантливые люди.

Майкель покачал головой и быстро ответил:

— Я вам не подойду. Я не добиваюсь. Я отбиваюсь. Это много легче.

Эллерману было досадно. Но его настойчивость была высокой марки, и он был способен пересилить всякую досаду, если это было нужно для какой-нибудь цели.

— Позвольте вам сказать одну вещь,—начал он,—и сказать только для вашей пользы. Вы завоевали репутацию остряка. Это верно. Я слышал это от многих. Вас начинают считать присяжным остряком. Вы этого не заслуживаете. Но такая у вас манера.

Произнеся эту тираду, Эллерман серьезно и сочувственно глядел на него.

— Я этого не заслуживаю?!—воскликнул Майкель.— И вы смеете говорить мне это в лицо? Я этого, по-вашему, не заслуживаю? Держу пари, что я самый лучший остряк, которого вы встречали за последние десять лет.

Повернуться к нему спиной и отойти от легкомысленного шутника было первым порывом Эллермана, но он чувствовал, что это было бы поражением. Он хотел быть выше Майкеля Уэбба и для этого не мог придумать ничего иного, как внести его в списки лиц, состоящих на жалованьи у компании. Единственные отношения между людьми, которые казались ему вполне реальными, были отношения хозяина к служащему, продавца к покупателю. Он не искал подобострастных людей,—их всегда было достаточно. Он любил независимых и откровенных людей, и ему нравилась их независимость и нравилось ими владеть так, чтобы при

отношениях хозяина и служащего он мог им показать, что они не так независимы, как им кажется. Его натура была примитивна, как финский нож. Это было не что иное как сокровенная низость души, обуреваемой жаждой власти.

Он снова положил руку на плечо Майкеля и улыбнулся.

— Знаете, вы были бы хороши в водевиле... Однако мне сегодня не до шуток, я занят делами. Пожалуйста, подумайте серьезно о моем предложении. Я уверен, что оно вполне для вас подходяще... В одиннадцать у меня совещание... Между прочим,—не хотите ли вы притти нас послушать? Это насчет хэнтеровского проекта. Приходите и познакомьтесь с нашей деловой атмосферой.

Майкель сказал, что ему очень интересно присутствовать на совещании.

— Правильно! Это дело!—сказал Эллерман, направляясь с ним с террасы в контору,—я сделаю из вас крупного дельца.—И отечески похлопал его по спине.

— Мы сегодня пригласили Эдуарда Грегори,—сообщал Эллерман Майкелю по дороге,—человека очень известного и высоко ценимого в автомобильном мире. Он—эксперт-консультант.

— Что такое?—спросил Майкель. — Инженер-консультант?

— Больше чем инженер-консультант. Он изучил все методы продажи, организацию дела, себестоимость и прибыль, личный состав — решительно все. Вам может показаться странным, что я пригласил постороннего человека для обсуждения этого предложения, когда у нас есть свои эксперты... Это не так уж странно в конце концов. Мне надо слышать беспристрастное мнение о достоинствах этого проекта, без всякой личной предвзятости. Все наши, конечно, знают Хэнтера, и... и...

я хотел бы знать, что думает об этом Грегори... Это не значит, что я буду непременно руководиться его мнением. К сожалению, решение лежит исключительно на мне, и весьма возможно, что я решу иначе.

— Но вы уже решили,—сказал Майкель.—Вы давно решили. Разве вам интересно, что будет говорить этот человек?

— Вы мне это уж раз сказали,—отрывисто произнес Эллерман с оттенком раздражения в голосе.—Я вас не понимаю, ваши слова я объясняю только полным незнакомством с деловыми методами. Конечно, пока я еще не решил...—Злое выражение его лица быстро сменилось улыбкой.—Конечно, с деловыми методами вы еще незнакомы».

Одиннадцати еще не было, а Грегори сидел, дожидаясь назначенного часа в зале для совещаний. С задумчивым лицом и нахмурив брови, он перелистывал страницы хэнтеровского проекта. Делать этого было незачем. Но он представлял себе, что так будет лучше, когда войдет Эллерман.

— М-р Грегори, я оставляю вас с этим джентльменом минут на десять,—сказал после обычных приветствий автомобильный магнат.—Мистер Хэнтер, вероятно, скоро здесь будет, а мисс Марголин и я будем здесь ровно в одиннадцать.—Он подчеркнул «ровно» и, повернувшись к Майкелю, слегка кивнул ему, как будто желая сказать этим жестом: «Видите, как мы пунктуальны в делах».

3

Эдуард Грегори не разобрал фамилии Майкеля. Ему показалась—Майкеллер. Человек он был осторожный, а потому сейчас же начал перебирать в уме фамилии всех старших сотрудников эллермановской компании.

Майкеллер... Такой фамилии среди них не было. Что ж, Майкеллер был прекрасно одет и держался уверенно. Вероятно, кто-нибудь из богатых знакомых Эллермана, возможно—компаньон, какой-нибудь миллионер, заинтересованный в делах компании.

Но даже если бы он как следует расслышал фамилию Майкеля, то это не сказало бы ему ничего. «Клубы второсортных» и споры, возникшие по их поводу, литературные произведения Майкеля,—все это бесследно прошло мимо него. Он о них даже не слыхал. Он обладал способностью читать газету и не видеть в ней того, чего не хотел видеть, или того, чего не искал. Его ум, походил на запертый дом с единственной дверкой, в которую впускались новые мысли только об автомобилях. Таков прием экономии ума.

По его мнению, «Американский индивидуализм» Герберта Гувера являлся самой значительной и жизненной книгой в Америке со дней Эмерсона. Этот маленький томик был у него в кармане, потому что он читал его дорогой в поезде. После нескольких бессвязных замечаний о погоде и железнодорожном движении он перевел разговор на эту книгу. Он думал, что для него выгодно казаться знакомым с произведениями выдающихся американских умов.

— Книжка ко времени и написана крупным деловым человеком,—заметил м-р Грегори, показав ее Майкелю.

— Я знаю. Я уже читал ее,—сказал Майкель, возвращая книгу.

— Гувер стоит за подлинные американские идеалы, и стоит за них твердо,—продолжал Грегори.

— А что в сущности он подразумевает под этими американскими идеалами?—мягко спросил Майкель.— Чьи это идеалы? Железнодорожного ли кондуктора, скажем, или мистера Эдуарда Бока? Или это идеалы

Муррей-Бутлера и генерала Першинга? Или, наконец, идеалы фермера из Дакоты или ломовика в Нью-Йорке, живущего в четырех комнатах с семьей из пяти человек?

— Это средний идеал—общий для всех, по-моему,— сказал м-р Грегори.

Майкель серьезно покачал головой.

— Я в этом сомневаюсь. Сомневаюсь, что в этот общий идеал он включил идеалы Юджин Дебса—одного из наших самых выдающихся американцев. М-р Дебс провел несколько лет в тюрьме за то, что публично говорил об идеалах. Я сомневаюсь, чтоб при таких печальных обстоятельствах м-р Гувер придавал значение взглядам мистера Дебса.

— Я думаю,—вырвалось от чистого сердца у м-ра Грегори,—эта книга лучше объяснит вам взгляды Гувера, чем я. Он просто отмечает все аргументы фантазеров-радикалов, которые денно и нощно подрывают наши демократические учреждения, хоть и уверяют, что они честные и лояльные американцы. Американский индивидуализм! Вот главный принцип Гувера. Под индивидуализмом—насколько я его понимаю—он подразумевает инициативу, строительство, демократическое равенство, которые создали благосостояние нашей свободной страны. Идеи общего сотрудничества, знаете ли, идеи кооперации.

— Но его тема,—индивидуализм,—указал Майкель.— Какое же общее сотрудничество при индивидуализме? Это нечто совсем, совсем другое.

— О, я говорю—общее сотрудничество в подлинном смысле слова,—пояснил м-р Грегори.—Всякий сам по себе, но двигаются все в одном направлении.

На самом деле м-р Грегори не знал, что хотел сказать Гувер. Он все еще находился в примитивной стадии социального сознания, когда человека легко за-

гипнотизировать одной фразой. А фразы Гувера звучали прекрасно... Ему нравились туманные, громкие изречения Гувера, набитые приятными словами, вроде «мотивировка», «законность», «взаимные интересы». Он не подозревал, что мир стоит перед новыми фактами и новыми мерилами ценностей и стремится к пониманию сущности вещей, а не к трафаретам.

— Да, кажется, такова его мысль,—сказал Майкель.—Я просматривал книгу и получил впечатление, что автор предлагает ее в качестве омолаживающей прививки к одряхлевшему капиталистическому режиму.

Грегори не вполне уловил значение этих слов. Он слишком привык к обычным, установленным выражениям, и решил, что это—только несколько непочтительное, но невинное юмористическое замечание.

— По своему значению, дорогой сэр,—Грегори сильно понизил голос,—книга Гувера равняется крупной победе. Большевизм едва стоит на ногах. Это не может продолжаться. Это — несказанная экономическая ересь, подстроенная несколькими ловкачами, сумевшими заманить легковерную и безграмотную массу...

— Прогнившая насквозь многоголовая гидра,—прибавил Майкель.

— Совершенно верно—многоголовая гидра зла!

Но м-р Грегори не особенно боялся большевизма. Он о нем ничего не знал и им не интересовался, он горячо выразил свои чувства, ибо думал, что Майкелю понравится его лойяльность.

— Это только один из симптомов общего беспокойства, господствующего в мире,—прибавил он.—Европейские страны все время меняют свои границы, захватывают территории, грабят, что могут. Как хорошо, что мы в Америке.

«Меняют? Так ли?—думал Майкель.—Ну-ка, проэкзаменуем его по европейским делам.»

— А как вы думаете, проглотит Бельгия Египет?—невинно спросил он м-ра Грегори.

М-р Грегори внутренне смутился. Очевидно, он что-то пропустил в газетах. Неудобно в этом признаться—это будет значить, что он плохо осведомлен. Посмотрим... Бельгия... Египет... Он не слыхал ничего подобного... Однако...

— Этот вопрос очень трудно решить,—сказал он, чтобы выиграть время, пока щупальцами ума быстро перебирал карту Европы и Африки. Египет принадлежит англичанам не так ли? Да, это несомненно. Конечно! Ведь Бельгия имеет отношение к Конго...

— В этой области намечается тенденция к изменениям,—наконец сказал он,—и решительно все может случиться. Я не думаю, чтоб Бельгия захватила Египет, однако не удивлюсь, если это случится.

— Так вы думаете, что может быть и то и другое?

— Да, в этих осложнениях иностранной политики нельзя ничего угадать,—подтвердил м-р Грегори.

— Но, раньше, чем это допустить,—возразил Майкель,—Англия может сослаться на статуты св. Марка и обратиться к Средиземной лиге, основывая свои права на древне-римском праве.

М-р Грегори молчаливо задумался.

«Хотел бы я знать, о чем он думает?—пронеслось в голове у Майкеля.—Может быть, он соображает, что я откуда-то сбежал, и собирается позвать полицию?»

Но нет! Ничего столь положительного не было в голове м-ра Грегори.

— Я, знаете ли, не в курсе этого вопроса,—сознался он,—но принципиально можно утверждать, что все эти

древние статуты и договоры мало действительны. Война это доказала.

— Вы совершенно правы, — согласился Майкель.— Война это доказала. Но во всяком случае надо что-то сделать, выработать известный modus vivendi.

— Именно!—с жаром сказал м-р Грегори.—Оба сошлись на этом пункте.—В последнем счете не только эта проблема, но и все другие сводятся к современному взгляду на жизнь. В этом все дело. Держитесь современного взгляда на жизнь, и все эти сложные мировые проблемы сделаются простыми!

«Теперь я его поймал,—радостно подумал Майкель.— Теперь я узнаю, что́ он подразумевает под современным взглядом на жизнь.»

Но он не успел задать этого важного вопроса.

Вошла мисс Марголин и своим официальным видом охладила атмосферу. За ней появились Эллерман и Хэнтер.

4

М-р Грегори приготовил маленькую речь, в которой собирался выразить свое удовольствие—даже гордость—по поводу того, что может оказаться полезным м-ру Эллерману и эллермановской автомобильной компании; он хотел сказать о своей надежде, что это только начало дальнейших постоянных... нет, это не годится... что это поведет к взаимному и полезному деловому общению... Он решил указать также и на то, что, живя в Нью-Йорке, всего в часе езды от Доббс-Ферри, он без труда может служить Эллерману... Если его намек будет принят благоприятно, то он непременно посоветует Эллерману изготовлять свои батареи. Почему бы и нет? М-р Грегори часто удивлялся, почему вообще автомобильные заводчики не изгото-

вляют своих аккумуляторных батарей. Совсем простое дело... Стоимость производства? Но они покупают их ниже себестоимости производства... В данном случае это возражение не годилось, так как в план Хэнтера входила продажа собственных батарей публике через агентов, продающих автомобили Эллермана; это должно быть весьма выгодным.

— Но,—думал м-р Грегори,—если его предварительная речь не произведет должного эффекта,—он будет сильно возражать против рискованного и сложного плана производства батарей. Он не желает подвергать опасности дела своих клиентов, производящих эти батареи, и поощрять конкурента за случайную получку тысячи долларов. Так он и продолжал сидеть мысленно между двух стульев.

Мисс Марголин сразу, почти резко, открыла заседание, и маленькая вступительная речь м-ра Грегори так и осталась не сказанной. Ричард Эллерман развалился в кресле, в опущенной руке болтались очки, отсутствующий, бессмысленный взгляд был устремлен на карту, висевшую на стене. М-ру Грегори было совершенно ясно, что Эллерман не слушает того, что говорят на заседании и что ему невероятно скучно.

— Вы просмотрели проект, м-р Грегори? Что вы думаете о нем в целом? Исполнимо?—Мисс Марголин отрывисто задавала вопросы, точно бросала из окна кирпичи.

— О, да, я тщательно изучил его,—начал м-р Грегори,—и хочу вас поздравить,—он наклонился к Хэнтеру,—с прекрасным выполнением работы. Я должен сказать, сэр,—в сторону Эллермана,—что мне очень приятно быть здесь по вашему приглашению. И хотя мы первый раз встречаемся на деловой почве, я уже давно восхищаюсь удивительным развитием вашей ком-

пании. Я с удовольствием вспоминаю наше первое знакомство, мистер Эллерман. Это было в Детройте, в 1909 году, на заводе Чалмерса. В тот день вы разговаривали с Хью Чалмерсом...

— Да, да,—безразлично подтвердил Эллерман и кивнул головой, не выказывая никакого интереса и не отводя глаз от стены.

— Я слышал, что вы тогда сказали о будущем автомобильной промышленности, и навсегда это запомнил.

— Да,—кинула мисс Марголин.—Но что же вы скажете о проекте мистера Хэнтера? У нас мало времени, м-р Грегори, иначе я не была бы так настойчива.— Она пыталась смягчить удар кирпича подобием улыбки.

«Не хотел бы я, чтобы у меня была такая дочь»,— подумал мистер Грегори. Его мысль быстро переносилась к хорошеньким дочерям в Монклэре. И он вспомнил, что дело есть дело, и обижаться не к чему.

Мисс Марголин иногда чувствовала тоньше, чем обычно. В эту минуту она как раз почувствовала, что была слишком резкой, и поэтому сочла нужным прибавить:

— Видите ли, м-р Грегори, у нас есть специалисты по всем отраслям. Как вам известно, у нас крупное дело. Поэтому нам до сих пор не приходилось вас вызывать. Но это совершенно особенный случай. Возможно, такого не повторится в ближайшие десять лет.

«Этим все сказано»,—пронеслось в голове м-ра Грегори.

— И в этом частном случае мы нуждаемся в мнении совершенно постороннего и компетентного человека,— продолжала она, — именно потому, что м-р Хэнтер является одним из наших служащих и всеобщим любимцем.—Она послала Хэнтеру свою бескровную улыбку. Он сконфуженно опустил глаза.—И потому нам трудно услышать мнение не в его пользу.

— Повторяю, я тщательно изучил этот проект,—начал м-р Грегори, — мой совет не проводить его в жизнь... Я очень сожалею, м-р Хэнтер,—прибавил он.

Хэнтер сделал движение. Он сидел выпрямившись, взволнованный, на лице его было написано желание говорить. Майкель Уэбб сухо засмеялся и оборвал смех, точно отрезал ножом.

— Что тут смешного, м-р Уэбб?—спросила мисс Марголин, холодно посмотрев на Майкеля и нагло меряя его взглядом.

— Есть кое-что, потому я и смеюсь. Надеюсь, я не нарушил деловых приличий?

— Скажите, что же именно?—настойчиво спросила она.

— Незачем, — отрицательно мотнул головой Майкель.—Я могу все испортить.

Ни Эллерман, ни Хэнтер не обратили внимания на эту сцену. Эллерман продолжал думать о чем-то постороннем, а Хэнтер, казалось, готов был схватить Грегори за горло, самым вежливым образом задавая ему вопросы.

— Будьте добры, м-р Грегори, объясните, чтó именно плохо в моем проекте?

— В вашем проекте ничто не плохо, кроме общей политики, которую он влечет за собой,—учтиво ответил Грегори.—Конечно, мистер Эллерман сам решит, какой политики он будет держаться, но я бы не советовал начинать конкуренции с фабрикантами аккумуляторных батарей, обслуживающими публику.

— Держу пари, что можем слопать их без остатка,— сказал автомобильный магнат, очнувшись от транса.

— Я не сомневаюсь, что вы можете вести с ними успешную войну, м-р Эллерман. Но вы и они потеряете на этом деньги. Они не сдадутся без боя.

— Они не обслуживают публику, а грабят ее!—воскликнул Хэнтер.

— Этого я не думаю,—возразил Грегори,—и не думаю, чтобы вы могли это доказать. Они несут большие расходы, особенно по распространению. Но и ваши расходы будут не меньше. Мне кажется, что существующий порядок достаточно обеспечивает производительность дела.

— Приготовление аккумуляторов—вещь чрезвычайно простая,—утверждал Хэнтер.

— Вы так думаете?—возразил Грегори.—Вы сделали хоть один? Нет? А я делал. Кажется просто, а на самом деле нет. Опыт в этом деле весьма печален. Один автомобильный заводчик изготовляет также и аккумуляторы. Это сущее несчастье. Паи компании упали до двух долларов. Они производят порядочные батареи, но терпят на них прямой убыток.

5

Спор продолжался еще в течение получаса, после чего Хэнтер и Грегори оба погрузились в мрачное молчание. Мисс Марголин взяла проект Хэнтера и начала проглядывать один лист за другим. В то же время она бросала один за другим вопросы в сторону Грегори.

— Может быть, м-р Уэбб хочет задать несколько вопросов м-ру Грегори?—вдруг предложил Эллерман. Он вышел из гипнотического состояния и сделался чрезвычайно любезен.—М-р Уэбб, быть может, вскоре присоединится к нам,—объявил он м-ру Грегори.—Я хочу, чтобы он был в курсе дела.

— Да, мне хотелось бы задать несколько вопросов, если вы разрешите,—сказал Майкель.

М-р Грегори ответил, что рад служить своими зна-

ниями и готов отвечать на все вопросы, в которых компетентен.

— У вас есть известное число постоянных клиентов?—таков был первый вопрос Майкеля.

— О, да, у меня постоянные клиенты, у которых я состою на годовом жалованьи. Такого рода консультации, как эта, вещь для меня совершенно исключительная. Деловые отношения всего лучше оформливать контрактом. Я назначаю умеренное...

— Понимаю,—прервал его Майкель.—А есть между вашими клиентами компании, изготовляющие аккумуляторные батареи?

— Да, есть одна,—медленно ответил консультант.

— Какая?—настойчиво добивался Майкель.

— Троянская батарейная компания,—ответил Грегори.—Я состоию их консультантом уже много лет.

Мисс Марголин казалась изумленной, а Эллерман быстро сказал:

— Я думаю, мы не будем больше надоедать вопросами м-ру Грегори. Мы его уж и так утомили.

— Я бы хотел добавить,—возразил м-р Грегори,—относительно Троянской компании, что состою в ней только консультантом и что это обстоятельство никоим образом не влияло на мою оценку вашего проекта.

— Я в этом не сомневаюсь, м-р Грегори,—сказал Эллерман.

— Конечно,—присоединилась мисс Марголин.

— Самое тяжелое в положении главы предприятия—это необходимость принимать решения,—сказал Эллерман.—На самом деле я не являюсь главой Эллермановской компании..

Все присутствующие ничем не реагировали на эту ложь.

— Но этот частный вопрос приходится решать именно

мне. И я решился. С божьей помощью мы начнем изготовлять собственные аккумуляторы. Я высоко ценю ваше мнение, мистер Грегори, но думаю, что наша деловая политика должна быть противоположна той, какую вы нам рекомендовали.

— Прекрасно!—вырвалось у Хэнтера.

Грегори принял сообщение спокойно.

— Ваше дело, сэр,—сказал он.

— Я скажу вам мои основания,—продолжал Эллерман.—Во-первых, надо сказать, что этот вопрос у нас поднимается не впервые. Мы давно его обсуждали. М-р Хэнтер только оформил это дело... Мы закупаем четверть миллиона батарей ежегодно, и через наших агентов, несомненно, можем продать еще столько же. Это большие партии. Рассчитывая на это, можно строить завод большого масштаба. И почему, скажите на милость, нам не производить своих собственных аккумуляторов?

— Да, но сейчас вы их покупаете ниже себестоимости. В этом все дело,—сказал Грегори.

— Правда, но это происходит потому, что, продавая нам дешево аккумуляторы, Троянская компания прижимает собственников наших автомобилей. Это не дело. Теперь другие веяния. Мы не можем смотреть, сложа руки, на то, как обирают нашу клиентуру. И чорт меня побери, если я буду дальше содействовать повышению дивидендов Троянской компании. Я не желаю больше таскать им каштаны из огня. Они немного теряют на батареях, которые продают нам. Всего какой-нибудь доллар. И наживают десять долларов на тех, которые продают публике...

— Правильно говорит!—страстно шепнул Хэнтер на ухо Майкелю.

— Верно,—также шопотом ответил Майкель.—Он говорит то, что надо. Он добьется своего.

— Наш контракт с Троянской компанией истекает в октябре. Сейчас май. У нас пять месяцев, чтобы поставить завод. М-р Хэнтер, я назначаю вас заведующим работами. Мисс Марголин, будьте добры распорядиться... Хэнтер, я хочу, чтобы к первому октября вы могли выпускать хорошие батареи.—Он поднялся с кресла, точно его толкнула пружина.—До свидания, м-р Грегори, я был рад повидать вас.

6

Ричард Эллерман редко писал или диктовал письма. Всю корреспонденцию вела мисс Марголин. Письма, адресованные лично Эллерману, иногда им прочитывались, а иногда и нет. Случалось, что он по месяцу носил в кармане нераспечатанную телеграмму. Прочитав письмо или телеграмму, он неизменно бросал ее в корзину под стол или забывал в каком-нибудь неподходящем месте. Он даже не пытался извиняться в таком неделовом поведении. Когда мисс Марголин при случае начинала его упрекать в потере важной корреспонденции, он уставлялся на нее насмешливым взглядом и не отвечал.

У него не было ни порядка в делах, ни любви к порядку. В деловых сношениях со служащими компании, он постоянно обращался к ним, помимо их непосредственного начальства. К этому давно привыкли, и это не вызывало никаких разговоров... Это являлось составной частью его прямого, откровенного образа действий.

Много ходило рассказов в чикагской конторе о методах Эллермана. Эти легенды служащие передавали друг другу с блестящими глазами и оживленно жестикулируя.

— Его сравнивали с Наполеоном.

— Послушайте-ка,—говорил своим приятелям Плэнкетт из статистического отдела.—Я чуть со стула не свалился, получив письмо от Р. Э. Не знаю, где он обо мне узнал, должно быть, прочел мою подпись на одном из докладов нашего отдела.

— А вы думаете, что старина Р. Э. не знает каждого из нас?—сказал один из приятелей.—Нет, он знает решительно всякого и знает решительно все, что мы делаем. Такие крупные дельцы, как он, скажу я вам, никогда и ничего не упускают из виду.

— Получив это письмо,—продолжал Плэнкетт,—я немедленно отправился к заведующему отделом и показал его ему. В письме сам Р. Э. приказывал мне отправляться в Техас и исследовать на месте возможность расширения там нашей торговли.

— А что сказал на это ваш заведующий?—весело хихикнув, спросил один из приятелей.

— Он был страшно озадачен и велел показать письмо Мак-Аллистеру, заведующему торговым отделом. Я показал письмо Мак-Аллистеру, и...

— Потише, парни, это интересно!—сказал кто-то из слушателей.

— Мак-Аллистер как стукнет кулаком по столу, как закричит: «Чорт возьми, какое вы имеете отношение к торговле?..» А я ему говорю: «М-р Аллистер, повидимому, теперь я буду иметь к ней отношение». И больше никаких. Я сказал это совершенно спокойно. А он начал вопить о том, как это служащий из статистического отдела будет вмешиваться в торговые дела в Техасе. Потом начал звонить в Доббс-Ферри. Оказалось, что м-р Эллерман уехал на яхте, а эта женщина—эта самая мисс Марголин—убила все мое дело. Сказала, что ничего об этом не слыхала и чтоб на письмо не обращали внимания. Настоящий дьявол эта женщина! Потом

я описал все эти обстоятельства в личном письме к Р. Э., рассказал, что мне помешало исполнить его приказания и т. д. Послал письмо, но ответа так и не получил.

7

Час спустя после совещания с Грегори Ричард Эллерман сидел в кабинете мисс Марголин, погрузившись в редкое для него занятие,—он писал письмо. Мисс Марголин прислала ему свою лучшую стенографистку, но девушка была так напугана и так волновалась, что понадобилось несколько часов, чтобы исправить все ошибки.

Вот это письмо:

«Джозефу Стэнфорду, президенту, Чикаго. Конфиденциально. Не заносить в регистратуру. Подчеркнуть— Конфиденциально.

«Дорогой Джо!

«Меня осенило. По-настоящему. По-старому. Успех гарантирован, или деньги возвращаются обратно.

«Сюда явился Т. Х. Хэнтер, восьмой вице-президент, с предложением начать производство батарей.

«Ты представляешь себе, Джо, сколько времени он потратил на это сочинение? Он изложил на бумаге решительно все, касающееся приготовления батарей, начиная с Адама. Ручаюсь, что в своем железнодорожном отделе он пальцем о палец не ударил в течение трех месяцев по крайней мере. Он сам говорит, что его отдел работает, не нуждаясь в руководстве. Посему, хотел бы я знать, почему ты не передашь этот отдел в общее управление, куда он и относится? Нет никакого смысла, чтоб вице-президенты тратили свое время на управление отделами, которые могут без них обойтись.

«Надо подтянуться, Джо. В деле заметна распущенность. Следующий раз, когда ты приедешь, я покажу

тебе кой-какие цифры, подобранные мисс Марголин. Это откроет тебе глаза. Всюду лишние расходы.

«Вот моя идея. Батареи изготовлять мы не будем,— если только это не окажется неизбежным, но заключим выгодную сделку с Троянской батарейной компанией. Делай то, что я тебе скажу, и мы заставим их пойти на все. Троянская компания продает нам свои батареи по пяти долларов, как это тебе известно, теряя на них пустяшную сумму в один доллар, чтоб только сохранить связь с нашими клиентами. Мне надоело таскать для них каштаны из огня, и мы поставим дело так, что будем взимать с них за это приличную плату.

«Первым долгом я пригласил Эдуарда Грегори на совещание по этому поводу. Я знал, что он расскажет обо всем троянским представителям. Поэтому я его и пригласил. Сегодня он явился. Он стал еще хуже, чем был, Джо. Я не встречал его лет пять, и за это время он превратился в скелет. Сам я потерял десять фунтов с тех пор, как мы виделись. Исключительно благодаря упражнениям. Я бы хотел, чтобы ты как-нибудь попробовал боксировать с Лаури, моим новым гимнастом. За такое зрелище не жалко заплатить!

«Грегори нам не советовал начинать батарейного дела,—я этого ожидал. Я сразу при нем начал хвалить проект Хэнтера и велел ему начинать работы.

«Теперь слушай, Джо. Я хочу, чтобы были начаты все приготовления к устройству огромного завода. Возлагаю на тебя личную ответственность в этом отношении. Конечно, Хэнтер не знает, что у меня задумано, и знать ему об этом не следует.

«Говорю тебе это совершенно конфиденциально. Об этом знает еще мисс Марголин. Я хочу, чтоб все другие наши служащие, торговые агенты, публика и особенно Троянская компания считали, будто через год мы

будем выпускать тысячу батарей в день и совершенно сорвем их дело.

«Я думаю, что на это придется нам израсходовать тысяч сорок-пятьдесят долларов. Закажи Свинею и Рэсселю планы завода и сметы на машины, но не нанимай людей, с которыми трудно развязаться, когда дело будет кончено.

«Троянская компания вскоре пришлет своих представителей в твою приемную. Завтра им доложат обо всем. Болдуин появится сам. Он никому не поручит такого важного дела. Когда он заговорит о возобновлении нашего контракта и т. п. и будет высчитывать, сколько он теряет на нашем деле, оборви его и прямо заяви, что нам надоело, чтобы из нас высасывали соки.

«Если он сбавит нам цену батареи с пяти долларов на три, мы прекратим постройку своего завода и возобновим с ним контракт на пять лет. Когда ты ему это скажешь, он закатит истерику у тебя в кабинете. Начнет доказывать, что ты его разоряешь. Не обращай на это внимания. Закинь гарпун покрепче. Его батареи недорого стоят.

«Вернувшись домой, он все взвесит и созовет правление. Они предложат компромисс, скажем—четыре доллара за батарею. Ты твердо держись трех. На двести пятьдесят тысяч батарей, которые мы берем у него ежегодно, это означает для нас экономию не менее пятисот тысяч долларов в год,—и это без всякого беспокойства в связи с рабочими беспорядками и без расходов на оборудование и организацию.

«Как видишь, сумма серьезная.

«А что касается убытков Троянской компании, то нечего о них плакать. Им придется переложить на публику десять процентов, и они вернут все, даже с излишком.

«Но не подсказывай этого Болдуину, пусть сам додумается.

«Они принуждены будут согласиться. Неизбежно. Если же нет, то мы приступаем к выполнению нашего проекта, и они на деле скоро узнают, что значит война.

«Скажи Болдуину, что если он согласится на наши условия,—контракт на пять лет по три доллара за батарею,—то мы в каждой рекламе о наших автомобилях будем помещать, что ставим троянские батареи, потому что при фактическом испытании они оказались самыми лучшими. Пусть Болдуин унесет это с собой, чтобы не предстать с пустыми руками перед своим правлением. Ты понимаешь, что два лишних доллара он может отнести на расход по рекламам, и таким образом ему будет легче добиться согласия совета.

«Как только новый контракт будет подписан, прекращай работу с проектируемым заводом. Никаких объяснений,—просто прекрати!

«Что касается Хэнтера, то реши сам. Он—с темпераментом, и я слышал с разных сторон, что он не производит хорошего впечатления на деловых людей. Конечно, он очень работящий честный болтун из пуритан. Я думаю, что у него нехватает деловой сметки, и не думаю, чтобы стоило оставлять его вице-президентом. Он проделал большую работу, но не высказал ни одной новой мысли. Все это мы уже обсуждали, хотя не в таких подробностях, как сделал он. Однако, потратив все свое время на возню с этим проектом, он не догадался, что всего проще надавить на Троянскую компанию. Вот почему я говорю, что у него нехватает деловой сметки.

«Когда все будет кончено, он, конечно, будет разочарован. Я его не осуждаю, но разочарование заразительно, и ничто так не расстраивает организацию, как участие в ней разочарованных людей.

«Вот и все. Не спрашивай никаких указаний. Тут сказано все.

«Приезжай как-нибудь погостить, Джо. Развлечемся.»

Жена и автомобиль Хэнтера, отвозивший его на станцию, дожидались, пока он прощался с Майкелем.

— Все кончилось, как нельзя лучше,—сказал он.—Но я, конечно, очень ценю ваш совет, мистер Уэбб.

— Заставили вы его подписать с вами контракт?— спросил Майкель.

— Нет, я вам уже сказал, что не вижу в этом нужды.

— Ах, милый, милый мой,—прошептал Майкель тоном миссис Прат, узнавшей что «м-р Элсуорт» взял письмо. Потом он сообразил, что бесполезно говорить что-либо еще. Ум Хэнтера не воспринимал голой истины, без сопровождающего его вздора.

— Вспоминайте про лисицу,—сказал Майкель.

— Какую лисицу? которая тонула?

— Да. Ту, которая тонула. Прощайте.

— Да, я помню. Очень остроумно. Прощайте.

8

Жаль, что Хэнтеру нехватало дара прозрения. Это избавило бы его от многих забот. Обладай он этим даром и проникни умственным взором на полгода вперед, он прочел бы следующее:

Из журнала «Автомобильная промышленность» (сентябрь, 16).

«Автомобильная компания Эллермана прекратила постройку отделения аккумуляторных батарей на своих заводах в Иллинойсе. Несколько месяцев назад стало известно, что компания собирается выпускать собственные батареи. Компания отказалась давать объяснения, почему этот проект теперь оставлен. Вице-президент Т. Х. Хэнтер, которому было поручено осуществление этого плана, подал в отставку.»

Из журнала «Аккумуляторные батареи.»

«Нам сообщают, что Троянская батарейная компания возобновила на несколько лет контракт с компанией Эллермана. Эта компания является самым крупным потребителем троянских батарей.»

(Троянская компания сначала чуть ни умерла с горя, потом оправилась и воскресла с новыми силами. Ее бодрый голос оптимистически раздавался во всю первую страницу ежедневных газет.)

Объвление Троянской батарейной компании в ежедневной прессе (октябрь, 15).

«Троянские батареи снова торжествуют! Широко поставленные испытания автомобилей компании Эллермана показали, что могучие троянские аккумуляторные батареи не имеют равных по силе и выносливости.

Когда вследствие вздорожания сырья в начале прошлого месяца цена троянских батарей была повышена на десять процентов, то раздавались голоса, предсказывавшие сокращение продажи наших батарей. Результат был как раз обратный.

За последние два месяца троянских батарей было продано больше, чем в какие-либо другие два месяца существования компании.

Почему?

Потому что всякий проницательный владелец автомобиля знает, что троянские батареи всех лучше, сильнее и выносливее.

Нажмите на педали, прислушайтесь к здоровому шуму вашего троянского механизма. Немного дороже плохой батареи, но на сто процентов лучше качеством.

Покупая батарею, требуйте самую лучшую. Обращайтесь с своей машиной, как с человеком. Давайте ей троянскую батарею, и она будет довольна.

Троянские батареи изготовляются с любовной заботой довольными рабочими троянзаводов.»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

УВЫ! БЕДНЫЙ АВТОР

1

Я сидел у себя дома, погруженный в мысли. Деловой день приходил к концу. Раздался телефонный звонок. Доббс-Ферри.

— Как поживает мой автор?—спросил голос Майкеля.—Что сталось с книгой? Помните ли вы обо мне? Я ваш герой, и неплохой, честное слово.

— Да, неплохой!—ответил я саркастически, насколько это возможно по телефону.—Я рад, что вы позвонили. Зачем вы портите мне книгу?

— Порчу вам книгу?—послышался удивленный голос.—Она ничуть не испорчена. У нас не было никакой интриги, и я понял так, что надо все предоставить естественному течению событий. Так оно и вышло.

— Да, я знаю. Но вы испортили мою литературную карьеру своими социалистическими выступлениями.

— Ах, нет!—сказал голос.—Не говорите этого. Вы мне заявили, что хотите, чтобы книга была либерального тона. Я исполнил ваше приказание. Думаю, что всякий согласится с тем, что это не реакционный трактат. Вы сказали, чтобы было либерально, и я поймал вас на слове.

Препираться было скучно.

— Вы знаете, что я хочу сказать,—крикнул я в трубку,—теперь толстые журналы меня не будут печатать. И вы это прекрасно понимаете.

— Тише, тише, успокойтесь!—Провод доносил его слова, как дружественные похлопывания по плечу.—Конечно, будут! Они и не услышат о вашей книге. Посылайте ваши рассказы в «Субботнюю Вечернюю Почту». Кончайте их так, чтобы юноша женился на девице и получил в приданое фабрику.

— Хорошо, почему же вы там не займетесь обезвздориванием Ричарда Эллермана?—спросил я.

— Обезвздорить Ричарда Эллермана! Да ведь это убийство! Нельзя удалить из него вздор без роковых последствий. Я—ученый, но у меня есть сердце.

— Вам хорошо так говорить,—ответил я,—но должен вам заявить, что недоволен тем, как вы провели этот роман.

— Ах, вы недовольны!—сказал голос.—Так, радуйтесь,—ваши заботы обо мне скоро прекратятся. Дальше вы можете писать книгу по-своему. Я только что женился на мисс Меррифильд и выхожу из романа. Прощайте. Всех благ!

Я не успел ответить. Он повесил трубку.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1927

1 р. 75 к.